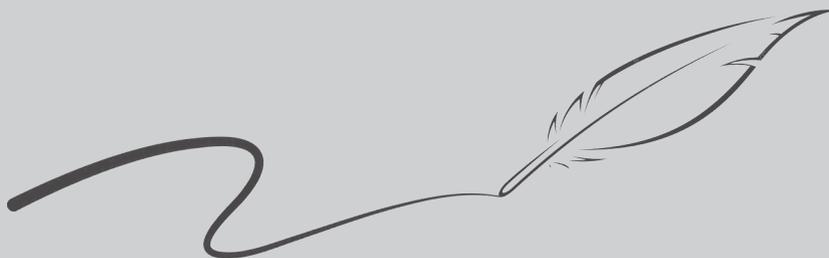

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ
ФАРИДЫ КУДАЕВОЙ**

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозюю
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами – кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ
ФАРИДЫ КУДАЕВОЙ**

Литературно-художественное издание

НАЛЬЧИК-2024

УДК
ББК
К

Под редакцией Фариды Кудоевой

Литературная студия Фариды Кудоевой. – Нальчик:
экспресс-типография «Принт Центр», 2024. – 170 с.

ISBN

«Литературная студия Фариды Кудоевой» – книга, которая выходит в рамках проекта «Мы горской песни два крыла». Проект писателя Фариды Кудоевой, созданный в целях укрепления дружбы народов республики, но охватил всю северокавказскую географию.

Укрепление литературных связей, следование традициям, которые были введены Расулом Гамзатовым, Раисой Ахматовой, Алимом Кешоковым, Кайсыном Кулиевым, Салихом Гуртуевым, Мусой Ахмадовым, популяризация произведений писателей Северного Кавказа среди читателей региона – основное направление данного издания.

В книге представлены произведения писателей Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Чеченской Республики, Карачаево-Черкесии, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Произведения Александра Пушкина и Сергея Есенина подчеркивают нашу незабываемую веру в силу своего Отечества и любовь к ней.

©Ф.М.Кудоева, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Адам Гутов. Рассказ «ЕМУК»	8
Руслан Ацканов. Сонет тхыль	14
Нелли Лукожева. Лепестки Нелли. Стихи	20
Муталип Беппаев. Стихи	28
Аскер Додуев. Стихи	32
Хыйса Османов. Новелла «Дорога домой»	36
Сакинат Мусукаева. Рассказы	39
Джамбулат Кошубаев. Стихи	48
Сакинат Абаева. Рассказ «На охоте»	57
Тенгиз Маржохов. Сказка «Хапытош и Ящер»	65
Залина Лукожева-Тхакахова. Рассказы	75
Фарида Кудаева-Кочесокова. Стихотворение в прозе «Ма-аленькая»	86
Фарида Кудаева-Кочесокова. Рассказ «Мой любимый водонос»	89
Фатима Маржохова. Стихи	94
Оксана Бавокова. Стихи	101
Людмила Загаштокова. Уснувших гор не нарушай покой... ..	106
Людмила Загаштокова. Рассказ Одинокое дерево	107
Фатима Гидова-Казанова. Стихи	110
Амина Газаева. Стихи	113

РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Казбек Мамукаев. Стихи	121
Залина Басиева. Стихи	125
Валерий Цариев. Стихи	130

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

Миясат Муслимова. Стихи	139
И это всё о ней...	
Сулиета Кусова. О, моя усталая душа	142
Лариса Маремкулова. Камни родины и космос Миясат Муслимовой	154

Мурад Ахмадов. Стихи 158

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Лариса Шебзухова. Стихи 166

Шахриза Богатырева. Стихи 171

Артур Кенчешаов. Стихи 179

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Аламахад Ельсаев. Рассказы 184

Хожбауди Бохарджиев. Рассказы 198

Мовла Гайраханов. Рассказы 214

Сулиман Мусаев. Рассказы

Руслан Юсупов. Стихи

Асланбек Тугузov. Стихи

И это все о нем...

Саламбек Алиев.

Ночные песни пленника пламенных звезд 248

МОСКВА

Лазарь Шестаков. Стихи 263

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Аксана Шогенова. Рассказ «Цепь добра» 265

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мурадин Ольмезов. Стихи 287

Аброкова Белла. Стихи 290

Фарида Кудаева. Сказка «Совет на лужайке» 297

Сулиман Мусаев. Рассказ «Урок литературы» 301

К 110-летию Алима Кешокова

Алим Кешоков. Свет в окне 305

(Перевод на чеченский язык Хожбауди Бохарджиева)

Алим Кешоков. Лермонтову 307

(Перевод на чеченский язык Хожбауди Бохарджиева)

Юрий Тхагазитов.

И Млечный путь провел бы по земле... 309

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Адам ГУТОВ

Гутов Адам Мухамедович – кабардинский прозаик, литературовед, критик, публицист. Родился в 1944 г. в селе Аушигер Черекского района Республики Кабардино-Балкария. Окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет им. Х. М. Бербекова по специальности русский язык и литература и аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького по специальности фольклористика, доктор филологических наук. Работает в Кабардино-Балкарском научном центре РАН (КБИГИ): прошел путь от лаборанта до заведующего сектором адыгского фольклора, кем и является в настоящее время. По совместительству преподавал в КБГУ, СКГИИ.

Автор более двухсот пятидесяти литературных, научных, научно-популярных, публицистических работ; сборника новелл, пяти монографий, трех сборников литературоведческих статей, учебников; соавтор-составитель, научный редактор ряда изданий аутентичного фольклора.

Член СП России. Заслуженный деятель науки КБР, ветеран труда. Имеет почетные грамоты Президиума Российской академии наук, Правительства КБР, Парламента КБР, Парламента Чеченской республики и др. Живет в Нальчике.

ЕМУК

Рассказ

Помнится, мы сидели в кабинете моего коллеги по службе и, что случилось нечасто на работе, увлеченно вели восточные разговоры. Мы сотрудники научного учреждения, но Заур, мой собеседник, еще и известный писатель, к тому же он старше меня лет на пятнадцать, поэтому больше говорил он, а я, со-

блюдая этикет, наслаждался его рассказами. Между другими темами заговорили и о нашем языке, который под напором все- сильной глобализации все только сужает и сужает сферу своего употребления. Однако разговор у нас шел не только о его мрачном будущем, а еще и о том, что в жизни иногда случаются курьезы: вдруг где-нибудь вдали от родных мест, когда такого и ожидать нельзя, негаданно встречается носитель твоего редкого языка. А то прямо в центре Москвы или Питера, среди людского моря вдруг тебя окликнет по имени твой сосед из далекого селения. Да, случалось и такое, чего только не бывает в этом мире. Тут Заур вспомнил о том, как много лет назад в одну из командировок в Москву он оказался в гостинице в номере с пожилым человеком, ветераном войны, на что указывала внушительная орденская планка на груди. Гостиничные знакомства происходят легко, и, как обычно случалось в советские времена, в урочный час они сели вместе перекусить тем, что перед отъездом жены положили им в чемоданы. А поскольку к минеральной водичке и пирожкам, которыми снабдила заботливая супруга, принято украдкой от нее брать еще нечто располагающее к откровенным разговорам, случайное знакомство вскорости окрепло чуть ли не до обращения на «ты».

* * *

Сосед оказался человеком открытым и словоохотливым, – рассказывал Заур, – из тех типично русских людей, с которыми и стеснения не ощущаешь, но и панибратства себе не позволишь. Что совсем естественно, после того как мы успели заполовинить содержимое известных емкостей, а к тому времени уже поведали друг другу о роде своих занятий и цели своего приезда в столицу, в определенный момент он меня спросил:

– Ты говоришь, что с Кавказа, но это же, как у вас говорят, гора языков. Какой же ты национальности?

– Я адыг. Кабардинец.

Услышав это, он как-то вострепнулся, прищурил один глаз и неожиданно заявил:

– Нет, ты не кабардинец!

– Почему это я не кабардинец?

– А потому что, если ты кабардинец, ты мне объяснишь значение слова «емук».

Я усмехнулся в усы: надо же, сам уральский, а вот где-то услышал единственное кабардинское слово, причем трудное для перевода, и решил надо мной посмеяться. Не на того напал, я ведь худо-бедно филолог. Тоже мне нашелся – знаток языков. Однако попробовал деликатно объяснить:

– Видите ли, это из таких слов, которые на другой одним словом не перевести. Нет в русском языке абсолютно точного соответствия. Кто вам его сказал? Наверное, мои земляки и по Уралу гуляют, или вы сами бывали в наших краях?

– Это неважно. А ты мне все же растолкуй, что оно означает, ну хотя бы своими словами.

– Приблизительно оно значит что-то вроде того: «неприлично», «некрасиво», «неудобно». Сделать емук – значит совершить что-то не очень достойное, не делающее чести, опозориться, может быть. Этим словом оценивают поведение человека.

– Вот-вот, – прервал меня мой новый знакомый, – поведение человека. Это совсем близко к тому, как Он говорил. Только вместо русского языка у него был какой-то винегрет. Я его почти не понимал. Одно слово только и запомнил.

– Кто это «Он»?

Сосед немного помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли размышляя о том, стоит ли доверяться почти незнакомому человеку, но, наконец, будто решившись, начал рассказывать.

– Было такое. Под Сталинградом. «Емук» – это был его принцип. Я ему говорил: «Пригнись, браток, стреляют!», а он на это отвечал: «Емук». Не мог он склоняться под пулями, гордость, видишь ли, ему не позволяла. И, что интересно, не брала его пуля.

Собеседник помолчал немного, потом добавил:

– До поры не брала... И повернуться спиной в сторону немцев для него было «емук», и даже небритым ходить – «емук». Как бы нам тяжело ни было, в каких мы переделках ни бывали, он считал обязательным, чтобы все у него было в полном порядке – оружие чтобы сверкало, одежда была чистой и опрятной, даже окоп на один бой он прибирал, как жилище. Притом было это не напоказ. Просто иное – «емук». Однажды во время вылазки силь-

но ранило нашего старшину. Тот сам просил оставить его, чтобы самим не погибнуть. Так он его из-под такого огня вынес – силы небесные, как они только живыми остались! Как же – оставить товарища, даже тело убитого, – для него это «емук».

А когда его все же зацепило шальной пулей, он посчитал, что бегать из-за этого с передовой на перевязку, когда враг вот-вот снова в атаку пойдет, будет «ба-альшой емук». Так же было, когда к нам доставляли еду с полевой кухни, и когда надо было делить последний сухарь, и когда воды оставалось каждому по глотку. Тут он был последним. Ни в чем себе поблажки не позволял, только самое малое и самое необходимое. Остальное все – «емук»!..

Случилось это уже поздней осенью: немец с такой яростью наседал, что видно было – не удержим позицию, зря сами погибнем и фрицам дорогу откроем, уж лучше отступить до подхода свежих сил. Он молча выслушал приказ, потом твердо заявил: «Наша бежать – емук». И несмотря на наши уговоры, настоял, чтобы тот же самый старшина оставил его, как мы говорили, «на съедение», то есть прикрывать собою отход.

Он не отступил. И пока сам был жив, не пропустил фрицев. Стоял до последнего. Благодаря ему мы тогда отошли организовано, не погибли в беспорядочном отступлении. Его «емука» хватило ровно на то, чтобы мы заняли новую позицию и закрепились. Только на следующий день мы дождались подкрепления и уже всем фронтом пошли вперед. Тогда мы и нашли его тело. Да какое там тело – одни клочки, исколотые и пулями изрешеченные... Вокруг – опухающие немецкие трупы. Да, бежать, наклоняться или спину врагу показать он не мог. А вот погибнуть оказалось не емук... Видишь, как получается. Столько лет прошло, ни имени его не помню, ни фамилии, а самого до могилы не забуду. Мне повезло: я всю войну прошел, много всякого перевидал и вот ведь сам удивляюсь, что живым остался. Сколько всего было, а слово его любимое и его самого запомнил на всю жизнь. И в самые тяжелые часы на войне я чаще других вспоминал именно его. Понимаешь, он будто в том своем последнем бою в меня вселился, что ли, со своим этим принципом: «емук». «Емук» – это, по его мнению, все дурное, все недостойное человека, это

все, что налипает на него, как грязь. Он потом всю войну меня оберегал своим духом. Не выжить помогал, а намного выше – сохранить достоинство. Вот ты, говоришь, кабардинец. Вот он был кабардинец – это да. Потому что через его память я весь народ уважаю. Может, вы все такие, как он. Но точно, что он был настоящим сыном своего народа. Не знаю, как это попонятнее сказать, но я в некоторой степени – он. Почему так говорю – а ты подумай, был бы я таким, если бы не знал его? Нет, я бы был другой, хоть немного, но другой.

После этой беседы мы прожили в одном гостиничном номере чуть ли не целую неделю. Но как-то получилось, что не нашлось у нас времени еще поговорить или хотя бы обменяться адресами. Командированный в Москве себе не принадлежит, каждый бежал по своим делам. Мы надеялись, что как-нибудь еще успеется и поговорить, и адреса записать. Как встретились нежданно, так вдруг и расстались. Сейчас даже имени его не припомню. Да и сам я тогда не придал его рассказу такого значения, которое увидел в нем позднее.

Думаю, что такие истории хранить в своей памяти может только чистый и благородный человек. Произошло это совсем не в светлые времена, но не будь таких историй, и времена были бы еще тяжелее. А быть может, и времен тех бы вовсе и не было. Хотя и сама эта история лишь одна из многих тысяч подобных. И рассказал ее один из миллионов. Кто их нынче помнит, в какие документы можно занести то, что рассказал мне этот человек? Но ведь пронес он это через всю войну с ее жестокостями и через долгие годы, считай – через всю жизнь. Поэтому от таких рассказов на душе становится чище. А еще потому истории эти светлые, что только чистый духом человек из всего, что с ним случается в этом мире, в памяти сохраняет вот такие светлые образы. Значит, он и сам такой же. Плохой бы забыл. А если бы и запомнил этого странного горца, то какими-нибудь нелепостями, которые легче увидеть в человеке другого языка и культуры. Что ни говори, а родственные это были души. Хотя один и был русский с Урала, другой – кабардинец с Кавказа. Теперь-то я понимаю, почему мой собеседник колебался, прежде чем рассказать мне про «емук». Он носил это в себе, для него оно сокровенное.

И не всякому встречному мог рассказать. Я благодарен ему за то, что мне он доверился. Такая история.

* * *

– Это же готовый рассказ! – воскликнул я. – Тут особо ничего и придумывать не надо, почему бы вам не использовать этот сюжет? Ведь вы сами писатель, прирожденный новеллист, как говорится, и карты в руки.

Заур грустно улыбнулся в усы:

– Думаешь, не пробовал – ничего не получается. В том-то все и дело, что добавлять от себя не надо. Не смог я сделать из этой истории ничего художественного. Вот парадокс: сюжет готовый, вроде бы сам просится на бумагу, а никак на нее не ложится. Бывает же такое. Видишь ли, в творчестве материал должен как-то сопротивляться, чтобы искра была. Или же он оказался сильнее меня. Он у меня всю фантазию забирает, не дает мне свободы самовыражения. А просто так записать услышанное, послушно идти за информацией – это разве творчество. И написать не могу, и забыть тоже не могу. Жалко терять. Да и тот мой собеседник рассказал эту историю, я думаю, не просто так, а чтобы не унести ее с собой в могилу...

* * *

Конечно же, его «ничего не получается» было гораздо выразительнее того, как я здесь это неумело пересказал. Но я все же решился. Дело в том, что недавно не стало самого Заура. Наверное, уже давно нет в живых и того рассказчика-уральца, который считал, что в него вселилась душа верного товарища. И я теперь на всем свете единственный, кто знает эту историю, больше никому рассказать про то, что старый солдат пронес через всю свою жизнь. А мы только суетимся и суетимся, всечасно занятые своими заботами.

Такая история. Как мог, так я ее и рассказал.

**АЦКЪАН РУСЛАН
(Руслан АЦКАНОВ)****АДЫГЭ ПОЭЗИЕМ И ЛЪЭГАПИЭ**

СонеткӀэ зэджэ усэ лӀэужьыгъуэр епщыкӀушанэ лӀэщӀыгъуэм Италием кыщещьэри, иужькӀэ бзэ зыбжанӀкӀэ зызыузэщӀа европей усэ гъэпсыкӀэм и классикэ хъуаш. Сонет зыусхэм яхэтащ дуней псом щыцӀэрылуэ усакӀуэхуэ Данте, Петраркэ, Шекспир, Гете, Гейне, Пушкин, нэгъуэщӀхэри. Мы усэ гъэпсыкӀэм хабзэ ткийм утетын хуейуэ кьегъэув. Япэрауэ, сатыр бжыгъэр хьэкъыу пщыкӀуплӀ хъууэ щытын хуейщ. А пщыкӀуплӀыр рифмэ нэхъ бейкӀэ узэдауэ, рифмэхэмьякӀэуэкӀэрихэхауэщытщ. СонетыргъэпсыкӀэм и закъуэкъым. Мы усэ лӀэужьыгъуэр кыхэгъэщхьэхукащ тематикӀкӀэ, стилистикӀкӀэ, идеерэ композициерӀкӀэ. Сонетым сюжет шэщӀа иӀэу щыткъым. Ар зытемыкӀыр зыщ – гурыгъу, гурыщӀэ, гупсэ луэхугъуэхэр гъэнэхуэнырщ. Сонетым и плъыфэщ дэтхэнэ зы луэхугъуэми гупсысэ нэхукӀэ хэплъэныр икӀи гъащӀэм, абы и кьэхъугъэ зэмыщхьхэм философиерэ эстетикэ лъагэм и пцалъэхэмрӀкӀэ бгъэдыхьэныр. Гухэлъ куумрэ гупсысэ нэхухэмрэ зи нэцэнэ, ритмикэ лупщӀыр, макъ зепэджэжыбэр зи хабзэу ува, зи гъэпсыкӀэр, зи купщӀэр сыт щыгъуи зекӀуж усэ лӀэужьыгъуэр ар зыгъэшэрыуэфым и зэфӀӀкӀ гъэлъэгъуапӀэ щыпкӀэ мэхъу. Мы усэ гъэпсыкӀэр езыр Ӏэзагъэм и нэцэнэщ. Шэч хэлъкъым узэрыщымыуэнум, а усэ лӀэужьыгъуэр узэщӀауэ зилэ лъэпкӀ литературэм и поэтиер зыужьыныгъэ нэс зыгъуэтахэм яхэббжэмэ.

СонеткӀэ зэджэ усэ лӀэужьыгъуэр адыгэ поэзием кызызэрыхыхьэрэ куэд щӀакъым. Илъэс зы тӀощӀырыпщӀ ипӀкӀэ ар щӀэщыгъуэ дыдэу кьащыхъуу щытащ, тегушхуэу абы и жыпхъэм ит усэм зезыпщытыр закъуэтӀакъуэу. Сонет бжыгъэ гуэр я Ӏдакъэм кыщӀӀӀкӀащ адыгэ усакӀуэ зыбжанэм, ауэ а усэ лӀэужьыгъуэм ди лъэпкӀ поэзием нэсу зыщезыгъэужьар Ацкъан Руслану кӀэплъытэмэ, ущыуэнукъым. Абы и щыхьэтщ мы тхылъым ихуа сонет щыщрэ тӀощӀыр. Ацкъаным и Ӏдакъэм кыщӀӀӀкӀащ нэгъуэщӀ усэ куэди, поэмэхэри. Руслан гуащӀэшхуэ хилъхьащ тӀрмэш лӀэужьыгъэми. УсакӀуэм псэм кыдыхьэу зеридзӀкӀащ Лермонтовым и кавказ поэмибгъур.

Итлани зэ гу зыхуищла усэ лэужыгыгуэр лэщыб ищлактым, ильэс куэдкля абы елэжьаш, кьарурэ псэ кьабзагьэрэу илэр хилъхьэу Сэ кьызэрысфлэщымкля мы тхылтым кьеджэну етлысылэ дэтхэнэ зыри занщлэу яхьэхунуш Руслан и сонетхэм яхэлъ гупсысэ нэхухэм, щлэщыгуэхэм. Плящлэрыщлэрэ дэуей-дэпклейрэ щылактым.

Гуапагьэр, псэм и лэфыр дунейм зэрытемыкляэдыклар, нобэ нэм кьыщлэджыджэу узыгьэгужьей кьэхьугьэхэм нэмышл флым и нэцэни зэрыщылэр, ар гьащлэм и джэлэсу зэрыщытыр кьыдагьэщлэж мытхыгьэхэм. Мы сонетхэр зэхуэфашцэу, жьы дэхуплэ я зэхуаку имылэу гьэпсащ. Абыкля ахэр ебгьэщхьыну кьозэгьыр композитор гьуээздэм и лэдакьэм кьыщлэкла симфонием. Зыкли зэпымышлауэ кьыпщыхьу макьамэхэр зытхам и лэзагьэклэ зэхэхуэна мэхьур, лейуэ жыхуэплэни, хэбдзыни хэмыту. Мы сонет тхылъри апхуэдэщ: дэтхэнэ зы усыгьэри темэ щхьэхуэм теухуаш, дэтхэнэми езым и образ щхьэхуэхэр кьыхошчыж, зэ жила дьдэм усакляэм кьытригьээжыркьым, кьытезыгьээжыр темэхэрщ (ахэр куэд дьдэ хьункля лэмал илэкьым), гупсысэу, гурыщлэу усакляэм кьытхуиуатэхэрщ, гупсэ щытыкларщ.

Симфонизм жыхуилэ хабзэм тетщ Ацкьан Руслан и сонетхэри. Щэч хэлъкьым мы тхылъыр адыгэ поэзием и льягаплэхэм ящыщ зыуэ зэрыщытым.

ГЪУТ **Издэм,**
филологие щлэныгьэхэмкля
доктор, профессор

СОNET ТХЫЛЪ

1

Нэгу кьыщлохьэжыр сыщалъхуа пщлантлэжьыр,
гумащлэу и плланэпэ кьэс сьдэплэу,
абы узышэж гьуэгури кьызошлэжыр.
Мэхьу гьащлэ псо абы нэсыхукля дэлъыр.
Ди пщлантлэр кьыщлоклыжыр уафэ гьунэу,
адакьэу пшэпллым зыщегьэпщ бжыхь джабэм.
Зыкьызолтыхьуэжыр, плъызу си нэр,
иджыри унэм сэ сыкьыщлэклакьым.
Сыкьыщлэклынщ кьуэш цыкляхэр кьыздыщлэсшу,

абыхэм салуплъамэ, сохъу гу махэ.
Ди нанэ жэмыр кьишрэ кыигъэзэжмэ,
щидзэнуц махуэм, псом нэхъыщхъэ махуэм.
Спэлэщлэщ, уафэ гъунэу, сабиигъуэр,
абы сыхуоплъэ, бзу зи лъэтэжыгъуэу.

2

Зелуантлэ псыежэхым, зыкъегъэпщ,
кыхэхуа дыгъэр иригъэх кыпфлэщлэ.
Хисхъащ пшэр мафлэм, яжъэр кыпоццэщ,
иужьклэ къуршхэм солъагъуж кытещу.
Доклыжри тлэку – къуэладжэм нэр еуфлыцл,
мэтхытх и щыфэр лэджэм пэплъэ тафэм.
Мэз лъапэм кыщокъугъыр хъэлудыз,
ди хъэжри докъугъей емышу уафэм.
Зэшыгъуэм уафэ лъащлэр кърешэх,
и плъэгъуэ къэсклэ дыхъэу пкъынэлъынэм.
Мы дунеижьым егъэпщкълуж и щэху,
гупсысэ лейуэ хъуар кыщлэхъэ унэм.
А псор зытегуппла си гукъыдэжыр
зы хъэндывабгъуэ закъуэт – мэлъэтэжыр.

3

Аргуэру бжыхъэ плъыжъыр къоццэщэх,
хэклэзызыкыу щыпцлэм зыхелубэ.
Иджы абы илэжкъым зыри щэху,
хуеший, ба хуищлэ, япэ къэсым лупэр.
Гухэлъу бжыхъэм ихыр сыт хуэдиз,
луцащэ макъыр щлэз ищлэщ уэгу щлагъым.
Зэм гукъэкыжыр абы и куэдыжыщ,
зэм гугъэр къыздрихыр согъэщлагъуэ.
Дахагъэ нэхур быбу мэкъутэж,
гумащлэщ бжыхъэр, ищлэу зэрысыкыр.
Щымы щыль жыг тхэмпер жыбгъэм кыидотэдж,
мыгъуауэ хэль лэпаллэр хэузыкыу.
Дахагъэр мэлъэлъэж, щымысху лэпллэм,
си гъащлэр кыщлэгъэщыр, псори хэплъэу.

4

Сыпэмыплъауэ гугъэ къысфлотлэп,
 бжыхьэкӀэ хуабэм къыгъэпцӀа кхъужьейуэ.
 СыздэкӀуэм нэскӀэ къэнэжар зытӀэкӀут,
 арщхьэкӀэ гъащӀэм плъапӀэ къысхущӀегъур.
 КъэгумэщӀа дунейр зэлъылуокӀуэт,
 къыстеубыда уи нитӀым сылъагъэсу.
 Блэклауэ хъуар а плъэгъуэм щызэщӀэтщ,
 сызыхисхьэну мафӀэр зэщӀигъэсту.
 Махъсымэу, пшагъуэ лувыр къыбоший,
 сыхоффри – зӀещӀэж аргуэру си лъыр.
 СыкъызэрыпцӀэр сщӀаурэ сыбошэж,
 уи лӀплӀэм сыхуопӀащӀэ зым семыплъу.
 Зи лӀалъэ икӀа хущхъуэщ си гухэлъыр,
 къысхуимыщӀа щымылӀэт, симыгъалӀэм.

5

ПщӀыхьӀэпӀэр къытригъазэу щӀокӀ си нӀгум,
 къэспсэлъыр къысфӀощӀыж зӀгуэр жыслауэ.
 ИгъащӀэм си лъэр здэзмыхьам сыгъакӀуи,
 мэхъу къыщысфӀӀэщӀа абыи сыщылауэ.
 Зэщхьщ дунейр псор жыслӀэнуги – сыкъопцӀэ.
 Зехъуэж абы, псэ закъуэ хэлӀыкӀыхукӀэ
 е къыхыхьӀэхукӀэ, дыгъэм зигъэзэхукӀэ,
 и бӀуэгъуитӀ зэмыщхъу жьыри къопщӀэ.
 Захъуэжыр псоми, дыгъэми зехъуэжыр,
 къызэрыкӀа щытыкӀэми йохъэжыр.
 КъысфӀощӀа апхуэдэ куэд къызэзнэклауэ,
 си нӀгу щӀӀакарэ си фэми дӀклауэ.
 СилӀэн хуеяр сӀэ гъащӀау сыт хуэдиз,
 апхуэдэу си гур хъуным щхьэкӀэ из?..

6

Диящ ди псыхъуэ щӀэхур. Нэху къекӀащ
 кӀыжауэ псым телъ мылым и улӀгъэр...
 Золъатэ жьапщӀэр, хъууэ бауэкӀӀэщӀ,
 елуатэ хъыбар кӀыхъу зӀ жылӀгъуэр.

Къолусэм – къупщхьэм нэсу уегъэтхытх,
лъым хыхьэу щылыэщ и лущащэ макъыр.
Итлани дыгъэр щылыгъэм къыхуоплъых,
и бзийхэм псэ зыпытыр ягъэжакъуэу.
Щымахуэм и щэху лэджэ къытщегъэпщкы,
ди кыуаплэу шыта гъуэгури щыхъумэжу.
И гъащлэр зэрыклэщыр къищлагъэнщ,
арауэ къыщлэклынщ зыщилыгъуэжыр.
Зи нэгум куэд щлэкла мы дунеижьым
къытщигъэпщкыну хэтщ ящыщ лъэужьхэм.

7

Гуэныхъ къызохьыр, уескъузылэм си бгъэм,
уезмыкъузылэм – ар нэхъ гуэныхьыжщ.
Къыхощыр пфлэфыр уи нэм нуру ипхъым,
уи макъ клэзызыр абы поувыж.
Уэ уи гум шыщлэ псори къызгуролуэ,
арщхьэклэ зыхуэпабгъэри солъагъу.
Къару мыдэлужыну лъым шызоклуэ –
дяку дэль лъэбакъуэм гъащлэ и кыхъагъщ.
Гуитлщхытлэу шылэр шызэхуос си бгъэгум,
задауэу ди къэклээнур яубзыху.
Нэхъ лэфыр, сэ къызгуролуэж тлэку-тлэкуу,
узыхуэклээнум улъэмылэсыхущ.
Зищысыр умыщлэхущ мы гъащлэм хэлъыр,
нэхъыфлщ умыгъэунэхум абы къуэлъыр.

8

Къримытхар уи натлэ умыуей,
уи пщлэнтлэ щемыжьари уи мылбагъуэ.
Хэт зыщлэр щынэхъыщхьэр мы дунейм,
зыщыгугъынщ си гъащлэр сымылбагъур.
Деса къудейуэ гъатхэр пощэщыж,
гупсысэр епщлэу, мэхъу нэщхьей ди махуэр.
Гъэгъахэр епхъ дунейми – къыщлощыж,
и гухэль щхъуантлэр кърекыт гъэмахуэм.
Гъэгъар щымы щрипхъаклэщ мы дунейм,

щхъуантIагъэри ипхъынущ нэхъ иужькIэ.
 Гъэмахуэр зымылъагъур лIащ тIэуней,
 нэмысым бжыыхъэм щIэпсэуар имыщIэ.
 Нэмысыжар, щIымахуэм къелу, гъатхэм
 Iыхъэншэщ. ЛIэгъуэ химыха мы гъащIэм.

9

УфIэщщIыгъуафIэу уи нэм къысхуаIуатэ,
 щыуагъэу къыппэщылъри ахэм къощ.
 Уи нэгум хъэндырабгъуэ щызолъатэ,
 кIэлъызелъатэу уи псэри къысфIощI.
 Уи дежкIэ вагъуэр щыфIэдзащ бжыхъ кIапэм,
 уи дежкIэ дыгъэр кхъужьей щхъэкIэм фIэсщ.
 Мы дунеижьыр пшагъуэу нэху къекIамэ,
 къэбгъэнэхунущ псэкIэ лъагъуэ къэс.
 А лъагъуэм я нэхъыбэм тетыр пщIатэм,
 уагъэунэну хъунтэкъым уи фIэщ.
 УфIэщщIыгъуафIэу уи нэм къысхуаIуатэ,
 мы си гур щIэгузавэри уэращ.
 Си гъащIэр стынщ уэр щхъэкIэ къыбжезыIэр,
 щIэфыгъуэжынкIэ мэхъу зы махуэ псыIэм.

10

Сэ пхуэсщIэфынуур мащIэщ, икъукIэ мащIэщ,
 сыббгъэдэтынщ псэ къабзэкIэ – ар сыт.
 Псэр хиутэжу зекIуэ хъуащи гъащIэр,
 си гъусэу жыжъэ унимыгъэсын.
 Сэ пхуэсщIэфынуур зырикIщ, ауэ игъуэщ,
 ущыщIилъафэм узэпхъуэн зы шхийщ.
 Пхуэслуэтэфынуу зы хъыбар щIэщыгъуэ,
 ущIригъэгъуэжу, ущикIынуум хъийм.
 Сэ пхуэсщIэфынуур икъукIэ мащIэщ, зырикIщ,
 зы пхуэзмыщIэфу щытми – услъагъунщ.
 Сэ схуэдэм ущыхуейр умыщIэ зэкIэ,
 уи щIыб къауцу сыдэтынкIэ хъунщ.
 ИкIа фочышэр, гъущIыр зэпхигъэзу,
 къыгъэувылэнкIэ мэхъур тхылъымплэпсым.

Нелли ЛУКОЖЕВА

ЛЕПЕСТКИ НЕЛЛИ

Лукожева Нелли Галимовна родилась в селении Верхний Курп Терского района КБР. Окончила Витебский (Белоруссия) индустриально-педагогический техникум, историко-филологический факультет КБГУ (отделение русского языка и литературы, кабардинского языка и литературы) и факультет общественных профессий «Основы журналистики» при КБГУ.

Н. Г. Лукожева – член Союза журналистов и Союза писателей РФ. Поэт, драматург, автор первого литературного эссе, написанного на кабардинском языке. Она также является первой кабардинкой, обратившейся к балетному жанру в качестве автора либретто собственных балетных спектаклей «Метаморфозы души» и «Рисунки ветра». Симфоническую музыку к партитуре к ним написали А. Готов («Метаморфозы души») и В. Коржавин (Балет-сказка «Рисунки ветра»).

По ее произведениям «Шыра» и «Благодееание» сняты телевизионные художественные фильмы. Фильм «Шыра» был показан во многих республиках Кавказа, а также в Америке, в штате Нью-Джерси. Лукожева является одним из консультантов фильма «Тайны адыгства», который был подготовлен совместно с телевизионной бригадой Юрия Сенкевича в передаче «Клуб кинопутешественников».

Одним из значимых вкладов в адыгскую этнокультуру Нелли Лукожевой является сбор и публикация названий звезд на родном языке: «Адыгское небо».

С 1985 года она активно сотрудничает с газетами и журналами, выходящими в КБР, КЧР, республике Адыгея, а также работает на радио и телевидении. Отдельное внимание следует уделить песенному творчеству поэтессы. Она является автором ряда песен на кабардинском и русском языках, в том числе и детских, получивших популярность в республике и за ее пределами.

В 1995 г. в Сирии, на арабском языке, в литературно-художественном альманахе было напечатано ее эссе «Поединок разнужданных душ». В 2002 г. стихи Нелли Лукожевой вошли в сборник

стихов «Млечный путь» («Шыхульгагьуэ»). К 70-летию Государственного академического ансамбля «Кабардинка» Н. Лукожева написала моноспектакль к танцу «Солнечный танец Хаттусы». 2005 г. по ее сказке-пьесе «Ветерок и перекасти поле» поставлен спектакль на сцене Адыгского театра (режиссер-постановщик К. Жакамухова).

Нелли Лукожева – автор рассказов и эссе «Шорох» («Шхьыщхь макъ», 1998), сборника стихов «Лепестки» («Къэпщийхэр», 2000), сказки «Ветерок и перекасти-поле» на кабардинском и русском языках (2006).

В 2009 году выпустила сборник избранных произведений «Всходы души» («Жылапхьэ»).

В 2011 г. написала пьесу «Хьэхэбасэ» («Одичавшая собака»).

Она автор проекта и составитель книги о заслуженной артистке РФ и КБР Куне Жакамуховой: «Куна неповторимая» (2008), составитель книги Пшизаби Мисостишхова: «Мир переменчив» (2010).

В 2016 году написала пьесу «Семейное счастье», в 2020 году – сказку-пьесу «Мыщлэвагьуэ» («Путеводная звезда»).

В этом году готовится к изданию большая книга Лукожевой на кабардинском и русском языках. Переводчики этого издания – Л. Маремкулова, М. Муслимова, А. Кармова, В. Мамишев.

Надо отметить, что ее творческой работе дали большую оценку выдающиеся ученые, литературоведы и деятели культуры КБР: З. Налоев, З. Тхагазитов, Б. Утижев,

Н. Шогенцукова, Л. Шауцукова, М. Паштова, А. Абазов, Л. Хавжокова, А. Жилов и другие. Как отмечает доктор филологических наук Людмила Хавжокова: «Творчество Н. Лукожевой, вся ее жизнь и деятельность направлены на сохранение и приумножение культурных и духовных ценностей народа. При этом главным источником вдохновения и художественного мастерства поэтессы являются адыгский этикет и традиции устного народного творчества.

В поэзии Н. Лукожевой нашли отражение все сферы этнокультуры адыгов: особенности характера, нравы, моральные и психологические устои этноса, народные культы и обряды, символика одежды, приметы, элементы афористики, и т.д. Воссоздавая художественный образ народа, поэтесса вплетает в поэтический

текст обширный этнографический и исторический материал... В поэзии Нелли Лукожевой получили художественное освещение и другие обряды, обычаи, традиции адыгов, отражена их детерминация в контексте глобального и гипердинамического прогресса современного общества. При этом часто бывает оригинальна сама постановка важных для национального самосознания проблем, затрагиваемых автором в своей поэзии». Н. Лукожева в своих стихах не только констатирует и пропагандирует этнические ценности, но пытается побудить сознание соплеменников к духовной, ментальной идентичности.

* * *

Я к тебе не вернусь никогда,
затопило паромы судьбы.
Сгинут глас твой и зов в никуда
до Архангельской – знай – до трубы.

Белокипенный цвет алычи
осыпается ржавой трухой –
сохнет дерево в хладной ночи,
устремляясь на вечный покой.

Как в уныло-гудящих ступнях
разухабилась долгая боль...
Не жалеть мне о лживых тех днях,
перемолотых в горькую соль.

Упокоится вовсе душа,
обретая последний свой путь,
на пороге попросит Творца:
«Умоляю... его не пустить!»

Внучке Элине

Птаха моя голосистая,
фея из ласковых снов,

Мак на устах и лучистая
нега ресниц – лепестков.
В тоненьких чудится пальчиках
жизни беспечной залог.
Девочка в солнечных зайчиках –
Внученька, радость и... долг.
Не за ветрами зарницы,
Не за горами пути,
Ты в оперенье синицы –
Дай тебе тропку найти!
Фея моя златоустная,
В строгих изломах бровей,
Вдруг, померещилась истая
Тень моих девичьих дней.

АДЫГСКАЯ РЕЧЬ

Свирель родного языка:
«Да будет слову мысль преградой,
И не садись, дружок, пока
Не лицезрел застывших рядом».
Быть человеком – есть адыгство,
Испей живого родника:
Твори добро и бескорыстно
Храни истоки очага.
Свирель родного языка
Сосцами матери священна,
Как бритвы лезвие – тонка,
Как манускрипты – драгоценна.
Адыгский мой – в зените звезд,
От коих вечное сиянье.
Недаром, словно звездочет,
Воркую и пою гортанно.
Свирель родного языка:
«Да будет слову – мысль преградой.
Ты не садись, мой друг, пока

Не лицеизрел безмолвных рядом».
Адыгство – статус человека,
И речь адыга – вековечна.

* * *

А шар земной как прежде крутится –
никак не вспять...
Я повторяю: «Все получится.
Курс не терять!»
Но шар земной куда-то катится –
никак... сойти?
Его конец во мне отыщется –
нам по пути.
И шар земной со мной вращается –
Творца закон!
А жизнь как прежде продолжается –
мой вещий сон.

* * *

Заплутала впотьмах душа –
солнышка просит.
Сердце мерит путь не спеша –
путь тот заносит.
Солнце кануло в сизую муть –
жизнь скороспешна.
Сердце просит у истины прут –
время, ты грешно!
Снова суетных дней череда –
мелочны счеты.
Слово горько, одна ерунда –
доводы тщетны.
Бесприютной была не всегда,
друг мой, послушай,
Ведь бывает... плачет вода
в льдистом удушье.

Знаешь, воли просит душа –
света в раздолье,
И чтоб дружба была прочна
(не в... пиру похмелье!)
То ли много просит душа –
капельки с воску...
А перо мое, еле дыша,
хлюпает в сноску.

* * *

Сердце просит луча –
я ищу, не устала,
но в потемках кружа,
плоть моя обветшала.

Как безрадостны дни
без бодрящей росинки,
сколько плоть не труди –
жизнь презренной пылинки.

Мне бы света без зла
в ореоле молчанья,
дом в глуши, скрип пера
и... лампы сиянье.

* * *

Ищет сердце, копошится,
подбирается к словам,
я подмигиваю строчкам –
разбиваю по слогам.

И написанное веет,
уносясь в иную даль.
Ненаписанное зреет,
недоступное – не жаль.

Ищет сердце, копошится...
Ни покоя мне, ни сна.

Сердце просит, ум резвится:
Лепят душу без конца.

* * *

Снова спорит зима с весной,
Снова оттепель с вьюгой в раздоре.
Мне причудился голос родной –
То был голос единственный... твой.

Мне причудился голос тот... твой,
не иначе, как тоже тоскуешь,
то-то спорит зима с весной –
нас с тобой бессловесной... Чуешь?

* * *

Воспоминаний дивный шлейф
в подоле солнечного чрева
сулит мне весны среди льдов,
надеждой душу манит снова.
Воспоминаний дивный шлейф
Лелеет сердце: солнце снова...

* * *

Приюти меня,
ивушка-плакса,
пожалей, роняй
на меня слезу
без остатка –
меня обрыдай...
Я же стану,

к тебе взывая,
долю злую петь –
в небе кружит
воронов стая,
ах... не дай узреть
им меня в моей
горькой доле;
им – мое одиночество
в поле...

* * *

Разум косит по былинке
вдоль по житнице ума.
Мне же в этом поединке –
ни пригоршни в закрома.

Я же в этом поединке
за бессонницей вослед –
сердце кроткое в холстинке
заслону от умных бед.

* * *

Ничего особенного, кроме...
кроме как поверила в тебя.
Если я слепила «не такого» –
виновата буду только я.

Ничего неведомого, просто
взор ощупал мельком все вокруг
и... тебя – воспетого такого –
так и не признала, бывший друг.

Заживет – затянет, поделом же!
Вой белугой, вой, дуреха, плачь,
где-то там за долами такой же

раздается чей-то тихий плач.
Ничего особенного...

Муталип БЕППАЕВ

Муталип Беппаев родился в в Джамбуле. В 1971 году по рекомендации Кайсына Кулиева поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. После института, в 1975 году, вернулся в Нальчик, где работал в Балкарском госдрамтеатре... В 1978 году вышла его первая книга на балкарском языке – «Проснувшиеся скалы». Потом было еще много сборников стихов. Был председателем Союза писателей отделения КБР РФ, сейчас заместитель председателя Союза писателей КБР РФ.

ТАУ ЖУРТЛА ЖАШАСЫНЛА

Кёп жолгъа адам чыкъды,
Хар бирин заман жыкъды.

Бююн сен – сынжыр тогъай,
Къадарынг – алгъа быргъай.

Тамбланы кёрю эсинг,
Толкъунну бара кесинг.

Дум-ала таула, журтунг,
Чёмючде да – жууртунг.

От жагъангда от жана,
Бёлляуну жырлай ана.

Бешикде жашчыкъ жата,
Арбазда ишлей ата.

Ныгъышда таматала,
Арлакъда – атла, тала.

Сен тангда келдинг бери,
Болмагъанча абери.

Бар нени кесинг къурай,
Жаныуар да огъурай.

Жаратханча жер-жюзюн,
Хар тѣшге ёрлей жюзюм!

ЭСКИ ЮЙ

Къарт ием бла бирге
Сюйюучем эригирге,
Оюмда биригирге,
Кюлкюге берилирге,
Оюнда керилирге,
Ишлеге жегилирге –
Къарт ием бла бирге!..
Къарт ием бла бирге
Энди онг жокъ тюберге,
Кюн ахшы болсун дерге.

БЁЛЕДИ ЖАБАЛАКЪ

Бѣледи жабалакъ
Жырына – чыммакъ-акъ:
Таш-чайыр жолланы,
Жап-жашил къолланы,
Чабакълы суучукъну,
Боз-кѣксюл урчукъну,
Моргъулдум ёгюзню,
Хунада кюйюзню,

Акътукъ хораны,
Къып-къызыл хоразны,
Тау-къаудан биченни,
Чалыда кишенни...
Уммону ышнырын,
Гаммешни къышхырын...
Жапмада бешикни,
Куркада эшикни;
Парийни кёзлерин,
Назмуну сёзлерин...
Бёледи жабалакъ
Жырына – чыммакъ-акь!..

МОЦАРТ БЛА САЛЬЕРИЛЕ

I

Келдинг да ол аманнга,
Чагъыр къуйдунг стаканнга,
Моцартлыгъын билдирдинг,
Сальери, нек ичирдинг?!

II

Терк кетсин стакан столдан –
Кёп Сальери жетер солдан:
Зат келлик болса къолдан –
Атарла, Моцарт, жардан!..

III

Бек кёп – алгъа баргъанла,
Боракъгъа жер салгъанла –
Аперимлик алгъанла!
Сальериле – къалгъанла!

«СЕНИМЕ!» – СЕН ДЕСЕНГ

«Сениме!» – сен десенг,
Кюле-кюле келсенг,
Манга бир эс бёлсенг –
Жаннет бердинг – бил сен,
«Сениме!» – сен десенг.

«Сениме!» – сен десенг,
Атынг болса кёгюм,
Толса сенден кёлюм,
Кери кетер ёлюм,
«Сениме!» – сен десенг.

«Сениме!» – сен десенг,
Чагъар кышда агъач,
Жюрек да – къарылгъач,
Жашау – манга къууанч,
«Сениме!» – сен десенг.

«Сениме!» – сен десенг,
Хар ким жырлай жерде,
Сабий ёсе тёрде,
Жаным, кюнлей – ёрде,
«Сениме!» – сен десенг.

«Сениме!» – сен десенг,
Кюле-кюле келсенг,
Манга бир эс бёлсенг –
Жаннет бердинг – бил сен,
«Сениме!» – сен десенг...

Аскер ДОДУЕВ

Аскер Тауканович Додуев(1953) – народный поэт Карачаево-Черкесии, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Минги-тау».

После выхода в 1980 году первой книги стихов «Къарда баргъан» («Идущий по снегу») А. Додуев сразу привлек к себе внимание и критики, и читателей. Этому способствовали ярко выраженный национальный характер, индивидуальность поэтического мышления молодого поэта.

В 1984 году выходит второй сборник его стихов «Жолда» («В пути»). К какой бы теме ни обращался поэт, ему удается, никому не подражая, высказать свое понимание жизненных явлений, свой взгляд на суть вещей. Новизна формы, тонкий психологизм и глубина содержания – отличительные особенности стихов А. Додуева. Его поэтическую речь обогащают неожиданные сравнения, метафоры. Язык его ярок и точен. Размышляя о судьбах людей, о жизни, Додуев не дает готовых ответов на неизбежно возникающие вопросы, а приглашает к разговору.

В 1988 году выходит сборник Аскера Додуева «Черек» («Река»), свидетельствующий о творческом росте поэта. В 1998 году увидела свет еще одна книга Додуева – «Бетден бетге» («Лицом к лицу»). Это издание говорит о творческой зрелости автора, неординарного дарования поэта. В книге автор философски осмысливает действительность, размышляет о судьбах своей страны и современников.

Любовь к родной земле, к природе занимает большое место в лирике Аскера Додуева. И как у всякого поэта-лирика, многие строки его стихов посвящены любви, воспеванию женской красоты, ее таинству. Не менее ярко выражены в творчестве Додуева патриотические мотивы.

НЕ ВИЖУ ДОРОГИ

1

Мне теперь без труда не дается полет,
Потому не завидуй, когда я летаю...

Пусть голодный шакал стороною пройдет,
Пусть минует тебя страхов серая стая.

От того, что устали, отстали друзья
Я не стану добычей лесного зверья.
Все до точки забудь, помни только одно:
Не указ мне холодный, расчетливый разум.

Если полночь поманит однажды на дно,
Я уйду, как солдат, повинуюсь приказу,
Ведь заря далека, даль мутна и темна,
И мерцает вдали лишь надежда одна.

Я по горной тропе слишком быстро шагал,
Так бывает, когда не в ладу сам с собою,
И теперь я в теснине один между скал,
Полоненный своею забытой мечтою.

Обойти меня просто, но ты не спеши,
Впереди ни пути, ни огня, ни души.
Кто из нас не гордится своею тоской,
Словно путь к небесам нам с рожденья заказан?

Каждый сам по себе и на ухо тугой,
От того и Всевышний к нам глух до намаза.
Дольше всех оставалась со мною печаль,
И ушла навсегда, но ее мне не жаль.

Моя свежая рана мешает идти,
Моя старая рана поныне опасна,
И в слепую полночь несется «Прости!».
Но, сказав это вслух, я слабею и гасну.

Горький хлеб я от жизни привык получать.
Чем он горше, тем слаще любить и прощать.

2

Я летаю не так уж высоко,
Поднебесье мне не по плечу.
Но врагам не достанусь, как сокол...
И друзьям ближе быть не хочу.

Просыпаюсь по смутному зову,
Поднимаюсь в глухой тишине.
И дорогу ищу свою снова,
Но дорога не видится мне.

Не умел я расчетливо думать,
Просто шёл за мечтой напролом.
Сквозь туманный и призрачный сумрак
Унося её в сердце своём.

Путь в ночи не усыпан цветами.
И мы сами себе палачи.

Мы идём за своими мечтами
И теряемся в чёрной ночи.

Грусть и радость ко мне равнодушны.
Что-то главное я потерял.
Потому даже хлеб мой насущный
И с молитвой нерадостным стал.

Перевел А. Пряжников

ЧЕРЕД

Я утомлённый сел на камень,
Застыл в молчании святом,
Почувствовав родство с цветами,
Травой, дорогой. Но потом
Услышал странный спор с тревогой –
Меж камнем, лесом и дорогой.

За непонятным этим спором
Мне странно было наблюдать,
Но силы не было вставать.
Следя за тайным разговором,
Я только голос камня слышал,
Как будто это голос свыше...

Я понял мудрость мироздания,
Есть в этом мире свой черёд.
Он не зависит от желанья.
Пускай хоть миг, хоть век пройдет...
Сегодня я сижу на камне,
А завтра всё наоборот.

Перевела Г. Гагарина

КАМЕНЬ И ТРАВА

Упал на землю камень со скалы,
Как срубленная кем-то голова.
Теперь в лощине острые углы
Ему ласкает нежная трава.

Трава не знает, кем тот камень был,
Как проводил бесчисленные дни,
И почему лежит теперь без сил,
Без цели, и без каменной родни.

А прежде ледяному ветру брат
И проливным дождям был камень тот,
Поверил, что стал легче во сто крат,
И ринулся в единственный полет.

Он падал вниз, но прежде, чем затих,
Не ведая о том, кто впереди,
Своих не замечая, и чужих,
Всех разметал без счета на пути.

Но здесь, в лощине знать не суждено,
Какой дорогой к ним пришел сосед,
С кем он боролся, с кем был заодно,
И осуждать его – причины нет...

Трава ласкает камня своего,
Траве о прошлом думать нет нужды,
Так с тем, о ком не знаем ничего
У нас не будет никакой вражды.

Перевел А. Пряжников

Хыйса ОСМАНОВ

Хыйса Лейлунович Османов родился в Казахстане. Окончил ИТФ КБГУ, работал прорабом, инженером, в данный момент трудится в республиканской газете «Заман». Автор многих книг, печатается в республиканских литературных журналах и газетах. Его произведения неоднократно попадали в антологии поэтов и прозаиков Северного Кавказа. Стихотворение Х.Л.Османова «Послание женщинам» переведено на 16 языков народов России. На стихи Османова слагают песни. Его произведения переведены на языки народов Кавказа.

Хыйса Османов – член Союза Журналистов России, член Союза писателей России, Клуба писателей Кавказа. Награжден грамотой Клуба писателей Кавказа, медалью имени Салиха Гуртуева в 2024 году, грамотой Союза писателей КБР РФ. В предыдущие годы также был награжден медалями и грамотами разных общественных организаций за вклад в развитие национальной литературы.

ДОРОГА ДОМОЙ

Новелла

В огромном заброшенном дворе одного из горных сел стоит высокий мужчина с развивающимися на ветру посеребренными

волосами, держа в правой руке широкополую чёрную шляпу. Детские и отроческие воспоминания с неистовой силой пронеслись в его голове. Он мечется как неприкаянный, расхаживая по двору. Вдруг остановился перед плотно закрытой дверью дома, на которой висел огромный амбарный замок, а стекла окон были разбиты... Заглянул внутрь, но ничего не увидел. Вслушался. Только ветер со свистом врывается в одно окно и вылетает из другого.

Тоскливый взгляд незнакомца устремлен вдаль, сокровенные думы пленяют сознание. Он медленно опустился на корточки, поцеловал камни фундамента и погладил их. Привстал, безмолвно обнял стены дома и долго стоял, прижавшись к ним. Непрошенные слезы застилали глаза, ком застрял в горле. Полный отчаяния и грусти, промолвил он: «Отец, мама, родные мои, простите вашего запутавшегося в жизненных перипетиях сына, простите ради Бога». Мужские слёзы катились ручьём, ноги стали ватными, в груди сжало. Он сел на корточки, опустив голову, и долго оставался в таком состоянии неподвижным. Потом встал, еще раз окинул взглядом двор, а слезы все ещё лились, обжигая щеки. Мужчина, испытывавший многое: трудности жизни, любовь и предательство, разочарования, впервые не стеснялся своих слез, не вытирал их, отдавшись теплым воспоминаниям, заветным чувствам...

Прислонившись спиной к стене дома, он долго смотрел на заросший крапивой двор, где когда-то под лучами солнца отец мастерил косовище, мать неподалеку пекла хлеб. Скромная невестка подметала двор. Босоногий мальчик соревновался с порывистым ветром и скакал на своем коне из прутика.

Когда, в какое время происходила это красивая зарисовка жизни, всплывающая перед глазами и нарушающая равновесие души? Вчера, позавчера или много лет тому назад? Главное, это было, но ушло, ушло безвозвратно. И ничего с этим не поделаешь?! Вернуть бы хоть на мгновение время вспять. Услышать бы голос отца, почувствовать в волосах своих мягкие руки матери. Эти зарисовки воспоминаний вытеснили другие картинки. Вот... ласточки, щебечущие под крышей. Они только окрепнут, научатся летать и улетят осваивать новые земли, строить новые гнезда и новую жизнь. В этом подлунном мире у каждого своя дорога и своя судьба.

Когда дети покидают отчий дом, остаются родители – отцы и матери, тоскующие по своим детям. С этого момента глаза родителей устремлены вдаль, а души с трепетом и волнением ждут возвращения. Их изнуряет тяжелая болезнь, особенно маму. Именно у нее иссякают жизненные силы и интерес к самой жизни. Она ощущает себя больной, не может подняться с постели, не может понять и сказать, что болит, а врачам сложно поставить диагноз, диагноз столь тяжелой и непонятной болезни под названием тоска... тоска по детям.

А ведь правду говорят в народе, что материнская душа – в ребенке, а душа ребенка – в поле гуляет.

Мать, отец, умеющие сопереживать, радоваться, слушать и слышать свое чадо, ждут и не дождутся возвращения «блудного сына». «Увидеть бы свет своих очей», – повторяют без устали они и смотрят в надежде на дорогу.

Вот и нашего героя судьба закинула далеко от отцовского двора. Проходили дни, месяцы, годы. Но в какой-то момент душа воспарила и потянулась обратно. Вспомнились отец, мать, родное село, отчий дом, дорога, ведущая к нему. Теперь его разрывала изнутри тоска по родным местам, родным людям и звала обратно. И с этим зовом никак он не мог справиться, мысли занимала только дорога домой.

Много дорог исходил, много земель истоптал наш герой. Хорошего и плохого повидал. Богатым и влиятельным стал. Но нигде не нашел такого понимания, сопереживания, тепла, радости, покоя, как в отчем доме. Никто так не радовался его успехам, как родные люди.

Но путь домой оказался слишком долгим. Вернулся, но уже нет ласковой и доброй мамы, нет уважаемого, сильного и надежного отца. Сестра, брат тоже кто куда разбежались. Даже поговорить-то не с кем. Некому излить душу, передать нежные чувства, накопленные временем, по родным местам и близким людям. И эта потерянная связь с родными, измеряемая годами, давит и угнетает изнутри, нарушая покой.

Долго стоял во дворе мужчина, разрешая гладить ветру свои посеребренные волосы, и любовался то отчим домом, то двором. Потом надвинул глубоко свою шляпу. «Кто знает, когда я ещё вернусь»

сюда. Точно знаю, что вернусь, и тогда обязательно зажгу огонь в родном очаге. Но до тех пор, прошу тебя, не забывай, проводывай мой двор, потом споешь песню о заблудшем сыне», – так, завещав вольному ветру свой отчий дом, мужчина спешно вышел со двора.

Такова жизнь, одни приходят, другие уходят. Поколения сменяют поколения. Пока землю согревает солнце, пока луна освещает ночную темень, пока звезды горят в небе, мир останется миром. Как бы ты ни был далеко, даже за тридевять земель, за безбрежными морями и океанами, отчий дом останется в сердце навсегда. И ничто не сможет вырвать его из твоего сердца.

Перевод с балкарского Ларисы Ахатовой

Сакинат МУСУКАЕВА

Мусукаева Сакинат Азновровна – поэт, прозаик. Родилась в селении Сынташ Фрунзенской области Республики Кыргызстан. Окончила филологический факультет КБГУ. Работала корректором, младшим редактором, техническим редактором, ведущим редактором учебного отдела в издательстве «Эльбрус», главным редактором республиканского журнала для детей «Нюр». В настоящее время – литературный сотрудник газеты «Заман» («Время»). Автор двадцати шести художественных и литературоведческих книг, четырех учебников на родном языке. Произведения публиковались в детских журналах «Нюр», «Нур», «Солнышко» и «Минги Тау». Член СП России, Союза журналистов РФ. Награждена Почетной грамотой Союза журналистов РФ, Почетной грамотой Парламента КЧР, медалью за проведение переписи населения. Живет в Нальчике.

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ВЕРА И МОЛИТВЫ

Рассказ

Время совсем безжалостно. Никого не умеет беречь – ни природе, ни людей. Потому, наверное, и спешат вслед за тёплым и

прекрасным летом надоедливые дожди, за золотистой осенью – бураны. И так продолжается веками.

А жизни так не хватает! Не хватает её, чтобы посадить сад, увидеть его расцветающим, попробовать на вкус первые плоды, которыми он обрадует. Не хватает жизни на то, чтобы встретить хорошего человека и идти с ним под дождем и снегом, не хватает, чтобы наставить на путь истинный ребёнка. Не хватает жизни, чтобы сказать многим хорошие слова. Да, оно, время, такое, безжалостное.

Асият видела и войну, и изгнание. Потому жизнь и кажется ей долгой. Больше, чем один век, больше, чем два века. Все её ровесники покинули этот мир. А она всё продолжает жить... Иногда она думает, что Аллах забыл о ней. А потом ей становится стыдно за это, она корит себя: как могла она подумать, что у всемогущего Аллаха может быть такой изъян – что Он может о чем-то или о ком-то позабыть?! Потом она долго просит у Аллаха прощения, перебирая четки и повторяя незамысловатые свои молитвы.

Многое ей вспоминается. Может, если бы она была увлечена чемто, делала бы что-нибудь, была бы занята делом, всё было бы иначе. А так, что только на ум не приходит. Да, её отец и братья отца воевали – кто на стороне красных, кто на стороне белых. Такое было время, запутанное. Один погиб здесь, а остальные трое ушли в мир иной в Сибири. Матери её особенно приятно было, что супруг лежит в родной земле.

С того дня, как их арестовали, Асхат, который давно за ней бегал, просил её руки, так и не показавшись. Это тогда очень огорчало, даже мучило Асият. Теперь она уже об этом не думает, а тогда... Поэтому, когда Бузжигит умыкнул её, она даже обрадовалась этому. Хорошим был человеком Бузжигит. Просто судьба была недобра к нему: в 30-е годы двух братьев Асият и его арестовали в один день, когда они косили траву в горах. Оттуда увезла их черная машина.

Когда об этом стало известно, они с мамой не спали до утра. Утром бедная Нафисат, её мама, попросила Асият:

– Сбегай, доченька, к Шамдарий. Может, она что знает. Они были двоюродными сестрами.

Шамдарий тоже была в отчаянии.

– Не знаю, Асият. И для вас, и для нас опасно то, что их арестовали. А наш... ни дня, ни ночи для него нет, всё ходит где-то. Если бы он знал, сказал бы что-нибудь.

Потом только Асият узнала, что в аресте мужа и двух её братьев был виновен Баттал. Это его черная бумага до сих пор лежит в архиве.

И она, эта бумага, не дает покоя Асият, как только она о ней вспомнит, неуютно, плохо ей становится. Есть ли на свете сила, которая могла бы её уничтожить? Иногда она даже начинает сомневаться в том, что Баттал мог так поступить с ними. А бумага, вся пожелтевшая от стыда, от того, что хотела спрятать свои буквы, лежит за семью дверями на железной полке в черной папке, перевязанной пыльными ленточками.

Когда стало известно, что Бузжигит и два его брата расстреляны, они ночью сбежали в Карачай. А оттуда перебрались в Дагестан. Там они прятались в те страшные годы. К счастью или к несчастью, там ещё много было людей из их племени.

Асият вернулась сюда, на родину, перед войной. Да, отсюда ушли на фронт её сыновья, Хамзат и Чачий. Асият думала, что они будут ждать её здесь, потому и спешила вернуться из Азии в родное село. Но её здесь никто не ждал. Потом она узнала, где лежат её сыновья, её герои. Она побывала там. Может, сама и не смогла бы, если бы Халимат не стала ей спутницей. Сама, одна она выходила в дорогу, когда пришло изгнание. Не одна, конечно, с односельчанами. А с кем еще ей было ехать туда, в безызнательность, если её сыновья ещё не успели обрадовать мать невестами?

Много о чем она рассказывает сыновьям, глядя на их пожелтевшие фотографии. Жаль, нет среди них Бузжигита – их отца. Не осталось от него даже фотографии...

В последнее время она путает имена сыновей. Иногда забывает их. Тогда, обращаясь к ним, говорит: «Родные мои!» Халимат, сестра её сыновей, с которой они не были знакомы, заказала красивые рамки и повесила их фото на стене её комнаты. За это Асият ей очень благодарна. И ещё ей очень нравится, когда внуки несут портреты её сыновей на параде.

Она думает, что они, Хамзат и Чачий, не знают Халимат. А они её знают. Как не знать, если видят каждый день? Хотя фотогра-

фии на стене молчат, Асият сердцем чувствует, когда они печальны и когда им радостно. Халимат часто вытирает с них пыль, и когда она это делает, её сыновья, видимо, чувствуя тепло рук сестры, становятся веселее. Когда её народ изгнали, Асият оказалась в пригороде Алма-Аты.

Халимат она нашла там, на груди её умершей матери. В тот день, чтобы выкопали могилу и похоронили маму Халимат и её брата, она отдала одному казаху свой лучший бухарский платок. Спасибо ему, он и дуа прочитал на той могиле. Поминки она сделала, как только смогла, позвав эфенди, чтобы почитали Коран. Фамилию девочке не поменяла, чтобы иногда она называлась своим именем, ради тех несчастных.

Она помнит, как плакали люди, когда умер Сталин. Да, в тот день даже в колхозе остановили работу. Она тоже плакала. Думая, что она так убивается по Сталину, бригадир Сайдулла старался её утешить, похлопывая по плечу и приговаривая: «Не плачь. Все в этой жизни делается по велению великого Кудая»¹. А потом они делали дуа. Асият до сих пор удивляется, зачем надо было делать дуа по Сталину, он что, был мусульманином, за которого можно было бы просить у Аллаха простить его грехи? И плакала она вовсе не по нему, она оплакивала судьбы отца, его братьев, своих братьев, супруга, да ещё многих других, так несправедливо пострадавших от рук вождя.

Аллах сам знает, кого она оплакивала. Сыновья Асият были мужественными людьми, как и их отец. Подтверждение этому нашла Халимат. Она искала о них весточки в архивах. Искала и собирала понемногу. Хорошо, что их имена, как у многих таких солдат, не потерялись в земном хаосе. Асият радуется, что они ордена и медали получили, и это известно. Известно многим, раз сохранились бумаги, где об этом пишут. Асият всегда знала, что она вырастила хороших ребят. Иногда ей жаль, что они отдали свои молодые жизни за страну, которая их совсем не баловала. Но разве они об этом думали, когда враг стоял у рубежей? Нет у них другой Родины.

А Халимат – учительница, работает в школе. Асият довольна собой, довольна, что дала ей образование. И государству спаси-

¹ Так называли Аллаха азиаты.

бо за это. Как только вернулись из изгнания, она отправила дочь учиться и каждые выходные ждала, поглядывая на дорогу. Халимат выросла красавицей, душа у неё чистая и щедрая. Ни разу она не обидела Асият. Зять тоже.

Жамал рос в детском доме. Отец его погиб на войне, мама – в изгнании. Он и два его брата, все мал мала меньше, потеряв там друг друга, встретились здесь, в родном селе. Здесь они узнали друг друга. Асият нравится, когда они собираются вместе. Веселые они, хорошего нрава, от их присутствия, от их добрых голосов светом наполняется весь дом. Хотя средний-то не говорит – он немой. Думают, испугался чего-то маленьким, а сначала говорил. Братья не вспоминают то время. Осман, старший, пасет колхозные отары, Мазан – тракторист, а Жамал работает водителем в колхозе.

В первое время Асият стеснялась того, что зять пришел к ней жить. Пришлых в селе не жалуют. Но всё же была рада тому, что Халимат и Жамал не оставили ее одну. Красиво они живут. Не то чтобы ругаться, Асият не слышала, чтобы они даже громко разговаривали друг с другом. Раньше по ночам с бабушкой спала старшая внучка. А теперь они строго соблюдают очередность, когда и кому оставаться с ней. Все сказки, которые слышала в далеком детстве от отца, пересказала им

Асият, а внуки все просят и просят. Нравятся они им. Она научила их читать «Фатиху» и «Аятул-курси». Многое она забыла, а их помнит, потому что слышала в детстве...

– Халимат, – позвала она. – Что слышно про Баттала?

– Про какого Баттала?

– Про мужа Шамдарий.

– Мама, его давно нет. Ты это знаешь, просто позабыла, видно.

Вспомни, мама, мы же вместе ходили соболезновать, когда он умер.

– К Шамдарий?

– Шамдарий умерла ещё в Казахстане. Мы ходили к Мустафе, к их сыну. Он теперь живет в их доме.

– Значит, Баттал умер. А он думал, что никогда не помрет.

– Кто приходит в этот мир, чтобы не умереть?

– Он не разрешал Шамдарий общаться с нами, говорил, что мы враги народа. Ты это знаешь?

– Знаю, мама. Это было давно. Ты теперь не думай об этом. Не травми себе душу.

– Значит, они все вместе там. Если там встретился с моим отцом, что, интересно, сказал ему Баттал? Они были свояками – зятьями одной фамилии. Как мне не думать об этом? Когда мы вернулись из изгнания, а мы приехали раньше других, если помнишь, тогда он стоял передо мной и кричал: «Оллахий, ты, Асият, и в огне не утонешь и в огне не сгоришь. Вот вернулась, хотя и являешься врагом народа». Вот так он и сказал. Поэтому я тогда его выгнала со двора... Почему это я враг, если мои сыновья гнали врага до Берлина? И отец их никому не делал зла. Он боялся за свое место и погубил моего отца вместе с его братьями. Если на то пошло, колхоз, где он был председателем, был образован за счет имущества моих родных, за счет нашего скота. А их уничтожили. Кого убили, кто оказался в Сибири из-за таких, как Баттал. Вот потому я и печалюсь, что пришлось мне всё это увидеть и остаться последней из большой и дружной некогда семьи. Говорят же: самый ничтожный остается последним.

– Не говори так.

– Умершие хотят, чтобы их помнили. Сегодня, в благословенный вечер четверга, возьми из моих денег и раздай детям сладости. Давай вспомним и твоих, и моих.

– Я и сама могу.

– Нет, хочу из моего труда чтобы было. Много работала. За работала я эту пенсию.

– Как желаешь, мама.

Сердце Халимат успокаивается, когда она видит, как её мама, изредка бросая взгляд на фотографии на стене, перебирает четки, что-то шепча про себя. Она уверена, что там, где живут вера и молитвы, старость приобретает особый свет. Поэтому Асият просит долгой жизни своей матери. А та думает, что Аллах позабыл о ней.

РАССКАЗ О ЛУЧШИХ

Рассказ

Про Байсултана говорили: рожденный мужчиной! Он был сыном Кантемира, которого многие знали в тех краях. Имя его вошло в героические песни и песни-плачи. Да, Байсултан был достоин своего отца. Отец Кантемира, дед Таусултана, тоже был одним из могущественных людей своего времени в том ущелье. Много было скота, земли и другого богатства у таубия. Ничем он не уступал многим, прославившим свое имя князьям. Несмотря на это, люди запомнили его благожелательным, простым человеком. Рядом с ним никто не чувствовал себя неуютно. Сына своего, Кантемира, он тоже воспитал благородным. Всегда говорил, что главный столп жизни – это справедливость и доброе отношение к людям.

Была у сына таубия Кантемира возлюбленная, в которой он души не чаял. Красавица была дочерью князя из Дигоры. Ее звали Мисурат.

Многие известные жырчы² того времени воспевали её в своих песнях. У Кантемира тоже была песня о ней. Приехал Кантемир в очередной раз в Дигору, чтобы увидеть красавицу-невесту и посмотреть в её бездонные глаза, но... Кунак, у которого он обычно останавливался, встретил молодого таубия очень печальным. Кантемир понял: случилось что-то нехорошее.

– Бекузар, мне не нравится твоя печаль, что произошло? – посмотрел в глаза кунаку молодой таубий.

– Дорогой мой гость, сегодня я не смогу тебя обрадовать, потому и горит мое сердце.

– Скажи прямо. Только правда может быть истиной – говорят у нас.

– Красавицу Мисурат вчера вечером засватали за сына одного из дигорских князей и увезли в соседнее ущелье.

Услышав это, Кантемир и его друзья вскочили на коней и поспешили за свадебным кортежем. Догнали ровно в ту минуту, когда невесту вводили в ворота дома жениха. Кантемир подхватил на коня свою Мисурат и галопом помчался в горы с джигитами.

² Жырчы – сочинители и исполнители песен.

Погоня не заставила себя долго ждать. Но ни один из преследователей не вернулся домой живым.

Большое горе пришло в дома соседнего дигорского ущелья. Много раз от таубия ходили туда посланцы, но их не пускали даже на окраину села. Так началась вражда между двумя ущельями. Похоже, это было надолго.

Возлюбленная Кантемира, имя которой совсем недавно воспевали с любовью, а теперь уже с проклятиями, не могла простить себя за горе, причиненное этим людям, сердце её не тлело, а горело адским пламенем. Мисурат умерла, когда сыну её не было и трех лет.

После её смерти жизнь стала не мила Кантемиру, он затосковал, и не было в мире сил, которые могли бы заставить его улыбнуться. Жить ему не хотелось. Возможно, поэтому и привела его судьба к ещё более великой печали.

Однажды два его друга вытащили таубия в горы на охоту. Там они и встретились со своими заклятыми врагами. Ни те, ни другие не были простыми людьми – они были воинами, умели держать в руках оружие. Погибли многие. В живых остались Кантемир, его слуга и мальчик лет одиннадцати-двенадцати из дигорцев. Мальчик схватил ружье одного из бездыханных сородичей и направил его на таубия. Слуга Кантемира крикнул:

– Чего ты ждешь? Убьет же сейчас! Стреляй!

Тогда Кантемир спокойно промолвил:

– Не могу. Не хочу смешать свою кровь с молоком ребенка.

Он не поднял ружья, не схватился за лук. Он просто стоял и ждал. Мальчик выстрелил и убил Кантемира, а слугу его не тронул. Видно, белой кости был парнишка, не хотел замарать свою честь, застрелив слугу. Сыном того Кантемира и был Байсултан.

Грянула революция, потом война... Поздно женился Байсултан. Когда родился Мухаммат, не очень-то обрадовалась Зулейха. Этому никто не удивился, ведь сын привязал её к старому Байсултану навсегда. Не любила она его. Связала с ним судьбу только потому, что хотела убежать от постоянных укоров мачехи. Да и отца своего несчастного хотела освободить от этой страшной зависимости. Но в доме мужа её тоже не ждало облегчение.

Это она поняла уже в первые дни. Ни минуты не могла передохнуть – дом, двор, скотина, огород, гости...

Бедняжка Зулейха покинула этот мир в один из ярких летних дней, не справившись с родами. Когда Байсултан, услышав об этом горе, вошел в комнату своей молодой жены, грозно стукнув дверь, и нагнулся к ней, то заметил шевеление простыни, накинутой на тело.

– Ребенок все еще жив! – закричал он.

Зулейха, его Зулейха, лежала безжизненно, а внутри её ребенок боролся со смертью. Байсултан быстро схватил нож, что висел на его ремне, вспорол живот умершей и осторожно вытащил из её чрева ребенка...

В тот роковой день он дал себе слово, что больше никогда не женится. Тяжело было, что там говорить: два малыша на руках. Один, несмышлениш ещё, только первые шаги делает, другой... Но родные отговорили Байсултана от клятвы и привели к нему в дом женой Сырму – сестру Зулейхи. Многие отговаривали Сырму от этого шага. Говорили: как можешь ты выйти замуж за Байсултана, который зарезал мертвую жену, твою сестру?

Но отец её, почерневший от горя после похорон старшей дочери и как-то сразу постаревший, молвил:

– Всё в руках Аллаха. От его предписания никуда не убежать. Тебя я завещаю Аллагу, а детей – тебе. Пусть Он оберегает вас.

Тогда уже Сырма приняла решение. Она стала хорошей матерью для Мухаммата и Ахмата. Сестру им родила. Но сирот своих, говорят, опекала лучше, чем дочь. Единственным сыном был Байсултан у своей матери, теперь же у него были сыновья и дочь, наполнившие жизнь его смыслом, а дом – шумом и детским смехом. Это радовало его старость. Что старость? Ему казалось, он только начал жить. Каждый раз, когда спускался с гор, Байсултану казалось, что они подросли, и он с умилением смотрел на своих детей, отмечая что-то новое в них.

А потом началась война. Друг за другом покинули отчий дом Мухаммат и Ахмат. Не вернулись они с фронта. Сырма носила с собой их треугольные похоронки – они были с ней здесь, затем в изгнании, потом снова вернулись домой. Байсултану она их так и не показала.

Потом уже как-то пришел он к ней в сон.

– Дочь Отара, дети наши со мной. Хоть ты и скрывала это, – то ли упрекнул он ее, то ли просто сказал, чтобы она знала. Сырма же позавидовала ему, уж очень она по сыновьям скучает.

Сегодня вечером они, Сырма и Байсултан, сидят в своем дворе, совсем близко друг от друга. Мужчина – под деревом на длинной скамье, которую поставил там его внук Абдул-Керим, а женщина – на пороге. Вроде рядом, а кажется, что их разделяет тысяча лет.

Вечер прохладен сегодня, как будто хочет заставить всех забыть о дневном зное. Не дожидаясь, пока солнце уйдет за гору, появилась луна. Какое-то время они смотрели друг на друга. Именно так бывает, когда они встречаются: темнота немного пребывает в растерянности, а потом как-то сразу и без шума начинает распространяться на землю и небо из леса, скалистых пещер, глубоких ущелий.

– Мама, уже прохладно, не сиди, – несколько раз предупредила дочь. А потом, когда поняла, что она её не слышит, принесла подушку в бархатной наволочке, подняла маму и усадила на неё. Ждала, пока бабушка уляжется, и сноха ее дочери – молодая келин. Она не спешила уйти на покой, пока Сырма сидела на пороге. Увидев её беспокойство, Сырма погладила ей руку:

– Странная сегодня ночь, звезды так близки, как будто небо спустилось ниже. Не жди меня, родная, ложись. Недолго мне осталось смотреть на такую красоту. А про то, что Байсултан сидит во дворе на длинной деревянной лавке, она не сказала. Она знала, не просто так пришел он сегодня ночью сюда.

Джамбулат КОШУБАЕВ

Джамбулат Кошубаев начал публиковаться с 1980-х годов. Первый сборник стихотворений «Логос без имени» вышел в 2002 году, затем последовали сборники «Иное небо» (2012) и «Прозрачные тени» (2016). Философскую и изобразительную напряженность автор совмещает с лаконичностью выразительных средств. Избегая внешних эффектов, он взрывает небольшое

пространство поэтической картины изнутри характером образов и их наполнением.

В 2004 году вышла его книга прозы «Абраг», куда вошли одноименный роман и повесть-притча «Был счастья день». Роман-миф «Абраг» – первый в истории адыгской литературы роман-антиутопия. Использование и интерпретация автором мифо-фольклорного материала в разных частях романа широко варьируется от традиционных приемов до постмодернистских и разительно отличается от всех предшествующих ременисценций подобного рода в адыгских литературах. Дж. Кошубаев задействовал в романе практически весь диапазон смеховой культуры: юмор, ирония, сатира, пародия, гротеск. Эти приемы действуют на всех уровнях текста – лингвистическом, стилистическом, композиционном, онтологическом, метафизическом. Автор впервые в адыгской литературе подверг жесткой критике фундаментальную составляющую современного адыгского культурного феномена, применив метод последовательной тотальной деконструкции.

В 2008 году вышел сборник «Палимпсест», который составили статьи о современных поэтах и эссе «М. Ю. Лермонтов: опыт прочтения», а в 2020-м – сборник статей, эссе, интервью «Сподвижники времени: слово и искусство».

Танзиле Зумакуловой

...У Времени в плену
лишь на мгновенье...
Нет. Это Время
навек попало в плен стихотворений,
В которых жизнь и чувства наяву:
Здесь – мальчик, весь в пороховом дыму,
И бабушка из горного селенья,
И горький хлеб изгнанья,
И радость возвращенья,
И солнца луч, упавший на скалу,
Где так доверчиво дрожит от изумленья
Цветок, свою раскрывший красоту.

И в каждой строчке
Ваш певучий голос,
Он о любви и верности поет,
Он белым никогда не назовет,
Он черным предстает его народу.
И собственным страданием и болью
Здесь каждая оплачена строка,
И потому – правдива и легка,
И так мудра, и так полна любовью.
Язык поэзии – всегда язык любви,
Он одинаково звучит на всех наречьях,
Но он бы обеднел без Вашей речи,
Без брызг бриллиантовых и пламени в крови.
Велик народ, который дал Поэта,
Велик Поэт, свой сохранивший дар,
Чтоб на священный возложить алтарь
И песнь, и жизнь, что им была воспета.

ДУХ И КАМЕНЬ

Европейский дневник

* * *

Другие играют Шопена.
И снег за окном – другой.
Но голос певца из Чегема
вновь эхом звучит надо мной –
играют Шопена.
Безмолвно кружение снега,
над бездной страданий – покой.
Сливается музыка сердца
с начертанной кровью строкой –
играют Шопена.

ЭТЮД

Я вышел в ночь. Чернело поле,
зубчатый лес темнел вдали, –
этюды дремлющих мелодий
порывы ветра донесли.
Такой любовью и печалью
тогда повеяло с полей,
и мне предстали в дальней дали
тьень Эвридики и Орфей.
И эта ночь, и это поле,
и лес, чернеющий вдали, –
как голос Бога одинокий,
на нотный стан певца легли.

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Я к камню прикоснулся. Он молчал,
памятью обуглен и расстрелян.
Навсегда свободен – кто восстал,
кто на этом камне умирал,
в жерле гнева превращаясь в пепел.
Над костелом, в синеве небес,
колокола звон – и чист, и светел, –
нет напрасных жертв, хоть тяжек крест, –
стал алмазом их священный пепел.

СКЕРЦО

Непостижимо, как и в миг какой,
из нот, пронизанных печалью,
возникли звуки музыки иной,
наполненные яростью и сталью.
Над Старым Городом, сжимая щит и меч,
парит Русалка, размыкая воды,

и льется музыки трепещущая речь –
щит пламенной любви, разящий меч свободы.

* * *

Подняться на крышу Рейхстага
не составит труда.
Довольна открывшимся видом,
гуляет толпа
со всех континентов, всех рас
и цвета кожи,
и ветер гуляет,
задиристей всех и моложе;
и купол стеклянный,
наполненный синью небес,
вмещает людей и пространства
значительный вес.
По сфере ползет верхолаз,
на муху похожий,
и драит до блеска стекло
и облако чистит он тоже.
Идиллии нету конца.
Но крикнула женщина с дрожью:
– Куда?! Скажите! Куда втыкали знамя?!
А в ответ тишина.
Деликатная.

* * *

В слове «Трептов» затаился трепет.
Так и вступаешь в парк.
Остановилось время. Лепет
слов переходит в шепот
листьев, согбенных скорбью
почерневших берез,
и молчание трав.
Безымянные спят батальоны,

смертью
смерть
поправ.

* * *

По Унтер ден Линден
маршируют липы,
каждая –
со своим номерком.
Чистота и порядок
прилипли
намертво. Ненароком
ловишь себя на том,
что нарастает
протест, –
ищешь, куда бы присесть,
чтоб ощущать его лучше.
Из стерильных кустов,
чинно,
переваливаясь с боку на бок,
выходит стайка
откормленных
воробьев,
о своем чирикавая.
Воробей-бюргер надменен –
он не просит, не ждет –
он пришел взять трофей.
Не дождавшись,
грузно ступая,
уходит в кусты,
напоследок чирикнув:
– Auf Wiedersehen!

* * *

Когда Дрезден пылал в огне,
когда
падало с неба
с бессмысленным воем
возмездье, –
уцелела стена.
На стене –
безмятежное шествие:
кавалькада курфюрстов
саксонской земли, –
как осколок искусства
и бессмертного чувства,
уцелевшей от бойни любви
на белом коне.
Кавалькада саксонских курфюрстов –
проклятье войне.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Ангельские лица в облаках,
Сикст с Варварой в мученических ризах,
женщина с ребенком на руках –
образ вечный вечной жертвы миру.
Только вспоминаю я другой
образ женщины с младенцем несмышленным;
крики – «Шнеле! Юде!» – за спиной,
автомата ствол, к лицу взведенный.
Преклоняюсь перед мужеством сельчан,
перед их апостольской отвагой –
не отдали смерти и врагам
маленькую Миру с юной Сарой.
Эта женщина, чуть больше двадцати –
моя бабушка с характером упрямым,
ну, а крохотный младенец на горсти –
это просто – это моя мама.

* * *

Плывя в волнах грассирующей речи,
я думал с горечью о тех,
кто арестован был и был расстрелян,
валил тайгу и добывал Победу,
кто, словно раб, прикованный к галере,
не разгибал натруженной спины.
Я вспоминал о тех, чьи дети,
тяжелые с отцов снимая цепи,
вериги власти на себе несли.
Я наполнялся гулом голосов
невысказанных чувств и вдохновений,
исчезнувших навеки поколений.
Я чувствовал опустошающую горечь
за здравствующих и не доживших,
за всех, кто мог бы объясниться в любви –
в Париже, и к Парижу,
плывя в волнах грассирующей речи.

ДЖОКОНДА

И вот она передо мной –
с улыбкой странной.
И мы объаты тишиной
и вечной тайной.
Твой взгляд сумел преодолеть
веков пространство, –
не властна над тобою смерть, –
и мы не властны
проникнуть в тайну этих бездн –
как и откуда
нисходят гении с небес
и дарят чудо.

ДУХ И КАМЕНЬ

Внушали страх и трепет твои химеры.
И год за годом каждый камень твой
ложился прочно в основание веры, –
крестьянскую мозолистой рукой.
Не красоту народ творил, – молитву,
и к небу устремлял он лес стропил,
и не жалел – ни времени, ни сил,
себя увековечивая в камне.
Не потому ль под сводом Нотр-Дама
уста смыкаются неволью сами,
и кажется – над нами небосвод
иного неба, созданного вами,
скрепивших своей плотью Дух и Камень
и ожививших каменную плоть.

* * *

Золотым эполетом
блещет мост Александра
на парижском плече,
словно отблеск бывшего
величья и славы,
отражаясь в воде.
Блики русского солнца и тени
эмигрантских надежд –
мост, парящий над Сеной,
не смыкающий вежд.

* * *

И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже.
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»
Его узнал я сразу. Четкий
ни с чьим не спутать силуэт –

летит в своей крылатке черной
он – легкокрылый бог, Поэт!
И вслед за ним, с одышкой споря,
спешу к подножью Сакре-Кёра, –
преодолев ступеней ряд,
ловлю его смешливый взгляд;
и вновь бегу за силуэтом, –
нырнул и скрылся он в метро, –
сегодня слышал я в бистро:
«Восстал он против мнений света...»
Я мчусь за ним в Булонский лес –
стучит в висках – Дантес... Дантес...

* * *

Из этих узких улиц, вдоль каналов,
возникли призраки российских кораблей,
когда преображенец-царь – Михайлов
учился азбуке рангоутов и рей.
Нет, не названия снастей и такелажа
зубрили отпрыски боярства и князей –
с голландских разбегались стапелей
Гангут и Чесма, мужество «Варяга».

САКИНАТ АБАЕВА

Сакинат Владимировна Абаева родилась в селении Нижний Чегем Чегемского района. Окончила ФФ КБГУ, преподаватель МКОУ «Лицей №5» г. Нальчика. Автор трех книг, печатается в республиканских литературных журналах с 2006 года, пишет на балкарском и русском языках. Член СЖ РФ, член Союза писателей России, член Клуба писателей Кавказа. Награждена грамотой Союза писателей КБР. Живет в Нальчике.

НА ОХОТЕ

Рассказ

Несколько дней не утихала вьюга, наметала сугробы возле моей лачуги. К привычной уже скуке прибавилась и нехватка еды – вьюга и мороз не позволяли выйти из дома. Ну а сегодня, ближе к полудню, погода словно пообещала исправиться: туман порозовел, сквозь него пробился солнечный лучик и скользнул в комнату, выхватив из полумрака столик и стоящую на нем тусклую лампаду. За этим столом мы обычно обедали, здесь же готовил уроки и рыженький Димка.

Необыкновенный мальчик. Он старался, как мог, однако совсем не понимал в математике, зато к географии проявлял живейший интерес, к примеру, мог наизусть перечислить все африканские страны, их расположение, особенности... удивительное дело, эти названия не то что запомнить, но и выговорить-то было трудно.

Тоненький луч солнца взбудрил всех, дал надежду на хорошую погоду, на охоту, на сытный обед. Даже воробьи, которые прятались от вьюги в чердачных проемах, повеселели – этот маленький лучик света дал им тоже на что-то надежду, и чирикание у них продолжалось довольно долго.

Прошел еще день и полдня, но выйти на дело было небезопасно. Непогода на охоте, как плохой друг, любит делать неприятные сюрпризы.

От безделья, я сегодня лег спать рано и долго ворочался. Мысли шли самые разные, но все сбивались на одну: о ночной охоте, на полнолуние, когда в лесу ни малейшего дуновения ветра и полная луна заливают серебром заснеженные деревья. И ночью, как и днем, можно разглядеть каждую тропинку. Даже олени в такую ночь какие-то вялые и медлительные, такое впечатление, будто и на них влияет романтика лунной ночи... С этими приятными мыслями я заснул крепким сном. Снились мне лесные тропы, широкие и узкие. И вели они в бесконечность, в густой туман. Все тропы словно растворялись в этом тумане. Мой сон был прерван стуком в окно. Я не сразу понял, что это было: то ли продолжение сна, то ли стук вторгается в явь. Просыпаться не хотелось, но

стук повторился еще раз. И в это время Димка встал, подошел ко мне и начал меня трясти.

– Папа, проснись!.. Кто-то стучится. Я боюсь открывать двери.

Нехотя открыв глаза, я понял, где сон, а где явь. Резко вскочив, пошел открывать дверь. На пороге стоял егерь-сосед, из соседнего с Андреем села. Увидев меня сонного, егерь заругался, а посмотрев в глаза, как-то по-доброму сказал:

– Одевайся, друг, метель утихла. И лунная ночь нас просто обязывает пойти на оленя. А там посмотрим, что будет. И сова кричит, долгим глухим криком, значит, спокойная будет ночь.

Собрался я мгновенно. Меня веселила мысль, что задуманное просто материализовалось. Желание мое исполнилось. Это было невероятно и приятно. Надо же: и тропа, и луна, и олени. Все это действительно рядом.

У всех троих была одна надежда, ну что греха таить, все мы живем лесом, охотой. Без этого никуда. По пути в лес рассказывали друг другу про метель, и как лучик солнца каждому дал надежду и каждого рассмешил. И чуть задержавшись, исчез. Но после него долго еще было светло в темноватом, зябком доме. Сейчас все поняли, что все уже позади, скоро будет и еда, а с ней и уют, и покой.

Мы с Андреем шли за егерем. Давно были знакомы эти тропы. Но я все думал о своем сне, где лесные тропки поглощались туманом. И странное ощущение ни на миг не покидало меня. Я смотрел вокруг с некоторым опасением, даже завидовал где-то в душе своим приятелям, что они ни о чем не думают. И неожиданно для себя самого спросил у них:

– А что будет, если с кем-то из нас троих что-то случится?..

Оба от неожиданности опешили, а егерь, улыбнувшись, посмотрел куда-то в сторону тропы и сказал:

– Будет его дом в полном пансионе у тех, кто останется.

Эти слова больно прошлись через всего меня, и я с ужасом подумал о Димке, матери и собаке, которая не могла дожидаться кости, а когда получала, долго играла с ней, и лишь наигравшись, начинала грызть.

Егерь, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– А что ты такой несобранный, задумчивый? Может, что случилось?

– Нет, все нормально, все в полном порядке.

Я всячески отгонял от себя неприятные мысли. Даже не мог понять, откуда они появляются. Вроде бы занятие абсолютно привычное и даже желаемое. Но мысли не давали покоя, занятый ими, я вдруг осознал, что отстал от друзей.

Посмотрел вокруг... Никого, ничего. Где они могут быть? Может, спрятались и смеются надо мной? Но нет... Никого, нигде. Даже деревья, высокие и черные, и то стараются меня напугать своей чернотой и голыми ветками. Мне стало жутко. В ясную лунную ночь я не мог найти тропу, которая вела к тому месту, куда мы шли. Сугробы были разные: где-то высокие, а где-то нет, и на них никаких следов. Кое-где снега не было, и земля была открыта. Я не знал, что делать. Крикнуть было нельзя, испугать зверя не хотелось... И вот вспомнил свой сон. От страха и нестерпимой тоски выступил на лбу холодный пот. Я решил выйти из леса, во что бы то ни стало.

И, как в сказке, начал думать, в какую сторону пойти. Налево, направо, вперед, или как? В лихорадочных раздумьях прошло какое-то время. И вдруг справа, из глубины леса, услышал два выстрела из охотничьего ружья. Я понял, что это они, мои друзья, где-то рядом. Обрадовавшись, подумал, что я не покинут в глубоком зимнем лесу. Послышались еще какие-то, непонятные звуки, но я не придал этому значения.. Меня охватила радость, что друзья нашлись.

«Господи, а я-то уж думал... Ну конечно же, они нашли оленя, и все тихо, быстро... в общем, как всегда». Я машинально отломил кусочек от сухой ветки и начал крутить его между пальцами, и сломав его, бросил и начал теревить его ногой. И путаясь в мыслях, не понимая, радоваться или огорчаться, я хотел поднять эту полураздавленную деревяшку. Нагнулся и увидел, что стою на тропе, по которой мы недавно шли.

«Боже, но почему я не увидел сразу? Сколько я эту тропу искал? Что это я здесь стою, и вообще, почему я не с ними?» Я бросился вслед по этой тропинке, в глубь леса. Я шел вперед, думая только о том, что увидел тропу. И очередной выстрел из охотничьего ружья заставил меня остановиться. Я не смог пошевелиться. Мне было трудно сделать самое незначительное движение. «Что это со мной?» Весь покрытый холодным потом, дрожал, не понимая, что со мной.

Резкая боль в области левой ключицы скрутила меня. Я дотронулся до нее правой рукой, и что же? Мой старый тулуп был в дырках и весь в крови. «Откуда эта кровь? Разве могут Андрей и егерь целиться в меня?»

Слабость и головокружение будто отключали мое сознание. Сильная жажда мучила меня. Правой рукой я дотянулся до снега и с жадностью проглотил все, что смог наскрести. А потом еще и еще... Немного придя в себя, я присел, а потом прилег на небольшой сугроб, под которым лежал толстый слой прошлогодней почерневшей листвы. Я хотел спать, не чувствовал ни холода, ни боли. Тропинка уходила непонятно куда, нечеткими становились силуэты деревьев. Показалось, что рядом пробежало что-то большое, сильное, ломая сухие сучья, скрипя сухим снегом. Но все это происходило уже без меня, оно меня как будто не касалось...

Все это было...

Я пришел в сознание и долго смотрел вокруг. Не понимал, где я, что со мной. Но очень хотелось понять все это. Кругом все было белое, я не чувствовал своего тела. От беспомощности я закрыл глаза. С трудом раздвинув веки, увидел незнакомого человека, он направлял на меня свет, и этот свет ослеплял меня. Я хотел снова закрыть глаза, но он не позволил.

– Ты счастливчик, – посмотрев на меня, сказал доктор. – Ты молодец, ты выжил!

Я лежал и не понимал, в каком месте я такой молодец. Приложив все усилия, спросил:

– Где я?

– Ты у нас, в больнице. Неужели ничего не помнишь?

У меня не было сил ответить, и я покачал головой.

– Твои друзья нашли тебя почти в лесу, замерзшего, с большой потерей крови, и привезли сюда. А мы вот постараемся поставить тебя на ноги. Посмотрим, что у нас получится. Он мне рассказывал все это, а у меня даже сил не было слушать. Я закрыл глаза, а сон все не шел, я словно падал в пропасть. Порой пытался что-то вспоминать...

Прошло еще какое-то время, и чей-то взгляд снова заставил меня открыть глаза. Я с большим трудом сделал это... и увидел

перед собой голубые глазки, полные радости, и рыжую головку Димки. Он смотрел на меня с каким-то непонятным испугом. Я хотел дотронуться до него, но, увы...

– У тебя нет левой руки, – прошептал Димка, и слезы покапались по бледному личику. – Но ты не переживай, я все время буду рядом, буду тебе помогать. Мы с бабушкой молились за твое выздоровление. Даже мама приезжала и спрашивала о твоём здоровье. Эти слова, напоминание о жене, меня как бы ударили током. Кому её жалость нужна? Пускай живет там, куда ушла, бросив меня, маму, а главное, Димку. Димка, как будто поняв мои мысли, сказал, что мама хорошая, и она очень жалеет обо всем. Я ничего не ответил, только в Димкиных глазах увидел такую тоску и боль, что у самого выступили слезы.

– Конечно, сынок, все будет хорошо, только и смог сказать. – Мы с тобой мужчины...

– Папа, скоро придет бабушка, она сказала, чтобы я ее здесь подождал. Можно, я буду рядом с тобой?

– Ну да, конечно, Дим, где ты еще будешь?

Мы помолчали какое-то время.

– Дим, а что со мною было? – спросил я.

Мальчик удивленно открыл глаза и тихо сказал:

– Папа, а в тебя стреляли. Ты долго лежал на снегу, и почти обмороженного тебя нашли какие-то люди и привезли сюда.

– А где егерь и Андрей? – поинтересовался я.

– А-а, они? Да они ходили на оленя. Привезли нам почти целую тушу. Только бабушка не захотела брать. Но они заставили и сказали, что пойдут тебя искать. Но они тебя не нашли. К нам даже милиция приходила, спрашивали все.

– А потом? – снова поинтересовался я.

– А потом долго всех милиция допрашивала, но я их давно не видел. Тебя нашли другие.

– Дим, а сколько времени я здесь?

– Да уже месяц с лишним.

– А где мои ноги, я их не чувствую?

– Они у тебя частично обморожены, но врачи сказали, что их можно вылечить.

– А я буду ходить, сынок? – с жуткой болью в душе спросил я.

– Не знаю батя, не знаю, – снова сказал Димка, не глядя мне в глаза.

– Так вот почему приезжала мама, думала, я умру, и чтобы перед тобой совесть была чиста.

– Неправда, папа, она хорошая. Она нам кушать варила, постирала вещи и убрала в доме.

Я молчал, понимая свое состояние. Что теперь я могу сделать для сына и старой матери? Хоть мать будет рядом с ним – все переживал за сына.

Эти мысли уносили меня далеко. И только скрип двери вернул меня в реальность. На пороге стояли мама и бывшая жена. Глаза матери были полны слез и надежды, а глаза Вари, жены, полны раскаяния и боли. Я смотрел, не понимая ничего. А Варя подошла и погладила мой вспотевший лоб.

– Как дела у нас, дорогой мой?

Слезы душили меня и ее. Только Димка и мама стояли между нами и смотрели на нас обоих по очереди.

– Хорошо, – еле выдавил я из себя. Перед глазами шла жизнь с ней, и без нее, как черное и белое, как смерть и жизнь. Я начал понимать, что жизнь – это лучшее для всех нас. И боль, которая держала все это время, расступалась. И радость, как тот маленький солнечный зайчик, который радовал нас после суровой вьюги, была нескончаемой, дорогой и желанной. Но почему это должно было пройти через боль?

Все это тоже было...

Лето подходило к концу. Я сидел во дворе под старой вербой, подставляя солнечным лучам свое больное тело. Я думал, что богом дарованная жизнь бесконечна и прекрасна. Рядом со мной дорогие мне люди. «Я люблю вас, дорогая моя семья», – мысленно повторял я. Но мои мысли прервал скрип открывающейся калитки, и я увидел того самого егеря. Я смотрел на него и не мог понять, что это с ним произошло. Он как будто постарел на целую жизнь.

– Что с тобой? – не выдержав первый, спросил я.

Ничего не ответив, он поинтересовался, как у меня дела? Мы долго смотрели друг другу в глаза.

– Прости нас, Богом прошу, прости. Мы испугались, когда тебя увидели уходящего.

– Значит, я на полном пансионе у вас? – ехидно спросил я.

– Это очень плохо, что так. Но еще не вечер. Может, мы будем у тебя на пансионе. Андрей еще сидит, а меня вот Варя вызволила из тюрьмы. Я не знаю, как теперь искупить свою вину. Скажи хоть, как ты?

– Уходи, быстрее уходи! – крикнул я.

Он встал, направился к калитке и, повернувшись, сказал:

– Ко мне едет дядька из Сибири со своими травами и снабжками, прошу тебя, позволь себя посмотреть. Он по просьбе Вари едет, чтобы тебя лечить.

Я слушал, захлебываясь разочарованием и злостью. «Ну не мог я просто ошибиться, Варя не стоит внимания никакого», – думал я.

Егерь ушел уже давно, а я не мог зайти в дом. Ну почему она его простила, неужели все заново, все обман? – не мог успокоиться я.

– Не думай ничего плохого, дорогой, – прервала мои мысли Варя, которая стояла позади меня. – Я очень надеюсь, что дед поможет тебе.

– А если нет? – раздраженно спросил я.

– Мы будем всегда рядом...

Непонятное чувство тоски и возмущения не давало возможности примирения, прощения, чтобы это было закончено и забыто совсем, до конца. «Ну почему мне всегда что-то мешает, какая-то малость, чуть-чуть, но все-таки мешает. Ну почему так?» Почти осеннее солнце было прохладным, как моя душа. Никакое утешение не шло в голову, только недоверие и разочарование.

«Я должен взять себя в руки. Я не могу принять подаяния», – твердил себе упрямо, совсем не думая, что из этого выйдет. Обида, старая, она же и новая, не давала покоя. Димка, который копался неподалеку, раздражал так, что я крикнул что есть мочи. От испуга мальчик даже присел. Выбежавшая мать была в истерике, только Варя, которая молча наблюдала за всем, поняла, что и откуда.

Да, егерь был ее любовью. Да, она вызволила его из тюрьмы. Но от мужа уходила она не к егерю. И вызволила его из-за отсутствия улики, и попросила вызвать дядю-травника из Сибири, и только ради него.

Нерешительно она подошла к нему. Димка со страхом наблюдал за ними. Он тоже уйдет с матерью, если отец не поймет ее.

– У тебя разболелись ноги? – спросила она.

– Нет, Варя, моей душе плохо, она у меня болит. Ты понимаешь, что это, или как? – почти кричал он.

– Я понимаю, не волнуйся, только соберу вещи.

Она стояла, не отходя от мужа. Они оба выжидали... она надеялась, он думал. Димка с бабушкой вышли за калитку, им обоим было трудно все это заново пережить. Чтобы все это опять повторилось? У них не было никаких сил. Варя, понимая, что она должна быть первой, решила проститься и попросить прощения, если что не так. Но только она открыла рот, как он своим взглядом остановил ее. Затем, глядя в сторону, сказал:

– А ты красивая, и глаза такие же, ничуть не изменились, цвета сапфира.

Хоть и смотрел в сторону, но краем глаза он заметил, что у нее дрожал подбородок. Ее переполнили чувства, она не могла ничего говорить. Еще мгновение, и слезы хлынут из глаз, и никогда ей не сказать всего, что хотелось бы.

– Не говори ничего, одно лишь сделай – прости меня, медведя, – не глядя в глаза, сказал он.

– Ты самый смешной медведь на свете и самый упрямый.

– Просто я раненый медведь, – постарался улыбнуться он.

– Да, он страшный, когда раненый, – улыбнулась сквозь слезы Варя...

И осень золотая была...

В душе – покой и благодать. Только прощальные крики улетающих птиц нарушали тишину осеннего леса, который оголялся с удивительной быстротой. И мягким ковром золотистых тонов покрывалась земля под деревьями, создавая свой уют в этом покое замирающей природы.

Тенгиз МАРЖОХОВ

Энергетик компании «Россети Северный Кавказ» Тенгиз Маржохов руководит Группой по анализу потерь в Нальчикских город-

ских электрических сетях филиала «Каббалкэнерго». В свободное от работы время он пишет стихи и прозу, которые публикуются на популярных литературных ресурсах.

Тенгиз Юрьевич пришел в энергетику в 2010 году после окончания обучения в Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете на факультете «Электроэнергетика и электротехника». Любопытен факт, что по первой специальности он «товаровед-технолог сырья животного происхождения»: окончил Академию ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина в г. Москве.

«Подумав, я выбрал самую благородную профессию – нести людям свет. И не жалею о своем решении», – говорит энергетик.

Тенгиз Маржохов – настоящий эрудит: за советом к нему обращаются и друзья, и коллеги. Специалист считает, что именно чтение книг подарило ему широкий кругозор и желание выражать мысли в письме. Ему прочили будущее писателя еще школьные учителя, но лишь в 2009 году энергетик написал первый рассказ.

Рассказы и повести начинающего автора публиковались в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» (г. Нальчик) и литературном журнале «Дарьял» (г. Владикавказ). В 2015 году специалист принял участие в Форуме молодых писателей Северного Кавказа Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ (фонд СЭИП), проходившем в г. Нальчике. По результатам Форума в 2016 году в рамках программы «Молодые писатели России» федеральной целевой программы «Культура России 2012-2018 годы», фондом СЭИП был издан его роман «Каверна». Произведение было встречено с большим энтузиазмом и критиками, и читателями.

На этом сотрудничество не прекратилось: в последующие годы Тенгиз Маржохов принимал участие в Школе молодых писателей, проводимой фондом СЭИП, уже не только как участник, но и как приглашенный автор. Энергетик стал членом «Клуба писателей Кавказа». В 2022 году написал цикл сказок на основе нартского эпоса с оригинальным сюжетом и героями: «Приключения Хапытоша». Сказки еще не опубликованы и ждут своего часа.

По словам писателя-энергетика литературное творчество – это увлечение. Оно позволяет переключаться с трудовых будней,

самовыражаться, привносить новые краски в жизнь, раздвигать границы. Круг поклонников непрерывно расширяется – географию городов России не перечислить. Благодарные читатели есть и за границей: в Голландии, Германии, Турции. Экземпляр романа «Каверна» был подарен и Президенту России.

На работе начальник Группы по анализу потерь применяет творческий подход, ведь кроме профессиональных качеств и дисциплины важен здоровый психологический климат в коллективе, чувство локтя. И среди коллег есть любители литературы, которые следят за творчеством Тенгиза Маржохова. Энергетики ждут, когда рабочая среда станет источником вдохновения для написания увлекательного очерка или рассказа, и даже предлагают собственные сюжеты.

ХАПЫТОШ И ЯЩЕР

(По мотивам адыгского фольклора)

Давным-давно, когда на Кавказе жили нарты – витязи-богатыри. Когда леса были полны дичи, реки – рыб, а небеса – птиц. Когда было место чуду. А сказок было больше, чем сказочников. Случилась эта история.

И случилось эта история, когда Хапытош вернулся из аталычества. В давние времена сыновей отдавали на воспитание в чужую семью.

Послал отец Хапытоша мальчиком к аталыку – кунаку-побратиму. Аталык жил далеко, там, где из моря рождаются Кавказские горы.

Тяжело было юному Хапытошу. Не хотел расставаться с матерью, отцом. Не хотел уезжать из родного края. Но древний обычай непреклонен и гласил: только через путь аталыка, можно стать достойным джигитом.

Хапытош быстро привык к новому дому, к аталыку. Привык и полюбил всей душой. Он рос крепким, смекалистым, послушным юношей. Рос на радость старшим. Аталык привязался к приемному сыну, как родному. Везде брал его с собой: в кузню, на базар,

на кошару. А как любил Хапытош бывать с аталыком на рыбалке или охоте. Но особенно любил Хапытош, когда брали его на свадьбу или игрища.

Торжества завораживали Хапытоша. Мужчины в блестящих доспехах. Женщины в красивых платьях. Шумная молодежь. Остроты парней. Застольные тосты мужчин. Распевная песнь стариков. Кони в диковинной упряжи. Блеск сабель, кинжалов. И столы, столы, столы.

Хапытош следил за торжеством и представлял, что скоро он будет тем, кто на скачках и джигитовке одолеет всех. Он будет тем, кто станцует самую зазорную кафу (танец). Произнесет самый мудрый тост. Пропоеет задушевную песнь.

Представлял это Хапытош, сидя на холме, над селеньем аталыка, вглядываясь в даль, где встречалось море и небо. Ветерок приносил то запах морской волны, то горьковатый запах леса. Облака медленно текли по небу. Волны-барашки бежали то к берегу, то в открытое море. Здесь нет красавца Ошшамахо (Эльбруса), – вздыхал Хапытош. – Но там не будет моря... такого красивого бескрайнего моря.

Как клыки матёрой волчицы на розовом языке зари тянулись вдоль тропы Кавказские горы. Колкий ветер тревоги теребил башлык, бил в лицо. Перелетая с ветки на ветку, брехала сорока всякие небылицы. Хапытош возвращался в родной край. Возвращался на добром коне, подаренным аталыком. К седлу приторочены подарки. Кинжал серебряный на поясе. Не узнать его теперь: увозили мальчиком, возвращается богатырём.

Въехал Хапытош в родное селение. Глядит на свой двор и не узнаёт его. Безлюдно как-то. Не видно отца и матери. Дом покосился. Плетень повалился. Собака не лает. Конь не заржёт. Тёлка не промычит. Барашек не проблеет. Пусто. «Сгнули твои родители, – брехала сорока. – От беды неслыханной сгнули. Не ищи, не свищи – не найдёшь. Лишь эхом в ущелье отзовётся».

Расседлал Хапытош доброго коня, пустил во двор. Сам тихо вошел в дом, и горевал три дня и три ночи. Ни пить, ни есть не мог. Лежал как убитый. Не то дремал, не то прислушивался: не прозвучит ли голос матери, не простучат сапоги отца по полу. Ти-

шина. Только мыши под полом шуршат. То ли жалеют его, толи смеются над ним.

Спустя три дня и три ночи, напился Хапытош воды родниковой. Вдохнул полной грудью горного воздуха. Горюй не горюй – былого не вернёшь. Надо дом поправить. Плетень поднять. Хозяйство завести. Малодушия отец не понял бы, мать не одобрила, атак, тем паче пристыдил бы.

Пошёл Хапытош по зажиточным дворам в селении. Пару коров попросит, четырёх посулит. Быка попросит, двух посулит. Пару кобыл просит, четырёх обещает вернуть. Дюжину баранов попросит, две дюжины пообещает. Ни цыплятами, ни индюшатами, ни утятами, ничем не брезгует.

Повесил кинжал на стену Хапытош. Закатил рукава. Наточил косу. Никакой работы не стеснялся. Пот заливал глаза, а он упрямо поднимал хозяйство. Когда взошли первые всходы, привёл Хапытош из соседнего села хозяйку, Ляцу. Милое сердцу личико. Заботливые девичьи руки. С женскими руками дело спориться стало, быстро пошло в гору. Поднял хозяйство Хапытош. Раздал долги. Никого не обидел.

Долго ждать не пришлось, родился у Хапытоша и Ляцы сын, Хапытошка. Наполнился счастьем дом. Радости родителей нет предела. Хапытош вырезал своими руками люльку для сына. Ляца закружилась в приятных хлопотах. Хапытош стал подгадывать, какая же кобыла подарит жеребёнка ко времени, когда посадит он сына в седло.

Разнеслись по горным ущельям вести, что славится своими лошадьми Хапытош. Коровы лучшей породы у него. Отарам нет числа. Самый вкусный сыр коптится у Хапытоша. Самое жирное масло взбивает его Ляца. Весёлая гармошка играет в его доме. Заразительнее детского смеха не услышишь в округе.

Разбудила зависть злые силы. Приполз во двор к Хапытошу огромный Ящер. Ударил хвостом, поднял облако пыли. Ударил так, что сотряслась земля. Выскочил Хапытош с кинжалом, кинулся на Ящера. Ящер расширил ноздри, дыхнул так, что не устоял Хапытош на ногах, закатился под сарай. Ящер ударил хвостом раз - повалил десять быков. Ударил другой - повалил десять ко-

ней. Проглотил в бездонную утробу свою быков и коней. И уполз, оставляя кровавый след.

Приуныло семейство Хапытоша. Сменился заразительный детский смех на плач. Умолкла весёлая гармошка. Поселились в доме Хапытоша страх и отчаяние. Постарели молодые супруги сразу на десять лет. Взялся Хапытош за голову, погрузился в думы горькие. Думал-думал, ничего лучше не придумал.

Пригнал Хапытош крупного быка к Тлепшу – богу-кузнецу. «Возьми, – говорит, – в дар быка, Тлепш – покровитель кузнечно-го ремесла, выкуй для меня меч, чтоб расправился я с Ящером окаянным». Неделю Тлепш – бог-кузнец раздувал меха. Ковал перековывал крепкую сталь. Выковал большой меч, богатырский меч. «Держи крепко, – сказал Тлепш – бог-кузнец Хапытошу. – Под стать мечу должна быть рука богатырская».

Прошёл месяц. Вновь задрожала земля во дворе Хапытоша. Приполз Ящер и бьёт хвостом, сшибает с ног быков, коней. Ляца с Хапытошкой в страхе схоронились в погребе. Выбежал из дома Хапытош, размахивая богатырским мечом. Подскочил к Ящеру и отсёк одним ударом поганый хвост его. Ящер расширил ноздри, дыхнул так, что закатился под сарай Хапытош. Ящер проглотил в бездонную утробу добычу. И уполз, оставляя кровавый след.

Опять набил брюхо моей скотиной, – подумал Хапытош, – но и я нанёс урон ему, отсёк поганый хвост. Без хвоста теперь сдохнет Ящер. А не сдохнет, нечем будет бить, сотрясая землю. На четырёх могучих быках отволоч Хапытош поганый хвост к обрыву и сбросил на дно ущелья.

Закатил Хапытош пир горой. Пир на всё селенье. Пригласил Тлепша – бога-кузнеца за меч богатырский поблагодарить. Позвал музыкантов, козла-скомороха вертлявого. Пейте, кушайте, веселитесь, гости дорогие! Пьют, кушают, веселятся нарты, отвагу Хапытоша прославляют. Шутка ли, хвост Ящеру окаянному отрубить. Давно не бывало таких чудес в наших краях.

Успокоило веселье душу Хапытоша, прогнало тревогу. Вновь появилась улыбка на его лице.

Прошёл месяц. Опять задрожала земля во дворе Хапытоша. Приполз Ящер и бьёт хвостом, сшибает с ног быков, коней. Ляца с Хапытошкой – в погреб. Выбежал из дома Хапытош. Не поверил

глазам своим – не сдох Ящер окаянный. Хвост на месте. Бьёт, как и прежде, если не сильнее. Бьёт, как ни в чем не бывало.

«Уж не сон ли это?! – подумал Хапытош. – Или тогда со сна привиделось?!»

Как же сон – полстада быков, полтабуна коней, как не бывало. Подскочил Хапытош, размахивая богатырским мечом, к Ящеру и отсек одним ударом поганый хвост его. Ящер расширил ноздри, дыхнул так, что закатился под сарай Хапытош. Ящер проглотил добычу в бездонную утробу, и уполз, оставляя кровавый след.

На четырёх могучих быках второй раз отволоч Хапытош поганый хвост к обрыву и сбросил на дно ущелья.

Прошёл месяц. Все повторилось. Да пуще прежнего. Руки опустились, нет сил меч держать. Кричит Хапытош Ящеру:

– Что тебе надо, злодей окаянный?! Кто посылает тебя на мою голову?

– Отдай мне сына, – проревел Ящер. – Не потревожу больше твой дом.

– Сына?! – пришел в ярость Хапытош, подскочил к Ящеру и отсек поганый хвост его.

Отволоч Хапытош третий поганый хвост к обрыву и сбросил на дно ущелья.

Пришёл Хапытош на Хасу (совет нартов), горем поделиться, попросить нартов о помощи. Не знает, что делать? Как Ящера окаянного одолеть? Сына требует, чудище ненасытное. Видят нарты – постарел Хапытош на глазах. Подумали нарты, посоветовались. Дали Хапытошу такой совет. В горах есть чёрное ущелье. Там живет мудрый Исп (карлик). Всё знает он, всё ведает. Попытай счастье, не каждому помогает мудрый Исп. Только попроси супругу приготовить сладкую халву. Поднеси халву мудрому Испу, глядишь и поможет.

Так и поступил Хапытош. Снарядил в дорогу доброго коня. Ляца приготовила сладкую янтарную халву. Тронулся в путь на рассвете. Затянул дорожную песню. Под гнётом тяжелых дум далеко забрался в горы. Скалы чёрного ущелья над ним расступаются, как огромные щиты стегозавра. Тревожно ветер завывает в расщелинах. Вдруг остановился конь, заржал. На встречу вышел медведь, встал на задние лапы. Хапытош вы-

хватил меч. Конь взбрыкнул, прижал уши, стал жаться к скале. Хапытош оглянулся – сзади серый волк подкрадывается, стучит зубами. Хапытош выпрыгнул из седла, прижался к коню спиной.

– Мыша, Хамыша, это ко мне гость, – послышался голос. – Проводите.

Проводили Хапытоша в пещеру. В пещере было светло, хоть в очаге не горел огонь. На большом изумрудном камне сидел мудрый Исп. Медведь и волк сели по обе стороны от мудрого Испа.

– С чем пожаловал? – спросил мудрый Исп.

Хапытош растерялся. Медведь сидит, губами шевелит, словно улыбается. Волк замер, слушает, будто что-то понимает.

«Какой диковинный Исп, – подумал Хапытош. – Ростом с гриб... Как он здесь живет? На чём спит?»

– Это Мыша и Хамыша – мои друзья-помощники, – прочитал мудрый Исп мысли Хапытоша. – Мыша развалится посреди пещеры, я на его шкуре сплю. Мягче и теплей постели нет на свете. Хамыша вход в пещеру охраняет. Лучше охранника не сыскать. Не гляди на них, говори, зачем пришёл.

Хапытош спохватился. Достал халву янтарную протянул мудрому Испу. Исп отломил себе кусочек, остальное отдал Мыше. Медведь зарычал от удовольствия, замотал головой. Хапытош посмотрел на волка, достал из походной сумки сушёное мясо, положил перед Хамышей. Волк проглотил мясо не задумываясь.

Рассказал Хапытош мудрому Испу беду свою. Попросил помощи, как Ящера окаянного одолеть.

– Понимаю я твою беду, – сказал мудрый Исп. – Мудрым меня прозвали потому, что могу читать мысли. Но не могу читать на расстоянии. Отец мой мог, а я... плохо учился или способности не те?..

Мыша и Хамыша согласно закивали.

– Знаю, знаю, – недовольно сказал мудрый Исп. – Вечно меня попрекают.

Мыша и Хамыша снова согласно закивали.

– Всё, цыц! – прикрикнул мудрый Исп на помощников. – Помогу я тебе, Хапытош. Слушай внимательно. Через полдня перехода отсюда есть пустынное плато. Посреди плато могильный курган. В кургане том несколько нор. Возьми у хозяйки своей ма-

ленькое блюдце, налей в него парного молока, поставь блюдце у норы, что на юг смотрит, и жди.

Сделал Хапытош, как велел мудрый Исп. Собрала его Ляца в дорогу. Прискакал Хапытош на пустынное плато. Объяехал могильный курган три раза. Нашёл нору, что на юг смотрит. Налил из бурдюка в блюдце парное молоко. Поставил у норы и ждёт.

Утомился Хапытош с дороги, задремал. Слышит шорох. Открыл глаза, видит - из норы показалась голова ящерицы. Чует ящерица запах парного молока, но выползать не торопится.

– Не бойся, не причиню тебе зла, – сказал Хапытош. – Отведдай, пожалуйста, парного молока.

Послушала ящерица, выползла, стала пить молоко. На солнце чешуйки малахитом переливаются. На голове маленькая золотая корона.

«Какая же красивая, – подумал Хапытош. – В жизни не видел ничего подобного».

– Я – Королева-ящерица. Говори, зачем пожаловал?

– Помоги мне, Королева-ящерица. Повадился в мой дом Ящер окаянный. Приползает, разоряет... А последний раз сына потребовал. Три хвоста отрубил я мечом богатырским...

– Тс-с-с... – прошипела Королева-ящерица. – Послушай меня, нарт Хапытош. Пусть ударит твой добрый конь копытом, где я свернусь колечком, тогда научу, как Ящера окаянного одолеть.

Где свернулась колечком Королева-ящерица, ударил добрый конь копытом – оставил глубокий след в земле. Тут же след от копыта водой наполнился. Начал бить родник из этого места. Напиталось пустынное плато водой, зазеленело сочной травой. Вернулась жизнь в него. Застрекотали насекомые. Запели птицы.

– Благодарю, нарт Хапытош, – молвила Королева-ящерица. – Услужил, вернул к жизни пустынное плато. Теперь слушай внимательно. Ящер окаянный нашего рода-племени. Муж мой некогда любимый. Но однажды вселился бес в него. Сожрал всех детей наших, всех наших сородичей. Разорил, опустошил всё плато цветущее. И уполз в горы чудище ненасытное...

Послушал Хапытош Королеву-ящерицу, сделал, как она велела.

Приполз очередной раз огромный Ящер во двор к Хапытошу. Ударил хвостом, поднял облако пыли. Ударил так, что сотряслась

земля. Вышел из дома Хапытош. В руках держит сына, спеленатого в бурку.

– Что тебе надо, злодей окаянный?! – спрашивает Хапытош у Ящера.

– Отдай мне сына своего, – проревел Ящер. – Больше не потревожу тебя.

– Сына?.. На, возьми, – распеленал Хапытош бурку, посадил на траву маленького Хапытошку.

Ящер блеснул глазами, стал подползать, чтобы забрать мальчика. Склонил страшную голову к земле. Хапытошу это и надо было. Ловко накинул бурку на Ящера – закрыл глаза и ноздри его. Замотал головой Ящера, забил хвостом, но не может бурку сбросить. Тогда показался из пасти язык- жало. Водит жалом Ящер, ищет мальчика. Выхватил богатырский меч Хапытош, подскочил к Ящеру и отсек жало поганое.

Вздрогнул Ящер окаянный, попятился и бросился бежать со всех ног. Пропахал брюхом землю, убежал в горы. Там и сгинул чудище ненасытное. Окаменел, в скалу превратился.

Закатил Хапытош пир горой. Пир на всё селенье. Пейте, кушайте, веселитесь, гости дорогие! Пьют, кушают, веселятся нарты, отвагу Хапытоша прославляют! Шутка ли, Ящера окаянного одолеть. Давно не бывало чудес таких в наших краях. Видно, сразу понять надо было: «Не добьёшься успеха, сражаясь с хвостом Ящера».

Поныне видят горцы скалы, похожие на окаменевшего Ящера. А то место, где пропахал брюхом Ящер, убегая, превратилось в устье реки. Поныне спорят горцы, какая это река: Черек, Баксан или Малка.

Залина ЛУКОЖЕВА-ТХАКАХОВА**ХЫБАРЫЖ³ ПЕРВЫЙ****САТАНЕЙ**

(По мотивам адыгского фольклора)

Из пещеры-кузницы Тлепша⁴ валят тяжелые клубы пористого дыма и отарой кучерявых серых барашков убегают в небесный мир. Искры огня с жалобным писком растворяются в парах реки, опоясывающей скалу, а удары молота по наковальне, вбитой в седьмое дно земли, разлетаются по всей стране Нартов⁵. Сотрясаются горы, приседают леса и вскипают воды. Звери в страхе прячутся и птицы разлетаются.

Нет доступа смертным нартам в кузницу Тлепша, поскольку там свершается великое таинствоковки оружия. Но разве этим испугать сыновей нартов? Нет. Поэтому в ночь полной луны они прибегают к потаенной пещере и три раза кличут железного бога в надежде, что он снова порадует их новым хыбаром.

– Что вам надо, детеныши нартов? – Притворно негодует кузнец.

– Сегодня особенно громко содрогалось небо. Не дала ли трещину твоя наковальня? – В унисон спрашивают они.

Тлепш громогласно смеется и древние чинары склоняют кроны к земле.

– Чтобы моя наковальня треснула, нужен герой! А среди ваших отцов нет такого! Ни один нарт не сдвинет ее с места, не говоря уже о том, чтобы вырвать ее из недр седьмого дна, как это сделал когда-то Сын Камня.

– Сосруко⁶?

³ Хыбарыж (хъыбарыжь (каб.-черк.) - предание, сказание, миф. Хыбар (хъыбар), - история, слух.

⁴ Тлепш - в адыгской мифологии бог кузнечного ремесла, культурный герой.

⁵ Нарты - древний народ, упоминаемый народами Северного Кавказа в легендах и сказаниях.

⁶ Сосруко – главный герой нартского эпоса.

– Откуда знаете его имя?

– Джагуако⁷ без устали воспевают его подвиги.

Довольный Тлепш смотрит на бесстрашных сыновей нартов.

– А от меня чего хотите, раз все от певцов знаете?

– Правду. У песен длинные ноги, а у правды – короткие. Поэтому она иногда ложью обрастает.

– Хорошо сказали. И правильно. А значит, детёныши, вы заслуживаете услышать хыбар о Сыне Камня с самого начала. С начала начал. С колыбели жизни. С матери Сосуко, прекрасной Сатаней⁸.

... Давно это было. Так давно, что нарты уже и не помнят то время, когда на их земле росла ветвистая яблоня с волшебными плодами. Хранительницей ее была Сатаней, любимая дочь Луны, Солнца и властителя неба Уашхо⁹. Круглый год волшебное Дерево давало по одному яблоку в день. В полночь на нем появлялась почка. Ранним утром она превращалась в белый, с красными прожилками цветок. К полудню он превращался в маленький зеленый шарик, ну, а к вечерней заре, наливался в большое спелое яблоко. Предрассветные лучи заливали один его бок красным румянцем, а другой бок уже сумерки покрывали лунными белилами.

Бездетные нартские девушки нередко приходили к хранительнице и просили о помощи. Тем, кто мечтал о сыне, она давала надкусить красную половину яблока, а тем, кто хотел дочь - белую половину. А безмужняя Сатаней лишь мечтала о ребенке.

Ах, как прекрасна была Сатаней! От нее исходил удивительный свет. В стране Нартов знали, что если в небе мерцают зарницы, то это значит, что Сатаней купается в хрустальных водах рек и озер.

⁷ Джагуако (Джэгуакуэ, каб.- черк. язык) - общее название артистов и певцов-импровизаторов у адыгских народов.

⁸ Сатаней - ключевая фигура нартского эпоса, без неё не обходится ни одно важное событие.

⁹ Уашхо (Уашхъуэ, каб.- черк. язык) - бог неба, в буквальном переводе «синезеленое небо», небесный свод.

Случилось это в один из летних дней солнцестояния¹⁰. Сатаней сидела на берегу реки и вдыхала ароматы таволги¹¹. Они кружили и дурманили голову, словно приворотное зелье.

А на другом берегу реки рассыпалось стадо тучных ленивых коров. Старик, пасущий их, окаменел от долгого бездействия и вынужденного безмолвия. Но когда восточный ветер донес до него благоухание цветов таволги, он встрепенулся. Дуновение взволновало его, и он почувствовал себя молодым и сильным. Скинув бурку, он с хрустом расправил плечи, обернулся и обомлел. Частичка оголенного тела белокожей Сатаней ослепила его.

Сатаней же, сначала услышала возглас, и лишь потом увидела застывшего в восхищении пастуха. Он не сводил с нее глаз. Воды тихой реки забурлили и поднялись высокими пенными волнами с седыми барашками на гребнях.

– Сатаней рождённая милоокой Луной, Солнце, неба властитель, отец твой родной¹². Ни одна девушка не сравнится с тобой. Иди ко мне!

Сатаней, замороженная ароматами таволги, подняла глаза. Неведомая сила подтолкнула ее к реке. Хрустальная вода радостно зазвенела и распахнула пенистые объятия. Но тут небесный свод изрыгнул белую молнию, которая безжалостно рассекла вздыбившиеся речные объятия и мокрыми клочьями отбросила их на один из прибрежных валунов. Дурман таволги рассеялся и все стихло.

Сатаней в изнеможении присела на тот самый валун, а прозрев, словно испуганная лань, собралась бежать прочь.

– Несравненная ни с кем Сатаней! – Громко скрипнул голос пастуха. - Мужской ум словно кованный булат, все разрубит, а женский ум подобен кладу - все сбережет. Не оставляй на берегу этот камень.

¹⁰ По легенде Сатаней попросила у солнца остановиться, и оно остановилось на три дня! С тех пор дни летнего солнцестояния, считают днями Сатаней. 20/21 июня.

¹¹ Таволга – Лабазник вязолистный, таволга вязолистная. Сатаней - кабардинское название лабазника.

¹² Из Нартского эпоса.

– На что он мне? – Пряча глаза, спросила она.

– Возможно он исполнит твою заветную мечту.

Сатаней послушала его и унесла домой каменное свидетельство женской слабости. Вернувшись, она спрятала его в дубовый сундук и забыла про него.

Поздней осенью, когда был спет хох¹³ в честь Мезитха¹⁴, и нарты уехали на охоту, в доме Сатаней поселился странный гул, который нарастая, заставлял ходить его ходуном.

– Что это? – Начала искать источник беды Сатаней. А вскоре поняла, что при приближении к сундуку с тем самым камнем, приносящий беспокойство звук стихает и прекращает бить по стенам.

– Не может быть! – Закричала Сатаней, увидев под крышкой сундука пульсирующий камень. Она приложила к нему ухо: он бурлил и кипел. Чтобы заглушить его от чутких ушей нартских женщин, Сатаней плотно запеленала его в плотный шерстяной кокон. Через три дня нити повисли. Сатаней снова густо обмотала камень, и снова пали шерстяные путы.

– О, вездесущий Псатхэ¹⁵! Он живой! Он растет! Неужели внутри этого камня мое счастье!? – Не верила своей догадке Сатаней.

Тогда она, приговаривая, положила камень прямо в горячий очаг:

– Впереди лютая зима. Полежи пока в огне, пропекись и согрейся.

С каждым днем камень светился изнутри все ярче и ярче, становился все больше и больше, все горячее и горячее. Это была первая теплая зима Сатаней.

Пролетели холодные месяцы. Свет и тьма разделились поровну, земля ожила и на деревьях набухли почки. В один из дней равноденствия, под звуки первого весеннего грома, камень дал маленькую трещину. Сатаней прибежала ко мне в пещеру.

– Могу ли я довериться тебе, о, бог огня? – Спросила она.

¹³ Хох (хъуэхъу, каб.- черк.)- тост, здравица, пожелания.

¹⁴ Мезитха (Мэзытхэ, каб.- черк.) - бог лесов и охоты, покровитель диких зверей в адыгской мифологии.

¹⁵ Псатха (Псатхэ, каб.- черк.) - бог живых, жизни (бог души).

– Разве я ушел с вершины Ошхамахо¹⁶ и живу неподалёку от нартов для того, чтобы мне не доверяли? Разве я не занимаю самое почетное место на Хасэ¹⁷? – Я был оскорблен ее вопросом.

– О, мастер огня и кузнечного ремесла, прости меня! – Извинилась она.

Но меня было не остановить. Я негодовал.

– О, та, которая научила нартских женщин обрабатывать шерсть и подарила им веретено и ткацкий станок! Но не я ли выковал нартским мужчинам серпы, косы и клещи? Не я ли подарил им острые мечи и крепкие кольчуги? Разве я не живу во благо нартов?

Чернобровая Сатаней устыдилась.

– Основа разума – совет, и он мне очень нужен, Тлепш. Что делать, если в то, о чем нельзя молчать, никто не поверит?

– Тхаухудам¹⁸ подобная, Сатаней, – бьяснил я ей. – Обратиться к тому, кто за свой совет ничего не возьмет, не страшно.

Сатаней ответила, что не хочет сгореть от стыда. Поэтому предложила своими глазами увидеть невиданную диковину. Сказанное слово – что пуля, выпущенная из ружья. Женщина сказала «пойдем», и я пошел. А когда увидел в очаге пылающий камень, то крайне удивился. Даже я, бог огня и пламени никогда такого не видел.

– Бог неба, Уашхо, что это за Чудо Чудное? – Охнул я. – Много повидал я на своем веку, о многом слышал, но такое вижу впервые! Неужто Хозяин Душ Псатха прикоснулся к нему?

Я отнес раскаленный камень в кузницу, положил на наковальню и ударил по нему молотом, вложив в удар всю свою могучую силу. Не молот железо кует, а кузнец, что молотом бьет. Семь дней и семь ночей работал я с дивным камнем.

Наконец, когда камень раскололся и осколки разлетелись в стороны, в сердцевине мы увидели мальчика. Тело его пылало и дымилось. От него летели горячие искры и клубился пар. Плох

¹⁶ Ошхамахо (/уашхъэмахуэ, каб.-черк.) - название горы Эльбрус на кабардинском и черкесском языках. Означает «гора счастья».

¹⁷ Хасэ – народное собрание.

¹⁸ Тхаухуд - букв. «ангел». В произведениях фольклора обозначает фею, красивую, изящную девушку.

тот кузнец, который боится дыма. Меня ли пугать горячими детенышами? Да и прекрасная Сатаней была не из пугливых. Она, как мать, захотела прижать ребенка к груди, но не смогла. Обожглась. Мальчонка упал на подол бешмета¹⁹, поджег его и скатился на сырую землю.

Мне ничего не оставалось делать, как схватить его за бедра клещами и окунуть в ледяную воду. Вода зашипела испуская пар. Семь раз я окунал ребенка в воду и семь раз закипала вода. Я закалял его до тех пор, пока его тело не превратилось в холодную сталь.

– Возьми своего сына, счастливая Сатаней. Он закаленный, крепкий и упругий, как булат.

С того дня доме Сатаней поселилось долгожданное счастье. Мальчик рос не по дням, а по часам. За один день он вырос настолько, насколько нартский ребенок вырастал за месяц. Поэтому через уже в середине весны ему было уже больше двух лет.

Да, это было чудо, а чудо, как известно, становится источником многих слухов, потому как язык правит миром.

Слухи о том, что у Сатаней появился ребенок вышли из села и разлетелись по всей стране Нартов. И дошли они до двоюродной сестры Сатаней, злой колдуньи Барымбух, из рода Тотреш. Она так сильно разозлилась, что не поверила песням джагуако и решила на неблизкий путь до села нартов.

В день весеннего выгона стада на пастбище²⁰ она распахнула костяной клюкой дверь в дом сестры, и увидела у очага мальчика. Он весело играл с углями: бросал в рот горящие и выплевывал потухшие.

У сварливого всегда злость на языке. Изрыгая проклятия, Барымбух набросилась на Сатаней.

– Безмужняя падшая женщина!

– Сестра моя, из своих уст всегда исходит только ложь. Я ждала тебя – мне снились мертвые змеи.

¹⁹ Бешмет - открытая одежда до колен. Бешмет плотно облегает грудь и талию, а рукава длинные и узкие.

²⁰ Апрель, середина весны. Дни выгона стада на пастбище, стрижки, отделения ягнят от отары и т.д. адыги обставляли массовыми церемониями.

– Откуда у тебя ребенок? Ты что, родила от первого встречного?
– Это приёмный сын. – Спокойно отвечала Сатаней бушующей сестре.

Барымбух не хотела верить. Она была из рода уд²¹, и предвидела, что сын Сатаней оставит кровавые следы в истории детей из рода Тотреш.

– Если он приемный, то кто его родил? Ты забыла, что «не помнящий своего отца позорит нартскую честь»?!

Сатаней разозлилась. Вытеснив сестру за порог, она достойно ответила:

– Он – сын светоносного удара. Он родился из камня и был закален самим Тлепшем, богом огня и пламени! Поэтому и имя его Сосруко – Сын Камня. Запомни!

Барымбух затряслась от гнева. Сороки, кружившие над ее головой замертво пали от силы ее проклятий.

– Он – порождение злых духов! Он погубит всех нартов! Одумайся, избавься от него! Начало его жизни станет концом многих других!

– Пусть нечаянно сказанное тобой слово не будет бедой ни для кого другого, сестра моя. – Тихо молвила Сатаней вслед ковылявшей прочь Барымбух.

Вот так у прекрасной Сатаней появился сын, а у нартов сильный и отважный герой, про которого джагуако до сих пор слагают легенды.

ЗОЛОТОЙ ЛАКУМ ДЛЯ КРАСНОЙ КОРОВЫ

Новелла

– Нана!²² Нана!

Женщина вздрогнула. Поволока воспоминаний больно слепила ее. Сильно потеряв глаза тыльной стороной ладони, она часто заморгала и сбросила с ресниц слезы.

²¹ Удды (мн.ч.) - нечистая сила, ведьмы в адыгском фольклоре.

²² Нана (Нанэ, кабардино-черкесский) – бабушка.

- Здесь я, здесь.
- Ты опять где-то далеко, нана. – Упрекнула ее внучка.
- Вернулась уже, Ниса. – Тяжелым шепотом оправдалась она.
- Ты плакала?
- Пылинка в глаз попала.
- Ты хотела сказать мучинка?
- Какая-токая мучинка? При чем здесь мУка?
- Не мУка, а мукА. У тебя руки в муке. – Ниса, не моргая, смотрела на нее. Но уголки ее губ готовые растянуться в широкой улыбке, предательски подрагивали.
- Ааа... А я, старая, подумала о...
- О чем?
- Не важно. Да, ты права, мне в глаз попала мучинка. Ха-ха-ха. Слово-то какое... Дадим тесту подойти, набраться сил. А когда оно надуется и приподнимет крышку, начнем жарить лакумы.²³
- Тесто надуется как рыба-фугу?
- Какая такая рыба-фугу?
- Круглая, в пупырышках, словно ее кто-то изнутри надул. – Ниса смешно раздула щеки и раскинула руки в попытке показать форму рыбы.
- Страшная твоя рыба, – отмахнулась нана, – а значит, невкусная.
- Конечно, невкусная, она же ядовитая.
- Ты сума меня сведешь! То мучинка, то ядовитая рыба... Стол лучше протри.
- Прочетыре?
- Что?
- Ты сказала проТРИ, а я – прочЕТЫРЕ. – Ниса солнечным зайчиком прыгала по кухне.

²³ Лакумы – жареные пышки, которые готовят на праздники, поминальные мероприятия (иногда едят вместо хлеба).

Лакумы - обязательный компонент поминального набора. У адыгов оно обозначается термином «жьэрымэ» («запах жарящегося теста»). Это созвучно с античными представлениями о том, что боги узнают о предназначенной им жертве/дарам по дыму/запаху жареного. (М. А. Текуева, Е. А. Нальчикова, «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»).

Угроза наказания за озорство повисла в воздухе.

– Наночка, я же просто хотела тебя отвлечь, - прячась то за холодильник, то за кресло, хохотала Ниса. – Ты сегодня грустная, уходишь мыслями так далеко, что когда возвращаешься, не узнаешь меня.

– Сегодня же четверг.

– День, когда мы жарим золотые лакумы?

– Да, а ты мне шутки шутишь, вместо того чтобы помочь! - Рука, вооруженная полотенцем, обмякла. - Ниса-Лисонька-Лиса. И в кого ты уродилась у нас такой?

– Может в твою сестру, памяти которой мы жарим лакумы?

Женщина грузно осела в кресло. Белое покрывало страха заморозило ее лицо. А ведь и правда, внешне внучка Ниса очень похожа на сестру Нису. Такие же рыжие, с краснотой, волосы, такие же глубокие глаза, цвета перезрелой вишни.

– Нана, расскажи мне не о ней. Ну, пожалуйста. Почему первый лакум мы кладем под старую яблоню?

Женщина долго утюжила полотенцем линии жизни на ладонях. Затем, выглянув в окно, из которого были хорошо видны безжалостно обрезанные, но привитые молодыми черенками ветки старой яблони, сказала:

– Скотина стареет шкурой, а дерево корой... Хорошо, Ниса, слушай.

Это случилось очень давно. Наш сад был молодой, но на удивление плодовитый. Абрикосы, сливы и груши. Сколько их было! Не перечесть! Так много, что по утрам, бывало, приходилось сгребать падалицу лопатой и относить в коровник красной кормилице. И яблоки, в тот год уродились на славу. Самые красивые и самые вкусные во всем селе. Из города приезжал главный агроном и всё выпытывал у отца, чем он опрыскивает, подкармливает и поливает деревья. Соседи и родственники отрезали ветки на черенки, но ни у кого они не налились соком и не привились. Почему? Не знаю. Не помню. Маленькая, была, как ты сейчас.

– Тебе было двенадцать лет?

– Да. А сестре моей, Нисе, восемнадцать.

Так вот, созрело на одном дереве очень большое и очень красное яблоко. Его багряные бока просвечивали золотом, словно

солнце целовало его сквозь решето. Когда у Нисы спрашивали действительно ли оно такое большое, она разводила руками, надувала щеки и говорила, что глаз от него невозможно отвести. Ниса заглядывала в соседские сады, а потом приходила домой и рассказывала, что у одних яблоки червивые, у других перезрелые, у третьих недозрелые, у четвертых маленькие, а у пятых уже на дереве сгнили.

Не было в селе девушки красивее Нисы. Каштановые косы вились ниже пояса, а в бездонных глазах цвета перезрелой вишни теплились солнечные крапинки. Она не ходила, а летала, как орлица в небе. Не разговаривала, а пела, как малиновка на рассвете. И всегда была чем-то занята, как суетливый воробышек...

Много женихов к ней сваталось. И всех она отправляла восвояси. Не хотела замуж. Один был, по ее словам, кривой, другой - хромой, третий - рябой, четвертый - бедный, а пятый вообще одной ногой в могиле стоял.

– А яблоко?

– Какое яблоко?

– Самое большое и самое красивое яблоко. Кому оно досталось?

– Ты про яблоко... Висело оно на дереве до поздней осени. Сад уже сбросил и плоды, и листья, а оно все не хотело падать. Крепко повисло на ветке. Ни дождь, ни первые заморозки не смогли ослабить его хватку. Но однажды с гор спустился неспешный густой туман, за которым увязался сильный ветер. А через несколько часов на сад обрушился ледяной дождь... Не удержалось красное яблоко на ветке... шлепнулось прямо в грязь.

В ноябре, когда клин диких гусей прогоготал, улетая на юг, Ниса исчезла. Ее украли для влиятельного вдовца из соседнего села, того самого, который, по ее словам, стоял «одной ногой в могиле». Утром, когда осень расплакалась холодными слезами, приехали его родственники, и родителям ничего не оставалось, как дать согласие на брак... У меня до сих пор перед глазами стоит белое лицо Нисы, изборожденное серыми узорами слез... Ты знаешь, раненные от удара об землю яблоки, покрываются сеткой трещин и долго не хранятся...

– А что случилось самым красивым яблоком, которое упало в грязь?

– Его съела наша красная корова.

Прошло время. Снежная зима растаяла под натиском весны. Радуюсь солнцу, я побежала на окраину села, посмотреть на вернувшихся из теплых краев птиц. Мне очень хотелось увидеть журавлиный танец. Но на поле опустилась лишь одна птица. Она, понуро склонив голову, шагнула в холодную лужу и жалобно закурлыкала. А хорошо после полуночи, когда малиновка журчанием возвестила о скорой заре и протяжно замычала наша красная корова, в окно постучала Ниса.

Я выбежала, и мы побежали в наш еще не пробудившийся после зимы, обнаженный сад. Ниса долго смотрела то на меня, то на ту самую яблоню, на которой до поздней осени висело самое красное яблоко. А потом, крепко, до хруста в костях, обняла меня, звонко зацеловала лицо и, щекоча ухо шепотом, попросила.

– Обещай, что будешь жарить по четвергам золотые лакумы. А самый первый, самых красивый - для меня. Один золотой лакум для сестры Нисы.

– Мы больше не увидимся? – Меня душили горькие слезы.

– Я всегда буду вот здесь... – Ниса согрела ладонью место, где больно стучало мое сердце. – Ты просто не забывай про самый первый, самый золотой лакум для меня.

– Обещаю. Обещаю. Обещаю.

Утром меня нашли в коровнике. Я спала, прижавшись к теплему животу нашей кормилицы, которая осенью съела сбитое ледяным дождем самое красное яблоко.

– Нана, тесто уже подняло крышку, давай скорее жарить золотые лакумы! Сегодня я отнесу самый первый, самый вкусный лакум к яблоне.

ФАРИДА КУДАЕВА-КОЧЕСОКОВА

Фарида Кудаета (Кочесокота) – писатель, публицист, общественный деятель, член Союза писателей РФ, Клуба писателей Кавказа. Она родилась в с.п. В.Куркужин Баксанского района Кабардино-Балкарской республики.

Фарида Малиловна – учитель русского языка и литературы, стаж работы – 29 лет, из которых 18 лет она проработала в Урванском районе КБР. В 2019 году окончила Волгоградскую Академию, получила квалификацию «Преподаватель высшей школы», читала лекции преподавателям русского языка и литературы на курсах в методическом центре при Департаменте образования и науки Краснодара, в Федеральном институте развития образования Краснодара, в РИ, КЧР, Адыгее, принимала участие в международных языковых конференциях, которые прошли в Нальчике, Иордании (онлайн), Турции (онлайн), Майкопе, Черкесске, в литературных фестивалях в Севастополе, Грузии, Нальчике, др.

Она пишет на русском и родном (адыгском) языках. Книга Кудаетой Ф.М. «Черим: дарю добро» издана в Турции на турецком языке, стихотворения в прозе и рассказы переведены на чеченский язык, стихи – на грузинский язык.

Награды: Почетные грамоты и дипломы разных уровней, Российский Лермонтовский комитет, медаль имени Кайсына Кулиева за книгу «Позитивный Нальчик с Зубером Ципиновым» и за сценарий к документальному фильму по этой книге, 2022 г.

МА-АЛЕНЬКАЯ...

*Посвящаю Тимке
(Фатиме Афауновой-Кочесокотой)*

Почему сегодня меня так волнует Горький? Рассказ его «Ма-аленькая» преследует целый день. Почему я опять ушла в него? Кто-то сможет понять меня, если я сама себя не понимаю?

Я когда-то выучила произвольно текст этого рассказа наизусть. В нем было столько трагизма, что я возвращалась невольно к

нему каждый раз и всматривалась в даль в ожидании того, что увижу странников с посохом, но их не было. Странное ощущение того, что никто из взрослых, окружавших меня, не способен поступить так, как эти старики, не покидало меня. Может, просто я не знала их?

Героев рассказа на Руси называли богомольцами.

«По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомольцев – старика и старуху. Обоим им с виду было лет полтора; они шли так медленно и неумело, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издалека».

... Вы знаете, я их помню. У меня такое чувство, что я знала этих стариков. Так и есть. Они незримо всегда присутствовали в моей жизни. Когда я прочитала рассказ, наверное, в сотый раз, боясь пропустить какую-то маленькую деталь, ясно показывающую реальность описываемого в нем, я отделилась от всех. Впечатление было настолько сильным, что не хотелось возвращаться в действительность. Мне было хорошо со стариками.

Боль, неотступная боль вывела их на дорогу. Мне казалось, что я прошла с ними весь путь до конца, молясь за маленькую барышню, чью душу они поняли и полюбили. И каждый раз, перечитывая рассказ, хотелось сказать о них словами самого Максима Горького из другого произведения: «Безумству храбрых поем мы славу». Получилось ли у меня разделить с ними боль? Не знаю...

Но как же хотелось уйти из реальности к ним, чтобы согреться их любовью! Отогреться...

Мне было плохо. Небо казалось низким, вот-вот готовым пролиться холодным дождем. Но действительность была другой: солнце находилось в зените, все плавилось от жары. А небо... Небо, покрытое рваной ватой в редких местах, было голубым-голубым. И среди такого великолепия постоянно раздавался раздраженный голос мачехи и тихий оправдывающийся голос младшей сестренки, в котором тоже много боли...

... Ах, старики, мои старики, пусть книжные, но такие родные, жизнь проживаешь легче от того, что есть такие, как вы. Хорошо, когда человек приходит на землю добром, любовью и счастьем для кого-то. Эта «ма-аленькая» барышня пришла их любовью, а они – моей.

Не желая, чтобы меня отвлекли от моих дум, я пошла на речку и села возле неё, наблюдая за тем, как она несет свои воды.

– Аленушка, вот ты где. Еле тебя нашла, - раздался надо мной голос Тимки, моей подруги.

– А почему Аленушка? – спросила я ее, все еще находясь в оцепенении.

– Потому что сидишь в позе Аленушки Васнецова, – весело ответила она.

– Знаешь, что ты в этот мир пришла моей радостью?

– А ты моей.

Я шла трудной, но правильной дорогой, при этом меня сопровождали любимые произведения классиков, среди которых рассказ Максима Горького «Ма-а-аленькая» занимал особое место. Я всегда была мысленно с его героями, в котором нашла свое воплощение сама Россия.

Какой силой духа надо было обладать, чтобы пройти тот путь, которым прошли старики! И как же повезло той хрупкой, любившейся им девушке, чтобы помолиться о душе которой, они смогли одолеть столько верст!

Паломничество стариков трогательно до боли, в то же время вызывает неумное беспокойство за них. Эта боль проникает в тебя и охватывает все тело, навсегда сроднившись с тобой: больше она тебя не покинет. Границы реального и вымышленного стираются, и ты начинаешь жить их жизнью, дышать с ними вместе, думать, как они. Все теряется перед величием их существования на земле.

Ах, старики, мои старики, родные и любимые, ставшие моим маяком, молящиеся и за меня, неугомонную, ищущую без устали какое-то свое особое место на земле, как же мне отблагодарить вас, таких участливых к чужой беде, пробирающихся без лаптей сквозь колючий бурьян жизни? Только тем, что живу вместе с вами на страницах рассказа с тех самых пор, как узнала вас.

Иду по извилистым пыльным дорогам судьбы, молясь за души тех, кому это сейчас больше всего нужно, как они, мои старики.

И ты молись, милый человек. А вдруг получится так, что твоя молитва кого-то спасет? И где-то там, в чужом краю, за околицей какой-то деревеньки, в часовне, где молятся, ты вымолишь для

себя, меня и другого немного счастья? А вдруг? Не для того ли мы пришли в этот мир, чтобы спасти чью-то душу молитвой?

– Тимка, а ты попросишь у Бога для меня чуточку счастья?

– Попрошу, конечно, много счастья попрошу, – отвечает она задумчиво.

– А я – для тебя, – говорю и добавляю, – ведь так повелось издревле на Руси.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ВОДОНОС

Рассказ

Посвящается Леониду Этуеву

Нужно было идти за водой к роднику: водопроводная замерзла. В позапрошлом году в отвесном склоне горы над речкой пробила родниковая вода, и люди проложили к ней тропу, но она была опасна в зимнее время. Можно было сорваться вниз.

Ветви деревьев в саду, через который девушка пробиралась, согнулись под тяжестью застарелого иглистого инея, на поверхность которого лег ночью выпавший снег. Идти было тяжело. Она была первой, и снег достигал колена.

Ноги быстро устали. Одной рукой она держала ведра, которые при стуке издавали неприятный звук, отдававшийся эхом: это пугало, вызывая тревогу в душе. Другой рукой она придерживала подол длинного платья, выглядывавшего из-под короткого пальтишка. Испарина, выступавшая на лбу от дыхания и усилий, которые она прилагала, чтобы выйти к протоптанной дороге, обжигала холодом лоб. Ей приходилось морщиться. Лицо, стянутое морозом, болело. Ее маленькая фигурка покачивалась на холодном ветру. Иногда с деревьев ветром сдувало снег, падавший прямо на нее. Она отряхивалась и продолжала путь в надежде, что все скоро закончится, как только она выйдет к тропинке.

– К добру ли? С пустыми ведрами встречаешь, чтобы шарахались от тебя, как от прокаженной? Ты не знаешь, что так нельзя делать? Подождала бы, пока я не пройду, – крик соседки, старой

девы, тоже напугал ее своей неожиданностью. Она всегда кричала, кричала везде и на всех. Зная, что ей нельзя перечить, девушка остановилась, уступая дорогу, но при этом занесла руку с ведрами за спину, боясь ее гнева. Девушка, ее звали Зауритой, боялась эту женщину, которая приходилось ей еще и двоюродной тетей, поэтому старалась часто не пересекаться с ней. А если не удавалось избежать встречи, то останавливалась и ждала, пока та не скроется из виду.

Одинокая ворона, каркнув, пролетела низко, где-то вдали раздался ленивый лай собаки, который вскоре затих, а на дороге показались первые подводы с мешками пшеницы. Она съежилась от вида вороны, но жалость к ней пересилила страх (опять страх) перед тем, что она накаркает беду. В птице была какая-то тоска, происхождение которой можно объяснить только тем, что она отбилась от стаи и тоже одинока в этом пустынном зимнем мире.

Ночь отступала неохотно, завеса стала постепенно рассеиваться, все вокруг прояснялось. Дорога, припорошенная снегом, таила опасность: дети вчера ее раскатали, превратив в ледовую дорожку. Опять ее охватил страх, страх упасть и повредить себе что-то: либо ногу, либо руку.

Заурита осторожно шла по дороге, думая о том, что нужно наполнить все емкости водой для готовки, стирки, скотины, да мало ли еще для чего потребуется она в хозяйстве, когда перед ней встала огромная белая собака, сливавшаяся со снегом. Испугавшись, девушка быстро засунула руку в карман пальтишка и достала оттуда хлеб, прихваченный ею, чтобы по дороге поесть, и кинула ей. А она, равнодушно вильнув хвостом, отошла от нее и пошла своей дорогой. Заурита вышла из оцепенения и тоже продолжила путь, все еще не веря, что от нее не надо ждать опасности. Дойдя до поворота, девушка оглянулась и увидела другую собачку, черную, с белыми пятнами на груди и лапах, поедавшую брошенный ею хлеб. Она сторожила колхозный гараж, откуда иногда уходила и бродила по окрестностям в поисках еды.

Еще несколько метров, и Заурита окажется у заветного родника, вода будет набираться медленно, но это не так страшно. Страшно, когда приходят старшие за водой. Их надо пропускать, а так можно опоздать и на первый урок.

Девушка опять обернулась на шум и увидела, что на нее несется та самая белоснежная собака. Она быстро отскочила в сторону, чтобы избежать столкновения, но неудачно. Зарывшись в снег и боясь даже пошевелиться, Заурита лежала, в очередной раз оцепенев от страха, когда она услышала знакомый веселый голос:

– Тебе не нужна моя помощь? – на нее озорным взглядом зеленых глаз смотрел Леонид Этуев, школьный друг, служивший в армии.

– Это твоя собака?

– Процион? Моя.

– Она ростом с нашего теленка. Почему Процион?

– Ты не хочешь встать? И легче было бы разговаривать. Так, Сириус – слишком звучно.

– Ах, да, звезды из созвездия «Малого Пса». Помнишь, как мы смеялись над тем, что в созвездии «Большого Пса» есть звезда Каникула?

– Помню, - произнес он мягко, будто сожалел о прошлом. – Собачка – в переводе с латинского. Как не помнить, как мы работали над картой звездного неба...

Он начал подтрунивать над ней: над ее все еще заспанным видом, над тем, как она достала кусок хлеба из кармана и кинула его собаке.

– Ты еще посмейся над тем, как я упала, – сказала она, сидя все еще в сугробе и кидаясь в него снежком. Утро принесло с собой не только душевные муки, но и радость, которая разрушала все страхи.

Через полтора часа все емкости в доме были наполнены водой, а она даже и не понимала, почему нет усталости. Леонид осторожно спускался по скользкой тропе, набирал воду, а она нетерпеливо ждала его наверху. Хотелось болтать и болтать: они же год не виделись.

– Странно, Леонид, почему никто не идет к роднику? – спросила она его, когда несли последние ведра.

– Почему странно? Разморозили большой водопроводный кран возле Соновых, вот все туда и идут.

– Почему ты мне не сказал?

– Но так нам никто вроде и не мешает поговорить.

– Леонид, а вдруг тебя папа увидит? Я боюсь, что он неправильно поймет.

– Ты ему скажешь, что мы с тобой просто друзья. Знаешь, если так рассуждать, то с утра все ваши соседи видят, как я несу твои ведра. И они тоже могут неправильно понять...

...Хмурое воскресное утро раздражало. Она шла за водой сквозь дымку тумана. Все еще хотелось спать. Лицо Зауриты было таким же хмурым, как неприметное осеннее утро. Еще и старая дева, которая тоже шла за водой семенящими шагами с коромыслом на плече. Ведра на нем раскачивались в такт походке, и, казалось, что они вот-вот слетят с него. Девушка только приготовилась ей ответить грубо, если та опять по привычке начнет кричать, когда Маржан, так звали ее, сказала участливо:

– Ты бы еще поспала немного, небось, устаешь на учебе.

Вот кто поймет этих людей до конца? То они коварные, то безобидные, то возвышенно глубокие, то приземленно поверхностные. То они такие, как Маржан, злые, то милые.

Заурита надеялась, что, кроме Маржан, никто рано к водопроводному крану не придет. Так она быстрее управится со всеми домашними делами и вернется пораньше в город. Два последних рейса обычно переполнены студентами, возвращающимися на учебу в Нальчик. И так уже второй год.

Пока вода набиралась в одно ведро, во второе плавно осел упавший с огромного ветвистого дерева, стоявшего рядом с краном, пожелтевший лист. Она только протянула руку, чтобы его достать, как кто-то опередил ее. Заурита подняла голову и взглянула в улыбающиеся зеленые глаза, которые были так близки к ее лицу.

– Каждый раз будем встречаться именно тогда, когда ты за водой идешь?

– Леонид? А где твоя собака? – стараясь скрыть свое смущение, она обратилась к нему.

– Я сегодня без нее. А ты каким рейсом в город уезжаешь? – спросил он.

– Двухчасовым. Но сейчас тебя папа может...

– Знаю, меня папа твой может увидеть, но ты ему мило-мило улыбнешься и объяснишь, что я твой старый друг, который пришел тебя повидать после службы.

– Он точно не поймет меня. Дальше тебе нельзя. Я сама отнесу, дай ведра, – сказала она и решительно протянула руки. Но он, смеясь, понес их до ее ворот. И так много-много раз за утро.

– Ты все еще боишься? – спросил он ее.

– Да, боюсь.

– Чего?

– Боюсь провиниться, Леонид. Боюсь людской незаслуженной молвы, боюсь Маржан, боюсь быть непонятой, боюсь огромных собак, каркающей по утрам вороны, крика совы среди ночи. Они и утро мое, и ночь мою делают зловещими. Иногда звездное небо мне кажется «бездной злых огней», а иногда так и хочется пробежаться по Млечному Пути...

– А меня ты боишься? – прервал он ее.

– Тебя не боюсь. Ты страхоотвод, – сказала она ему и смело посмотрела на него. Его взгляд (О! эти потемневшие разом малахитовые глаза) был настолько выразительным, что она на мгновение замерла.

– Я всегда буду рядом с тобой. И даже тогда, когда буду далеко, знай, что я живу, потому что есть ты.

– Это как?

– Когда-нибудь поймешь.

«Боюсь, что когда-нибудь ты можешь не появиться передо мной так же неожиданно, как сегодня, как много раз до этого», – добавила она мысленно, наблюдая за ним. А он нес ее ведра, наполненные до краев водой, мило болтая.

Еще много воскресных дней она ходила за водой. Времена года сменяли друг друга, он иногда появлялся перед ней неожиданно, иногда пропадал надолго. Леонид всегда приходил веселый, успевал рассказать о себе все и, когда она в шутку называла его своим личным водоносом, неизменно говорил: «Наши предки встречались именно у родника. Парни караулили девушек, когда они с кувшином на плече шли к роднику и заговаривали с ними». «Неправда, – не соглашалась она, – они знакомились на свадьбах. Парень приглашал на танец понравившуюся девушку, если

та отвечала взаимностью». И он обещал, что когда-нибудь обязательно пригласит ее на танец.

Как-то Заурита прыгнула неудачно с высоты и сломала ногу, а он, случайно узнав о несчастном случае, приехал и целые дни проводил в больничной палате, ухаживая за ней. Отец девушки, услышав об этом, решил с ней поговорить:

– Этот парень – сын моей четвероюродной сестры, мы родственники.

Он перестал приходить, когда узнал о предполагаемом родстве. Она слышала, что он женился неудачно два раза, а потом, оставив всех, уехал навсегда.

Каждый раз, когда Заурита вспоминала его, она читала стихи Хайяма:

*За гранью мира ищут и за пределом дней
Скрижаль, калам и небо, бездну злых огней.
Но мой наставник мудрый шепнул однажды мне:
«Скрижаль, калам и небо, и ад в душе твоей».²⁴*

Теперь-то Заурита точно знала, что она сама – хозяйка своей судьбы. Знала, потому что в ее жизни был он, человек, которого обманом прогнали из нее тогда, когда девушка больше всего нуждалась в нем, своем любимом «страхоотводе». Вот уже два десятка лет она ищет его, но никто не может сказать, где он и как сложилась его жизнь.

ФАТИМА МАРЖОХОВА

Фатима Мухамедовна Маржохова родилась в Баксане КБР, окончила КБГУ, ФРГФ, работает учителем английского языка, Почетный работник образования РФ.

²⁴ Скрижаль – психология жизни.

Калам – философия жизни.

Небо – Всевышний.

Ад – все страхи, которые живут в героине.

Она – член Союза писателей РФ, Клуба писателей Кавказа. Автор четырех сборников стихов, два из которых в соавторстве с другими поэтами, печатается в республиканских литературных журналах, награждена двумя медалями Всемирного Артийского Комитета, грамотами Евразийской ассамблеи народов мира и Союза писателей Казахстана. Ее произведения переведены на английский, грузинский языки, они попали в книгу «Антология поэзии» в Грузии.

НОЧНОЙ КОШМАР

Просыпаюсь в ночи я от страшного - страшного крика.
То ли сон наяву, то ли я провалилась во мглу.
Помню старый чердак, вековая печать как улика,
Чей-то взгляд на себе я ловлю где-то в дальнем углу.

Не могу убежать, словно ноги закованы в цепи.
Я истошно кричу - не доходит надрывный мой крик.
Сквозь окошко чердачное вижу я звёздное небо
И оно освещает в углу неморгающий лик.

Я молюсь и молю там в ночи о пощаде кого-то.
Между нами случилась почти что безмолвная речь.
«Ты зачем променяла мечты вновь кому-то в угоду
Или просто решила что проще скинуть их с плеч?»

Неморгающий лик то ли девочки, то ли старушки -
Это детство моё завалилось в чердачной глуши.
Там в пыли захоронены все вековые игрушки,
Упрекая за то, что мечты продала за гроши.

Одно свойство у снов - растворяться с лучами рассвета,
Будто не было ночи и призрака в мрачном углу.
Возвращается он, продолжая нашу беседу
И бессмысленный спор заполняет крошечную мглу.

Не преследуйте, милые дамы, я не Иуда.
Детским грёзам нет места, где каждый второй лицемер.
Для подросших детей что мечта - больная причуда,
Что уводит в туманную даль, в мир забытых химер.

* * *

Я хочу быть собой. Это важно.
И порой, как солдатик отважный,
Одолев сотню бурь и невзгод,
Избегаю дорогу в обход.

Если нежность давно убита,
Стану сильной в свою защиту.
Улыбаюсь, сбивая мир с толку.
Прочь обиды на дальнюю полку.

В жизни редко случается сказка.
Мы её принимаем с опаской.
Она учит держать нас удар.
Вот солидный судьбы гонорар.

Даже звезды видны только ночью.
Если рвётся душа твоя в клочья,
Сохрани и неси в себе свет,
Как зарю, как любовь, как рассвет.

СТАРЫЙ СКРИПАЧ

Город кишит и мчится без оглядки.
Обычный серый день почти иссяк.
Старый скрипач в поношенных заплатках
С трудом на площади вышаркивает шаг.

Доковыляв до здания горсовета,
Он положил футляр свой на ступень.

Вокруг так много жизней, мало света.
Старик и сам был словно своя тень.

Раскрыл футляр, достал смычок и скрипку.
Грусть и печаль бесцветных его глаз
Гасили даже слабую улыбку,
Будто он видит свет в последний раз.

Взлетел смычок и полилось адажио
Величественно, словно голос с неба.
Город встряхнул, прекрасным взбудоражил -
Играл скрипач то нежно, то свирепо.

Он так играл, что облака застыли
И сдерживали слёзы дождевые.
Сей тусклый город музыкой омыли,
Будто сейчас проснулся он впервые.

И не было на свете ни болезней,
Ни войн, ни смертей, ни людских бед.
И не было мелодии полезней,
Что доноситься долго будет вслед.

Играй старик, как ты красив в безумстве:
Орлиный взгляд и твёрдая рука.
Так вот что делает с людьми искусство!
На всех смотрел он гордо свысока.

Вот и конец, старик без сил очнулся.
Всего себя он музыке отдал.
Открыл глаза, немного покачнулся.
В овациях весь мир рукоплескал!

* * *

День выходной, но я не выходная.
Укрывшись лёгким пледом, заваялась.

И словно в мире никого не знаю,
Я как могла сегодня притворялась.

А под рукою томик со стихами
И нос щекочет терпкий запах чая.
Лишь только прикоснусь я строк глазами,
Как всё плохое в мире отключаю.

Опять в плену у благосклонной рифмы.
Когда я стала так от них зависима?
На строчках буквы пляшут, словно нимфы.
Я чувствую восторг в душе. Брависсимо!

Мне дороги мои уединения
И не томит нисколько одиночество.
На все свои вопросы и сомнения
Я отвечаю тихо стихотворчеством.
Ты не смотри в глаза, а насквозь в душу.
Увидишь ли тревоги и печали?
Когда-то равнодушие нарушив,
Друг друга мы любовью обязали.

Слова, хоть обладают мощной силой,
Не могут обстоятельства разрушить.
Нас жизнь беспощадно износила.
Внутри руины – благодать снаружи.

Дела идут с желаниями вразрез
И сединой давно уже мы мечены.
С тобой мне шатко и спокойно без,
Обидами и ложью искалечены.

Мир крутится бесшумно без тебя.
И как солдат, бежавший с поля битвы,
Живу я одиночество любя,
Но за тебя шепчу в своих молитвах.

Скамейка, ива у крыльца.
Там в тайнике большой секрет.
В тех детских летних месяцах
Ромашковых полей букет.

* * *

Горячий хлеб из тёплых рук,
Стакан парного молока,
И надувается индюк,
Вдали увидев петуха.

Наны улыбка поутру,
Как незабытая мечта.
Вновь пёс гоняет по двору
Цыплят, соседского кота.

А в доме старенький сундук,
В нём уйма спрятано добра.
И учащают сердца стук
Наших рассказов вечера.

А запах скошенной травы,
В жару холодный родничок.
Под завывание совы
Поёт без умолку сверчок.

Остался призраком тех лет
В деревне бабушкин наш дом.
Но там таится мой секрет,
Напоминая о былом.

* * *

Между нами миры и космос.
И галактика Андромеды.

Я иду сквозь туманность на голос,
Но встречаю не те силуэты.

Мы идём своими путями,
Но идём друг другу навстречу.
Может, разными скоростями,
Но тебя непременно встречу.

Я кричу – молчит даже эхо.
Кто из нас с тобой опоздавший?
Разве есть у любви помехи?
Просто мы немного уставшие.

Между нами выросли стены
На краю рассвета с закатом.
Мы – бездушные манекены.
Одиночество – наша расплата.

НАШ АЛИ

Бог словом тебя осчастливил, Али,
Доверил тебе Он адыгскую речь.
Ты рифму нашел на чужбине, вдали,
Чтоб Родину в трепетном сердце сберечь.

Здесь бурный Баксан точит камни свои.
Ты слушал ночами журчание,
Как песню, которой себя напоил,
Чтоб жить с ним в едином дыхании.

Кавказские горы – твоя колыбель,
Их мудрость вбирая, ты вырос.
И слог твой звучит, как пастушья свирель.
Все нам передал ты на вырост.

Тяжелый кулак закаляет, как сталь,
Юнца превращая в мужчину.
Жестокая правда – мужская мораль,
Опасность – когда удар в спину.

Ты будешь всегда на особом счету
В плеяде кавказских поэтов.
Ты брал шаг за шагом свою высоту,
Не прячась в углах кабинетов.

И мудрое слово не стало золой;
Скорбим лишь, что век твой недолгий.
Остался ты в памяти нашей скалой,
Твои мы навеки осколки.

Оксана БАВОКОВА

Оксана Амербиевна Бавокова – поэт, пишущий на родном и русском языках. Она автор двух книг, печатается в разных литературных журналах. Окончила ХБФ КБГУ и ЭФ КБГУ. Работает начальником отдела в Урванском районном финансовом Управлении. Член Клуба писателей Кавказа. Неоднократный победитель конкурса поэзии, проводимого Общественной палатой КБР. Пишет с 2016 года, философская, пейзажная, любовная, гражданская лирика – основные мотивы творчества Оксаны Баоковой. С ней сотрудничают ведущие композиторы республики.

* * *

Я твоя не судьба,
Ты моё не дано.
Но люблю лишь тебя
Всем преградам назло...

Вопреки всем табу,
Не смотря ни на что,

Искушая судьбу,
Жду тебя одного...

Днём и ночью душа
Ищет душу твою.
Всё трудней ей дышать
Без родного люблю...

Без тебя не могу...
Всё не то, всё не так...
Больше жизни люблю,
Остальное – пустяк...

Кто сказал – не судьба?
Кто решил – не дано?
За меня, за тебя?
Так ведь быть не должно...

* * *

Как долго я тебя искала,
Рисую в мыслях образ твой,
Святыми красками писала
Чьей-то неведомой рукой.

Как небо облако рисует
Легко, без всякого труда,
Бывало, кистями колдую,
В душе свободу обрета.

Я верю, помогал мне ангел,
Иначе как бы я смогла
Пройти преграды между нами,
Найти любимые глаза!

Суметь услышать в шуме ветра
И в нежном шёпоте листвы

Однажды утром на рассвете
Твой голос, ставший мне родным...

Как долго я тебя искала,
Терялась много раз в пути,
Но сердцем чувствовала, знала:
Успею до тебя дойти!

* * *

Когда-нибудь звезда наша погаснет
И канет в вечность раз и навсегда,
Но ведь сияла в небосводе ясно
Не день, не два, а долгие года...

Какое счастье на земле родиться –
Дышать, любить, смеяться, просто жить!
Порхать свободно, гордо вольной птицей
И каждым мигом жизни дорожить.

Не страшно, что когда-то нас не будет,
Всё временно, ведь так устроен мир.
Учиться надо радоваться будням,
Светясь душою, словно Альтаир.

Оставить, главное, нам в этой жизни
Неповторимый, яркий, светлый след!
И от рождения до самой тризны
Стараться излучать тепло и свет.

Когда-нибудь мы листиком осенним,
Сорвёмся с жизни, канем в никуда...
И перейдём, вдруг слившись со Вселенной,
В другое измеренье навсегда...

* * *

Отвоюй меня у небес
И судьбы, нас с тобой не связавшей.
Хоть давно я не жду чудес,
Докажи мне, что есть ещё шансы.

Шанс поверить снова в любовь,
Шанс начать жизнь нам с чистой страницы.
И довериться чувствам вновь –
Тем, что дышат под самой ключицей...

Тем, что сладко нуют внутри,
По ночам, обжигая сердце.
И из маленькой вдруг искры
В пламя могут легко возгореться.

Отвоюй меня у небес,
А я сдамся тебе добровольно...
Лишь с тобой жду, как прежде, чудес
И дышу с каждым мигом свободней!

* * *

Она и он. Быть может, по судьбе,
Коль в жизни их свела одна дорога.
Коль выделил её глаза в толпе,
Коль выбрала его лицо среди многих.

Она и он. Меж ними волшебство,
Граничащее с нереальным миром.
Он только с ней одной такой живой,
Да и она признала в нем кумира.

Она и он. Друг с другом им легко
Настолько, что порой даются диву.
Коль с ней – свободен ото всех оков,
Коль с ним – как будто за спиною крылья.

Она и он. История любви,
Что будоражит чувства поневоле.
Она нашла в нем целый чудный мир,
Он рядом с ней в счастливом ореоле!

МОЙ ЛЮБИМЫЙ МАЙ

Мой светлый и любимый месяц май
Эмоций разных, впечатлений полон!
И хоть прекрасен, как волшебный рай,
Слезами горькими он всё же солон...

Слезами рано овдовевших жён
И матерей, чьи дети не вернулись.
И внуков, ласки дедов кто лишён,
Чьих душ война жестокая коснулась...

Весна к нам ласкова не оттого ль,
Что помнит до сих пор и боль, и горечь
Шагнувших в ту войну выпускников,
Не в срок познавших едкий привкус горя?..

Прелестен май, быть может, оттого,
Что хочет красотой нас утешить?
Бесшумно, безо всяких фраз и слов,
Способен боль людскую он умирить.

Сирени нежной каждым лепестком,
Пиона розовым большим бутоном.
Пытается унять душевный ком,
И грусти нашей растворяет тонны!

Бывает, плачет вместе с нами май,
До слёз людскою скорбью потрясённый...
Каким бы ни был...он похож на рай,
Навеки днём Победы вознесённый!

Людмила ЗАГАШТОКОВА

Загаштокова Людмила Хамзетовна – член Союза писателей России, методист СДК с.п.Баксаненок, Заслуженный работник культуры КБР. Автор нескольких книг, печатается в республиканских литературных журналах и газетах. Награждена Почетными грамотами министерства культуры. На стихи Людмилы Загаштоковой написано много песен ведущими композиторами Кабардино-Балкарии.

* * *

Уснувших гор не нарушай покой,
Им о далеком прошлом снятся сны.
Прислушайся к дыханью их тайком
И ты поймешь, чего мы лишены!

Немало тех, кто у подножья гор,
Свои истоки позабыв, живет,
С гор водопад бурлит, лаская взор,
Пленяет красотой из года в год.

Не нарушай покой уснувших гор,
Что берегут историю страны.
Слабы душой, и только лик так горд,
Они на первый взгляд лишь холодны.

Слезам предков доблестных порой
Мне кажутся в горах все родники.
Любую хворь дано перебороть
Всевышним им, рассудку вопреки.

Не нарушай покой уснувших гор...
Тихонько колыбельную им спой...
Слабы они, и только лик так горд...
Как стар и млад, чисты они душой...

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Рассказ

Очарованная прекрасным весенним утром, опустив стекло машины, еду по прямой дороге. Я никуда не тороплюсь. Сердце радуется приятному легкому ветерку, что дует из окна и несет весенний аромат, поднимая настроение.

Машины обгоняют, некоторые водители сигналият мне: «Что ползешь как черепаха? Не задерживай других!» – кричат они.

Как художник, плененный красотой природы, так и я, в плену красоты, еду мимо утопающего в зелени поля. И вдруг мое внимание привлекает стоящее возле дороги в пустом поле одинокое деревце.

Замедлив ход, приближаюсь к нему, останавливаю машину. Деревце призывно машет мне своими еще неокрепшими веточками, а листики шепчут: «Иди, иди сюда... Пожалуйста». Выхожу из машины, и какая-то невидимая сила ведет меня туда. Приблизившись, осматриваюсь удивленно: вокруг пустынно. Где-то там, вдалеке, стоит еле видимый глазу густой лес. Интересно, каким образом здесь выросло это деревце? Его посадил человек, или ветер из густого леса принес семена, которые пустили росток? Или же птица летела, несла своим птенцам еду, да нечаянно обронила? Перебирая всё это в уме, подхожу к деревцу. Возникает ощущение, что березка, радуясь приходу, шепчет мне что-то. Её листочки то поднимаются, то опускаются, то трутся друг об друга. Такое чувство, что они обнимаются, радуясь долгожданной встрече. Березка совсем молодая. Ветерок качает ее гибкий стан. Я подхожу к ней и обнимаю ласково, так, как обнимают любимое дитя! На какой-то краткий миг мне кажется, что я слышу её дыхание...

...Время идет удивительно быстро. Пролетел год, и наступила следующая весна. Часто я вспоминала об этой берёзке, но в жизненной круговерти мой путь не лежал в эти края. Так наступило лето.

Не дающие покоя мысли позвали в дорогу, ведущую к березке.

Вот еду я, тороплюсь так, как торопилась бы к родным людям, которых давно не видела.

Подхожу к березке и останавливаюсь как вкопанная. Деревце окрепло, изменилось до неузнаваемости. Ветви раскинулись, предлагая приятную сердцу тень.

Мне показалось, что березка узнала меня, я услышала тихий шепот: «Добро пожаловать». Но в чём же причина ее стыдливо опущенной головы? Чтобы понять это, я отошла на шаг в сторону. Очевидно было, что в тени березы люди устраивали пикник. Вокруг валялись бумажки, пластмассовые бутылки, словом, везде были нелюбезные следы чьих-то посиделок.

Я почувствовала стыд берёзы. Ее беспокоило то, что дом не убран к приезду гостей, а сама она не в состоянии исправить это. Я быстренько собрала мусор вокруг, унесла подальше, сожгла, и вернулась к берёзке. Её радости не видно было конца, листочки её закружились в веселом хороводе с легким ветерком. Присев на один из трёх камней, оставленных теми людьми, я некоторое время просидела, беседуя с берёзкой. Одинокое дерево удерживало меня какой-то таинственной силой. Я встала и на прощанье погладила его по гордому стволу. Может, кто-то сочтет это ненормальным, но я почувствовала, что ладони стали горячими от ответной ласки...

...Время неудержимо. Я скучала по своей берёзке, но из-за вечной нехватки времени не навещала её долгих три года.

Ранняя осень. Люди готовятся к зиме. Случилось так, что наконец-то мне надо было ехать в ту сторону.

Ещё издалека я заметила, что дерево обеднело. Подхожу, останавливаюсь: ветви обломаны, словно кто-то жадно раздевал её. Стоит берёзка, стыдясь своей наготы, и поёт тихую, грустную песню. Кому же помешали крепкие ветви? За что так бессердечно поступили с одиноким деревом в пустынном месте? Не находя ответов на свои вопросы, подхожу и обнимаю опечаленное дерево. И вдруг замечаю на ее толстом стволе надписи, сделанные перочинным ножом «любеобильного» человека, надписи, отображающие его чувства. Я глажу ласково израненное дерево и чувствую, что земля вокруг обагрена её кровью, и у меня создаётся ощущение, что и мои руки по локоть в крови. Почему человек, который думал о своей большой любви, не подумал о том, какую невыносимую боль причиняет?! Разве такое бессердечное

сердце способно на любовь?! Разве не может он завтра причинить такую же боль объекту сегодняшней своей любви?!

С этими мыслями я простояла некоторое время. Пора бы и в обратный путь. Хоть и жаль расставаться с осиротевшим деревом, жизненные законы требуют своё, и я еду дальше...

...Вот снова суровую зиму сменила весна. Кто поверит, что за все это время я не на миг не забывала о своей берёзке? Перед глазами все время стояло обломанное оголённое дерево.

С подругой, которой рассказала о нём, отправляемся в путь. Чем ближе берёзка, тем учащённее бьется сердце. Подходим к ней. Я сразу же замечаю, что на ее верхушке пробились две ветви. Радуюсь этому как дитя, обнимаю её, глажу и целую кору. Две новые ветви, приветствуя, кланяются мне, и тут же с радостью гордо тянутся к небу.

Я не могу руками дотянуться до них, но взлетаю и обнимаю их душой, желая долгой и счастливой жизни.

С подругой, разделяющей мою радость, фотографируем берёзку, прощаемся с ней и отправляемся в обратный путь.

...Год пролетел быстро. Еду опять в гости к берёзке. Подъезжаю... О, ужас!!! Берёзки нет на месте, ее срубили под самый корень!!! Опечаленная её гибелью, с комом в горле, стою, не в силах вымолвить слово. Кому помешала одинокая берёза, украшающая земной уголок? Берёза, которая стремилась нести людям радость? Кто с ней так подло поступил? Стою с чувством, будто похоронила близкого друга и нахожусь на его могилке. Глажу на прощанье пенёчек, (все, что от моей березки осталось), словно могильную плиту, и, объятая горем, отправляюсь в обратный путь.

...Как-то летним днем, проезжая мимо того места, где стояла березка, я невольно глянула туда. Не веря своим глазам, останавливаю машину. На том самом месте стоит росток березки. Я слышу призывный голос: «Иди, иди же, чего стоишь? Я тебя ждала каждый день!» Не веря чуду, бегу на зов...

Фатима ГИДОВА (КАЗАНОВА)

Фатима Гидова (Казанова) родилась в селении Исламей Баксанского района КБР. Окончила ФФ КБГУ. Печатается в республиканских литературных журналах, автор нескольких сборников стихов, а также совместных сборников. Первая книга вышла, когда ей исполнилось 15 лет. Член Клуба писателей Кавказа, учитель кабардино-черкесского языка и литературы.

БЖЫХЪЭ ЖЭЩ

Сыщысщ, сыдоплъыр щхьэгъубжэм,
Бжыхъэ жэщым сегъэээш.
Мазэ ныкъуэм къидз бзий фагъуэм
Си гухэлъхэр къегъэуш.

Гугъэ нэпц|хэр пэж сщыхъуауэ,
Уэгум лъагъуэ щыхызаш.
Уи пщ|ыхъ дахэм сыхэпшауэ,
Псэр зыхуей уэрэд хыбош.

Дунегъэр шыпсэ хъуащи,
Удз гъужахэр къогъэгъэж.
Жынду макъыр зэхызохри,
Бжыхъэ жэщым сыкъоклуэж.

МАКІУЭ ГЪАЩІЭР

Макіуэ гъащіэр, ук|элъы|эбэурэ,
Нэсакъым, жыплэурэ – блэк|ау кыщ|ок|.
Мазэ ныкъуэм гухэлъхэр жеп|эурэ,
Изыбзэ хъуауэ, нэк|уплъу кыкыуок|.

Макіуэ гъащіэр, ук|элъы|эбэурэ,
Нэсакъым, жыплэурэ – блэк|ау кыщ|ок|.

Гъэмахуэ жэщым уклэлъыплъурэ,
Дунейр фагъуэу, бжыыхэкӀэу нэху къокӀ.

МакӀуэ гъащӀэр, уклэлъыӀэбэурэ,
Нэсакъым жыплӀурэ – блэкӀау кыыщӀокӀ.
Зэманыр гушыӀэ кыпфӀэщӀурэ,
Жылэ хэпсари гъужауэ кыыхокӀ.

МакӀуэ гъащӀэр, уклэлъыӀэбэурэ,
Нэсакъым, жыплӀурэ – блэкӀау кыыщӀокӀ.
ПщӀэдей махуэм пӀкӀуэн уи гугъэурэ,
Гу щумыхуэурэ дакъыкъэхэр блокӀ.

ХАМЭ ЩЫПӀЭМ

Зэман куэдкӀэ узбгынэну
ГъащӀэм сӀэ кыызжимыӀат.
Хуиту зӀэ сыпӀуплӀэжыну
Си нӀпс пщтырым имыдат.

ХӀкыпӀэншӀэу сыкъэнащи,
СосӀэж хабзӀэ сысымейм.
Хамэ щыпӀэм сыкъынащи,
НӀпцӀ сфӀэщӀӀ кӀуршхэм луплӀэгъуейщ.

СыщӀӀӀэпсӀур кыызгурыӀуэнти,
ЛъахӀэ, уӀэ сызыхӀэпщӀам,
Жыыбгъэр фӀыуэ сӀэ слъагъунти,
Си гум щыщӀӀэр кӀуигъӀӀам.

СщигъӀэгъупщӀэу хӀэт сӀэ пӀэжыр
ФӀы сигу ныкъуэр кыысхуищӀын,
АдыгӀбзӀэр сӀӀэщӀӀэхужым,
ХӀэт ар кызыгъӀӀӀэжын?

Мащэр Іэгуклэ къэстыжынти,
ХамэщІ сыщыщІамылъхам,
ПцІашхъуэу уэгум сихъэжынти,
«Къэуш» псалъэр зэхэсхам!

* * *

Къреху зыщІыпІэкІэ жбы щІыІэ,
Уи цІэр жиІэу псэр мэкІий.
СІэщІихауэ хуабэу сІлэр,
Си Іэпкълъэпкъыр егъэдий.

Жэщ лъэхъуэщым сисщ и куэщІым,
Мазэр псэлъэгъу къысхуэхъуащ.
Къиплъэфыну хъунт сигу лъащІэм –
Бзийхэм щысхъри, щІегъуэжащ.

САБИИГЪУЭМ КЪЫЩЫНА ГУРЫЩІЭХЭР

Гъэмахуэ жэщ.
Мазэм къидз бзий фагъуэ.
ЩымыІэу пэсщІ,
Нанэ и куэщІ щабэ.

Жбынду джэ макъ,
Дадэ жиІэж псысэ,
ПкІауэ лъэ макъ,
Псэм щыгъагъэ усэ.

Бахъсэныпс уэр,
Къуэм къыдих жбы къабзэ,
Тутей жыг кІыр,
Тхъэмпэ жбым дэхуарзэ...

Гъэмахуэ жэщщ.
Мазэм къедз бзий фагъуэ.
Щымылэт пэсщ!
Нанэ и куэщ! щабэм.

Хигъэщ!у гур,
Бахъсэнпыс мэхъущ!э.
Гъужащ тутейр,
Къысф!ощ! сыкъымыщ!э.

Сыщ!эсщ тутейм,
Зыри зыхэзмыщ!э.
Зэманыр гъейщ,
Стрихащ гурыщ!эр...

АМИНА ГАЗАЕВА

Амина Газаева родилась в селении Яникой Чегемского района. Окончила ФФ КБГУ. Автор нескольких сборников стихов, печатается в республиканских литературных журналах. Первая книга вышла, когда ей исполнилось 15 лет. Член Союза писателей России, Клуба писателей Кавказа, редактор издательства «Эльбрус».

*Давай просто будем. Не надо обещаний.
Не надо ожидать невозможного.
Ты будешь у меня, а я – у тебя.
Давай просто будем друг у друга.
Молча. Тихо. И по настоящему.
Эрих Мария Ремарк*

Кёремисе, жауун...Ол ёчюлтюрюкдю отну.
Алай от бийикге итинеди,
булутладан ётп, узакъда жаннган жулдузгъа
жетерге кюрешгенча.
Адамла уа ётедиле, озадыла къаты бла.
Кимге да неге керекди ол?

Алай, жауунну замансыз жаугъаны ючюн
бармыды адамлада терслик?
Не да...замансыз этилген от..
Ол бизни суймеклигибизди.
Башха тюрлю къарасагъ а, ол от – менме.
Сен а – жауун.
Ёчюлтюргеми сюесе мени?!

Тёгерегимде сенсе. Сен алай кёпсе, жокъду амал сенден
бугъаргъа.
Тохтагъан а этмейсе. Мен а – жерни бир гитче кесекчигинде.
Санга созулама, тилейме, айтама тохта деп.
Жел бюгеди мени, къысады жерге...
Угъай. Бу жел мени кючлю этерик тюйюлдю.
Ёчюле турама.
Мен, жаралы къанатлыча, къалтырай келип,
гитче жилтинчик болуп къалама, къарангы кечеде жаннган
жулдузгъа
ушاپ.
Алыкъа жылтырайма, жолну бирси жанында терезеден
мени
кёредиле.
Алыкъа жылтырайма...
Умутча, ол керти да керек болгъан жулдузча.
Кёкде жулдуз болмаса, уа ол жерде болургъа керекди!..
Ёчюлтдюле...
Жауун! Сен жаууаса дуняда жашау алгъа барыр ючюн.
Сен кесингсе жашау, хауа кибик, кюн кибик.
Неда мен кюнмю болурма?

* * *

О тиширыу! Аны жыйрыгъы
бюгюн бир бек къысхады.
Къайдады адет, намыс къайдады?
Аны атламы, къарамы да айтады:
кел, мени бол.
Кесине тартады.

Акъылгъа тынгыламайды къол.
Алдатады.
Тиширыу. Аны жыйрыгъы
бюгюн бир бек ачыкъды.
Уртлагъан чагъыры, къадарыча ачыды.
Ачады.
Жюрекними ачады?
Жыйрыкънымы? Къачады.
Кесинденми къачады?
Эринденми къачады?
Кюледи.
Кюеди.
Жанады.
Сынады.
Батады.
Ёледи. Къайта да ёледи.
Нафсын ёлтюреди.
Кёмеди аны, жарсыусуз кёмеди.
Къарангыды кече.
Тынгысызма, билеме.
Жюрегим айтады.
Къан жугъу ай булутха батады.
Мени суйгеним, мени суйгеним
аны фатарына къайтады.

АЙ ЖАРЫКЪ КЕЧЕ

Жулдузлуду кече, жулдузлуду нечик,
Хычыунду хауа, хычыунду желчик.
Жюрегим да жарыкъ, сезимим да –таза:
«Аллахха шукур!»деп мен турама, жаза.

Жулдузлу тенгизде чайкъалады айым,
Бу жол ай да толу – ол тюйюлдю жарым.
Жарытады жарыкъ ол туугъан жерими,
Кечени шошлугъу балхамымды мени.

Жукъла, Малкъарым, сен, мен белляу айтайым
Сени хар гюлюнге, юйюнге, эллинге.
Жукъсуз черекни макъамын алайым,
Салайым гёбелек къанаты юсюне.

Гёбелег а учар – журтуму башындан,
Белляуну да жая ол женгил къанатдан.
Болсун, Малкъарым, хар кеченг дайым да шош,
Эрттенинг а – чууакъ. Алай болмаса – бош

Белляула да айтхан, назмула да жазгъан,
Аллахым сакъласын мени ол ачудан.

* * *

Алайды, хау, хар ким тёзеди,
Жарсыма бош, Аллах кёреди.
Бир жыгъылгъан ёрге турады,
Ёрге тургъан да жыгъылады.

Хата чыгъады чёпчюкден да,
Аны сынай келеме мен да.
Бирде алгъыш толуп къалады
Адам насып къачлы болады.

Бирде уа сур къаргъыш жетеди,
Кимни да кюйдюрюп кетеди.
Жашау алайды, ол – төреди.
Алай Аллах... Аллах кёреди...

ТЮЗ ЭТЕСЕ

Тюз этесе, сёзсюз, тюз этесе,
Юйретесе жашау этерге.
Жарсыууз жанымы кюйдюресе:
Кюрешесе мени женгерге.

Тюбешсек, масхарайса, кюлесе,
ачытаса, сёзле бла уруп.
Ызындан намазгъа сюелесе,
кесинги гюнахсыз сундуруп.

Мен, кюе да жилий, сынарыкъма,
Тюрленникме, боллукъма башха.
Бушууда гяпчиге ушарыкъма,
Къууанчда ушарыкъма ташха.

Бюгюн сен хорладым деп кюлесе...
Мен къошулмай къалдым урушха,
Аз да болмай анга гурушха.
Тюз этесе, сёзсюз, тюз этесе.

* * *

Мен а бюгюн мудах – ётюрюк бийикге,
Итинеме. Аллах кёргюзтеди кёкге.
Ётюрюк бийикде табарым – сууукълукъ.
Жаралы жүрекде уа къалгъанмыды жукъ?!

Атамы, анамы алпында ууалсам,
Къарыуум да жеталмай, жолда абынсам,
Ётюрюк сюйгеним сакъларыкъды аны,
Кюрешир алдаргъа ол, аурумай жаны.

Ётюрюк шуёхум жарсыгъан да этмез,
Не мени, не кесин ол къыйнап кюрешмез.
Ётюрюк жууугъум, къууана, къарс уруп.
Ма алай!.. Бу сагъыш дуняча ауур.

* * *

Узакъда, узакъда мен кёреме отну жарыгъын,
Мен барама анга, къарыуум да, кючюм да къуруп.
Боранда къыйындан да къыйынды жангы атламым,
Мен барама анга, сууукъну бла желни унутуп.

Ийиси да келе, мен сеземе отну жылыуун.
Бусагъат жетерикме. Тохтап къарасам а узакъ –
Зат да жокъ. Сындырады алай жашауну алдауу.
Кёк къаппа-къарангы, жер –сууукъ, чыммакъ акъ, чыммакъ акъ.

Ах, артха - ызыма къайтыргъамы керекди манга?
Да къайтсам, хорлатсам алдарыкъма мен умутуму.
Жокъ башха амалым, атларыкъма жалан да алгъа.
Узакъда, узакъда табарыкъма жаннган отуму.

* * *

Къалай сие эдим, нени да унутуп,
Арабыздан ол хунаны къурутургъа.
Къалай сие эдим сени бла турургъа,
Къыйнамай жүрегим, алдамай умутум.

Къалай сие эдим, къолларынгдан тутуп,
Ичимдегин санга кёзюм бла айтыргъа.
Бу ай кече жулдузлагъа тынгыларгъа
Къалай сие эдим, нени да унутуп.

Алай къадар деген аямайды бизни.
Жарсымай, ууатады ол экибизни.
Турабыз, тюбешег а, биз ышаргъанлай,
Къалай насыплылабыз дей ётюрюкге.

Ол заманда уа бир къыйынды жүрекеге...
Билебиз биз, билебиз бир бирни алдай.

«Угъай» десем, ол «хау» боллукъду, нек?
Арабызда уа тынгылауду чек.
«Угъай» десем да, мен чекни бузама.
Манга уа, айтчы, ол неге керек?

* * *

Ах, сыйгеним! Кёрсем ауанангы –
Аллах шагъат! – манга саугъады ол да.

Къуру да сагынама атынгы:
«Къалайса?» - деп, узатмагъанлай къол да,

Кетеме мен. Сууукъду къарамым.
Жауун а ызынгдан къарап жилийды.
Жарамайды, жарамайды... наным...
Жауун а хар затны да ангылайды.

Жауун а шош жуаады ызымы.
Кесим айтмазымы ол шыбырдайды.
Биледи да къучакъламазымы,
Мени ючюн сени ол къучакълайды.

Санга жазгъан назмуланы, отдан аямай, кюйдюреме.
Ала бош кюймейле, угъай, ала бла мен кесим кюеме.
Жанып барадыла ала, жаланда кюллери къалады.
Болсада кюл сени атынг, манга неден да ол багъады.
Бирге болалмайбыз, угъай, башха къадар буюрулгъанды.
Унутургъамы? Да къалай? Кесин а ким хорлаялгъанды?

* * *

Эски жарам этгенди къарыусуз.
Салкъын ингир келтирмеди тынчлыкъ.
Сенде, менде да жокъду харамлыкъ.
Къарыу да жокъ кетерча жарсыусуз.
Жашау а татыусузду, татыусуз.
Арабызда жылыу бла жарыкълыкъ,
Ол багъасы да болмагъан байлыкъ,
Ах, нек болуп къалды былай учуз...
Тююшмейин, талашмай, таушсуз,
Бир кезиуде ёлгенди ийнаны.
Мени уа бойнумдан буууп ачыу,
Сенсиз кюнюм боллукъча умутсуз,
Мен юйренип къалгъан эдим санга.
Тилейме ий, сюеме жашаргъа!

РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Казбек МАМУКАЕВ

Мамукаев Казбек Георгиевич – осетинский поэт, переводчик, журналист. Родился в 1956 г. в селе Сурх-Дигора Ирафского района Республики Северная Осетия-Алания. Окончил Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова. Работал сварщиком. Автор сборников стихов. Перевел на осетинский язык стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Брюсова, В. Маяковского и др., прозу Л. Толстого, А. Чехова и др. Член СП России. Живет во Владикавказе.

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Завершается летний зной,
Бабье лето угаснет скоро, –
Тихо капает надо мной
Дождик с запахом петрикора.

Открываю ему свой рот,
Капель запах вздох вдыхаю,
И берут меня в оборот
Годы детства по краю раю.

ВОЗНЕСУСЬ ЛИ?

Не погаснет Христа звезда,
Что спасает меня и Будду, –
На земле я не навсегда,
А на Небе, возможно, буду.

Не устану Христа любить,
А страдать от греха устал я, –

Понесёт меня к Богу жить
Моих строчек шальная стая.

Вознесусь я или паду,
В Рай иль в ад приведёт дорога, –
До какого из Неб дойду,
До какого из Неб порога?..

* * *

*Если молния меня не убила -
то гром мне,
ей-Богу, не страшен.*
В. Маяковский

Не пугай меня, ветра вой,
Не бери меня, гром, в объятья,
Коль для молнии я не свой,
Мы с тобой не друзья, не братья.

Разорвётся ли мостик-нить,
Затрещат ли Небес стропила,
Ты не можешь меня убить,
Коли молния не убила.

ТИХИЙ ЗВОН

Осень выпала в ночь – златокудра,
Дивный клад не желая зарыть, –
Строки плакали в кровь, а под утро
Их читали поэты навзрыд.

Небо было в печали, ведь звёзды
Тихим звоном на землю сошли,
Да, процежен их чарами, воздух
Озарил средостенье души.

Мир воспрянул – багрян, светоносен,
 Тайной страстью наполненный нерв, –
 Бабьим летом раскинулась осень,
 Нас прощальным теплом обогрев.

МÆ СОНТАДИ ИМИСÆН

Мæ нанайæн йе ‘лхуйнæ, уæдæртæн
 Сæ урухснæ, зуррут имисун...
 Фалæ нур... Нури доги цидæртæ
 Нæбал комуй мæ уод уодæнсун...

Цъигъин уогæй, тахтæн уесин бæхбæл,
 Къæхи кæрдзин хуæргæй, гъе фесард,
 Гъо, адтæн æз уæддæр цъухи къæбæл,
 Гъо, калдæй мæ цæститæй цъæх арт.

Мæ фæсте руги ‘врагъ исистидæ,
 Ниттелгæй сифæ-думæг мæ бæх,
 Арви арфæй уадсести финститæн
 Нимадтон сæ таустæ, се ‘здæх...

Фалæ нур... Ниууорс æнцæ нæ сæртæ,
 Ниххускъæ ‘й нæ къуæцæлин хъæма...
 Мæ сонтади цъæх уалдзæг, мæ сæрдæ,
 Фæ мма уинæ сумах бæргæ ма!..

Фалæ нур... Нури доги цидæртæ
 Нæбал комун, нæбал, уодæнсун...
 Нанайæн ма йе ‘лхуйнæ, уæдæртæн
 Сæ урухснæ, зуррут имисун...

ДЗУРДУАТ:

Урухснæ – здесь: быстрое круговое движение
 Зуррут – шум при вращении (здесь – веретена)

Къæхи кæрдзин – пресный хлеб
Фесард кæрдзин – поджаренный чурек
Уадсестæ – перистые облака
Æздæх – здесь: говор, акцент, речь

ОСЕНИ МЕНЯ!

Воспарю ли в высокие сферы я,
Иль душе предстоит быть убогой, –
Упасёшь ли меня от неверия,
О Господь мой, о Бог мой?..

Осени меня велией схимою,
Из Обители горней, высокой, –
В небытие ниспровергни грехи мои,
О Господь мой, о Бог мой!..

ПОЧЕМУ УГАСАЮТ СВЕЧИ?..

Почему угасают свечи,
Они вечно должны гореть,
Даже если сгорит мой вечер,
Даже если у двери – смерть.

Старцев, нас, ужасают вести –
Юных воинов жертв не счесть,
Я хотел бы стать грузом двести,
Лишь бы вечность для них обрести.

Лишь бы мать и отец у гроба
Не рыдали вовек навзрыд, –
Чтоб полна была жизни торба,
Чтобы смерти досталось – выть.

ПОДОБИЕ СОНЕТА

Шутя ли...

Ко мне, в мой сон, стихи пришли опять,
Ползли украдкой, как за мышкой кошка,
Их взор пронзил мне сердце сквозь окошко,
И я решил обнять их, обонять,

Пока они не убежали вспять
По им одним лишь ведомым дорожкам
Из моего чудного сна сторожко,
Чтоб до ПОЭТОВ стёжку протоптать.

И вдруг – метафор, рифм, катренов рать
Рванула прочь в открытое окошко,
Как свистом перепуганная кошка,
Успев мой сон-творенье оборвать.

Но Богу слава – лишь минула ночка,
К строке конечной прибежала точка.

Залина БАСИЕВА

Залина Басиева – член Союза писателей России, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии, поэт, переводчик, лауреат Государственной литературной премии имени М. Камбердиева, лауреат Международной литературной премии «Буламаргъ» (Соловей), лауреат национальной литературной премии имени Нафи Джусоева и Первой Международной премии литературного журнала «Мах дуг».

МОНОЛОГ ДУШИ

Я чувствами навывлет пронзена
И проклята и благословлена,

И поднята нежданно в небеса
И в бездну ада кану как слеза.

И горе и печаль в моей крови,
И мысли золотые о любви
Измучена ночами я тоской,
И клятвами, что брошены судьбой.

Разбита я, как хрупкое стекло
И вновь меня ножом пронзает зло,
И камни снова подлостей летят,
Пророча мне на свете этом ад.

Но я смогу и всё переборю,
И снова разбужу в себе зарю.

Перевод с осетинского Мурада Ахмедова

ФЫД

*Перевод отрывка из поэмы «Отец» Алима Кешокова
с черкесского языка на осетинский язык*

Æдзæрæг кæрты иу хыпп-сыпп дæр нæй,
Дадий зыбыты иунæгæй хæдзары.
Бæлыдис уый цæмæй цæра фæрнæй,
Фæлæ ныр та фыдтухитæ æвзары.

Æнхæлмæ каст, ныййарæгау, рæхсджы
Йæ фырттæй алчи ссардзæни йæ амонд.
Фæзындзæн æм дыууæ уæздан чындзы,
Æмæ уыдзæн зæронты бонтæм райгонд.

Хъыгагæн, хæст дæрæнкæнынмæ - зыд...
Кæм ис йæ ныфс, кæй буц кодта рæвдыдæй,
Йæ хистæр фырт? - нæ зоны йæ бæлвырд...
Йæ сæрыхъуынтæ халасау йæ хъыгæй.

Æмæ йæ цæстыл уайы тохы арт:
Йæ фырт Корнеймæ 'ппæтт нæмгуытæ 'ввахс дæр...
Фыстæг дзы нæй, æмæ æнкъард у мад.
Цы ма вæййы æнхъæлмæкастæй карздæр?

Куы та, уырны йæ: бахиздзæн Хуыцау
Йæ хъæбулы фыдбылыз æмæ мастæй.
Æмæ уыдзæнис сомбон æм рæдау,
Ырыздæхдзæн йæ хæстон фырт æгасæй.

Цы хæринæгтæ уарзта иу фылдæр
Æвæрдæй уыдон йе 'рбацыдмæ дары.
Хъæдуртæй фарстыл баууæнды: кæмдæр
Корнейы сæрмæ судзы ирд ыстъалы.

«Сæрибарыл кæмæн вæййы йæ тох.
Фæкæны сыл хæрзаудæн Ыскæнæг»-
Гъе афтæтæ хъуыдыгæнгæйæ, рох
Æрцæуы хатт йæ зæрдæйы æрхæндæг.

ХÆХТÆ АГУЫППÆГ

*Стихотворение «Горы молчат»
Алима Кешокова в переводе на осетинский язык
Залины Басиевой*

Урс архъантæ къæйдурджын хæхтыл
Дымгæ æрбаппары сусæгæй.
Афтæ æрмахуыр фæкæнынц бæхты.
Хæхтæ лæууынц æгуыппæгæй.

Фидар бæлæстыл æртысти цъæх их.
Æмæ Теркимæ ерысæй
Уары мит æмæ ленк кæны мигъ.
Хæхтæ лæууынц æнæсымæй.

Уалдзæджы быдыртæ адарынцъ цъæх,
Згъорынц суадæттæ хъæлдзæгæй.
Царды у дзæбитыртæн хæхты уæрæх.
Хæхтæ лæууынц æдзынæгæй.

‘Хсæрдзæнтæ, дуртæ фæлдахгæ нæрынц,
Калы арвырттывд ирд цæхæр.
Ахадгæ хæхтæ та - хъусæй лæууынц,
Уыдон уæлдæр сты æппæтæй дæр.

АЗАУ ÆМÆ ТАЙМУРАЗ

Ганисы уæлмæрд аныгъуылд æхсæвы,
Йæ сæрмæ зилы рог дымгæ сындæг.
Фæлмæн тæмæнтæй зæххыл мæй æндзæвы,
Сабырдзинады сусæг тых нындзыг.

Хъысмæты уаргъ дæр разыны зын хæссæн,
Дыууæ зæрдæйыл бамынæг ис хур.
Цъæх кæрдæгæй сæ ингæнтыл æмбæрзæн,
Зæронд сывылдз сæ нывæрзæн сæркъл.

Кæлы сæ цурты хохы риуæй суадон,
Хæссы дæрдтыл дыууæ уарзоны кой.
Уæлæуыл сæ нæ барæвдыдта амонд,
Мæрдты æссардтой иумæйаг æнцой.

Дыууæ уарзоны баиу сты æнусмæ,
Сæ ингæнтæ фæрсæй фæрстæм лæууынц.
Фæлæ ныр дæр ма уыцы уарзты рухсмæ
Æхсæвыгон гæлæбутæ тæхынц...

Сафайы рæхыс.

Балсæджы цалх - нæ фыдæлты истори,
Кæддæр уæларвмæ тохы зарæг цыд.

Нæ зыдтам мах хатыр æмæ цæстмæми,
Дæрттыл хъуыстис нæ ном æмæ нæ цыт.

Цыдысты скифтæ дард бæстæм ныфсхастæй,
Тызмæг æмæ æгъатыр уыд сæ дуг.
Кæйдæр арвы бын знæгты тыхтæ састой,
Кæйдæр зæххыл-иу акалдтой сæ туг.

Хæстон цардæй хъæбатыр дæр фæлмæцы.
Æрбынат кодтой сгуыхт скифтæ кæддæр.
Тыгъд быдыры цъæх арвмæ фидар схæцыд,
Йæ алыварс нæртон дуджы фæлтæр.

Ызгъордтой размæ дугъон бæхау азтæ,
Уæд иу бон бахъуыд Хуры цоты сæр.
Æнæнхъæлæджы ивдзинæдтæ 'рхаста
Нæ рагфыдæлтæн рæстæджы цæхæр.

Ныннæрыд арв, стæй зилгæ дымгæ сыстад,
Бæхджын æфсадæй сау фыдох ыссыд.
Бырста аланты бæстæтæм æлгъыстаг,
Сæ сæфтæгты бын зæхх фæйнæрдæм скъуыд.

Ыссыгъдысты мæсгуытæ сæр æртытæ,
Ызнаджы фаттæй бамынæг ис хур.
Уымæл уыд зæхх тæвд туг æмæ цæссыгтæй,
Æндзæрста зæххыл сау пиллон фыдгул.

Æнæмбæрц хæст йæ сау дæрæнæй не 'нцад,
Нæртон æдæмæн байсысти сæ тых.
Цæмæй бынтон сæфт ма 'рцæуа нæ уидаг-
Кавказы хæхтæм сарæзтой сæ них...

Кавказы хæхтæ, цъитиджын бæрзæндтæ.
Ыссардтой ам нæ фыдæлтæ бынат.
Æдзæрæг зæххы тар, æнæсгæрст кæмттæ
Ысхъарм кодта ирон къонайы арт.

Куырма æлхынцъæй уæззау хъысмæты синаг,
Ирон лæгæн æдзух йæ хъуырыл уыд,
Фæлæ, уæддæр, нæ сыскъудис нæ уидаг,
Æндон къæдзæхтыл ног талайæ 'ссыд.

Фыдæй фыртмæ нæ кад хæзнайау хастам,
Нæ иудзинады стыр тых æмæ фарн.
Нæ баззадис ирон зæрдæ ныфссастæй,
Не фесæфтис ирон лæджы æфсарм.

Кæддæр ирæтты адих кодта арæн,
Уæддæр мах иу туг, иу ыстæг ыстæм.
Сыгъдæг удæй нæ дзуæртты нæмттæ арæм,
Зын уавæры фæрсæй фæрстæм лæууæм...

Дыууæ мæсыджы иу айнаджы дурай,
Дыууæ базыры - иу хъысмæтыл баст.
Дыууæ Иры-Дыууæ 'фсымæры хурæй
Мыггагмæ уæд нæ фæрныг зæхх æфсæст.

Балсæджы цалх тызмæг æмæ фæлварæн,
Уæддæр тымыгъ нæ асаддзæн нæ ныфс.
Най фесафæн нæ ном æмæ нæ кадæн,
Нæй атонын нæ къонайы рæхыс!

ВАЛЕРИЙ ЦАРИЕВ

О РОДИНЕ, О ЖИЗНИ, О ЛЮБВИ

Так сложилась судьба, что наше знакомство с современной осетинской поэзией началось со стихов Валерия Цариева. Наша небольшая лаборатория поэтического перевода «Мосты над облаками» в Челябинском государственном институте культуры только-только начинала тогда открывать для себя тайны переводческой работы и при поддержке руководителя национально-культурной автономии осетин Челябинска «Уацамонга» Михаила

Мамиева установила дружеские поэтические связи с удивительным горным краем – Осетией. Впервые мы увидели в поэтических образах красоту осетинских гор и ущелий, познакомились с обычаями народа через удивительную поэзию Цариева и почувствовали в ней глубокое родство наших народов. Может быть, эта поэзия оказалась так близка нам потому, что стихи традиционны в лучшем смысле слова – они говорят о главном в жизни человека, они глубоко философичны даже в сюжетах вполне бытовых, они пронизаны любовью к людям, природе, Родине.

Наше погружение в мир образов Валерия Цариева начиналось с сонета «Валун». Чтобы правильно перевести сюжет в сложной сонетной форме, мы тщательно разобрали значение каждого слова, каждого образа в подстрочном переводе – и на какое-то время замерли, не понимая, как можно такой огромный мерцающий философский смысл уместить в 14 строчек... Это картина природы, горный пейзаж? – да, безусловно. Это судьба властителя, сброшенного с вершины мира к его подножию? – да, конечно... Это об истинной власти, единственно полноправной этом мире – о любви? – да о ней! Итогом обсуждений, восторгов, споров стал целый букет сонетов, где каждый переводчик по-своему попытался выразить невыразимую насыщенность поэтического мира Валерия Цариева. А потом был телемост, где мы услышали его стихи на осетинском и почувствовали, как красив этот древний язык, сколько в нём музыки и чувства; были поэтические встречи и во Владикавказе. Познакомившись ближе, мы узнали о многогранности таланта поэта – ведь он ещё и актёр, и режиссёр, и педагог... И, наверное, неудивительно, что каждое новое стихотворение открывало нам новую черту осетинской культуры, осетинского характера.

Можно сказать, наша переводческая работа стала своеобразным коллективным путешествием в Осетию – ведь только поэзия способна создать объёмный образ края и раскрыть его душу.

Темы стихов Валерия Цариева разнообразны, но в каждом стихотворении отражена Родина. Вот орлы в тревоге за своего птенца, они учат его летать. Тихой ночью ожила память об отце – и вот как будто прямо сейчас он копает огород, но это мираж, и сердце занимается болью...

Вот печальная мельница, молотившая муку ещё когда лирический герой был ребёнком – и воспоминание о ней насыщает душу хлебом детства. Вот бурный и опасный горный ливень, после которого солнце кажется ещё ярче... И в каждом сюжете глубокая поэтическая философия, которая не придумана автором – а словно подслушана им в могучей и мудрой природе.

Пусть эта книга на двух языках станет надёжным, верным мостом между русской и осетинской поэзией, пусть у неё будет счастливая судьба и много читателей, особенно молодых. Весь коллектив лаборатории «Мосты над облаками» поздравляет поэта с юбилеем, желает ему здоровья, вдохновения и счастья многогранного творчества!

Нина Ягодинцева,
*поэт, переводчик, профессор Челябинского
государственного института культуры,
руководитель лаборатории поэтического
перевода ЧГИК «Мосты над облаками».*

ХУРЗÆРИН

Æнусон Хурты-Хурзæрин! Зынг цæстæй
Бæрзонд уæларвæй а зæхмæ кæсыс.
Дæ рухс рæдауæй айтындзыс хæх бæсты,
Рæдауæй йæ нæ зæрдæтæн хæссыс.
Æгæрон рухс – æгæрон уарзты хорзæх.
Нæ фарн æмæ нæ амонды мæсыг.
О, Хурты-хур! Фыдбонæй бахиз а зæхх,
Дæ бар дунейы ма кæлæд цæссыг!
Дæ бар дуне – бæллиццаг царды авдæн,
Ызгъоры рæстæг, дугъон бæхау, тагъд.
Ысты бæлцæттæ а дунейы адæм,
Æмæ дæ рухс нæ зæрдæтæн зынаргъ.
Æнусон Хур! Нæ ирд æхсидгæ стъалы!
Нæ зæххон цард дæ рухс тынтимæ баст.
У а дуне дæ цæхæрæн йæ бары,
Дæ цæхæрæй нæ удты судзæд уарзт.

СОЛНЦЕ

О вечное сверкающее Солнце!
Твой глаз – огонь, и ты глядишь с небес.
Едва твой взор долин и гор коснётся –
Возрадуется множество сердец!

Твой неизбывный свет – любовь и милость,
Людского благоденствия оплот!
О Солнце солнц! От горя защиты нас,
Пусть горьких слёз никто из нас не льёт.

Склонясь над миром, как над колыбелью,
Глядишь на жизнь, как на своё дитя...
Мы все – в пути. Надеемся, робеем,
А годы скакунами пролетят.

Мгновенны мы, но ты – звезда навеки,
Ты светом призываешь нас из мглы.
Свети, сияй – чтоб в каждом человеке
Огонь любви лучи твои зажгли.

Перевод с осетинского языка Нины Ягодинцевой

МÆСЫГ

Хуымæтæг нæ, зынаргъ дуртæй у амад.
Æнусты дæргъы фидар у, фæрныг.
Зæдбадæн зæхх йæ бындур у, йæ бынат,
Йæ бæрзонд кадыл никуы абадт рыг.

Йæ къæйтыл фыст нæ адæмы истори
Йæ ивгъуыд у зындзинæдтæй фæлтæрд.
Мыггагмæ зилæд ацы зæххы къори!
Мыггагмæ Ир ирон æдæмæн уæд!

Цæмæй нæ тых, нæ хъарутæ, нæ намыс
Кæной йæ фæрцы бонæй-бон фылдæр.
О, Стыр Хуыцау, Ды хорздзинæдтæ уарыс,
Фæхай сæ уæд Ирыстоны фæлтæр.

Ныфсæн сын уæд нæ рухс Мæсыг-Ирыстон,
Куыд уыд æдзух нæ фыдæлтæн ныфсæн.
Уæд арфæйаг, уæд амонджын нæ сомбон.
Нæ сæрмæ калæд хурзæрин тæмæн.

БАШНЯ

Не из простых – из золотых камней –
Стоит в веках и в силе и величье.
Земля святая – вот подножье ей,
Позор же не коснулся и обличья.

А на камнях начертан весь наш путь,
Закалена в страданиях былого.
Земля свой круг вовек свершает пусть,
А мы судьбу Отечества родного.

Чтоб наша сила, мужество и честь
Живя на ней, мы множили годами.
О, Вышний Бог, ведь благ Твоих не счесть,
Так недели Ты молодых дарами.

Пусть смелости дает им Башня-Ир,
Подобно нашим праотцам, веками.
И в будущем пусть благодать и мир
Нас озарит, как солнце над горами.

Перевод с осетинского языка Нелли Гогичаевой

УАСТЫРДЖИЙЫ НЫХАС

Æз дæн Хуыцауы минæвар зæххонтæм.
 Æз дæн æнувыд ахъазгæнæг царды.
 Æз дæн уæларвон аудæг бæлццонтæн,
 Æнусты дæр мæ нæргæ ном нымады.

Фыдæй фыртмæ уæ фарсмæ дæн æдзухдæр,
 Зын уавæры уæ бахизын фыдбонæй.
 Уæ цины куывд мæ хорзæхæй у рухсдæр,
 Сыгъдæг зæрдæйæ ард хæрут мæ номæй.

Зæххон цард у тызмæг æмæ фæлварæн.
 Æз уын бæрнон ныфсдæттæг дæн уæларвæй.
 Уæ фæллæйттæ уæнт фарнхæссæг уæ кадæн.
 Хуыцау уын раттæд æмонд æмæ арфæ!

ПОСЛАНИЕ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Земным и смертным я – посланник Божий:
 На помощь я спешу трудам нелёгким,
 Храню идущих – в путь иль бездорожье,
 А имя громом катится далёким!

Храню мужчин – я всюду рядом с вами,
 Беду от рода отвожу незримо,
 Пиры благословляю – над словами
 Вы клятвою моё несёте имя!

Земная жизнь дана как испытанье –
 Я Богом призван вам дарить надежду.
 И пусть достаток принесут старанья
 И счастье людям честным и прилежным!

Перевод с осетинского языка Нины Ягодинцевой

ДЗЫЦЦА

Мæ рухс фынтæ – мæ ивгъуыд бонты айдæн,
Мæ зæрдæйæн æнцойдзинад хæссынц.
Цыма вæййынц ныфсдæттæгау мæ цардæн,
Цыма мæ цард мын аивдæр кæнынц.

Сывæллон нал дæн, атахтысты азтæ.
Фæлæ ныр дæр мæ рухс фынты уынын:
Бæгъæввадæй мæ дзыццайæн йæ фæстæ
Сæуон æртæхтыл цингæнгæ тæхын.

Сæумæйы хур йæ фæлмæн тынтæй хъазы,
Цъæх кæрдæджы æрыскъæфтæ æмбæхст.
Мæ дзыцца сæ æмбырд кæны, йæ разы
Лæууын æз дæр, сырх гагатæй æфсæст.

Пæр-пæр кæнынц гæлæбутæ нæ алварс,
Цъыбар-цъыбурæй байдзаг ис цъæх фæз.
Рæвдауы мæ мæ дзыццайæн йæ бакаст,
Рæвдауын æй мæ хъæлдæг худтæй æз...

Дзыцца, дзыцца! Мæ ирд фынты сыгъдæг зæд!
Тæхуды, раздах уыцы бонты рухс!
Кæм уыдтæн æз чысыл æмæ æнæмæт,
Кæм уыдтæн æз дæ уды тавсæй буц...

МАМА

Как сны мои светлы! Они о прошлом –
И сердцу, и уму – окно в покой.
Они дают надежду осторожно
И украшают жизнь мою собой.

Я не дитя – года летят как ветер,
Но до сих пор я радуюсь во сне,

Увидев маму – взор её приветлив,
Бегу я по росе, счастливый, к ней!

Играет солнце мягкими лучами,
Алеют земляники огоньки –
Я снова счастлив: жизнь моя – в начале,
Ем ягоды из маминой руки...

Взволнованные бабочки летают,
И щебетом наполнен небосвод...
И мамин нежный взгляд меня ласкает,
И мне смешно, и в землянике рот...

О, мама! Чистый ангел снов пресветлых,
Прошу, меня покинуть не спеши!
Хотя б во снах – тебя я снова встретил,
Согрелся я теплом твоей души...

Перевод с осетинского языка Нины Ягодинцевой

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

Миясат МУСЛИМОВА

Миясат Шейховна Муслимова (псевдоним – Мариян Шейхова) родилась в селении Убра Лакского района. В 1982-м окончила филологический факультет, в 1999-м – юридический факультет ДГУ. Окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В. Ленина, кандидат педагогических наук. Заслуженный учитель Республики Дагестан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Работала преподавателем Дагестанского государственного института, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы. Возглавляла Информационно-аналитическое управление Президента Республики Дагестана, занимала должности зам. министра образования РД, зам. министра печати и информации РД. Действительный государственный советник Республики Дагестан I класса. С 2018 по 2021 год – проректор по научно – методической работе Дагестанского института развития образования.

В настоящее время – старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им.А.Тахо-Годи. Автор около двухсот научных работ.

Поэт, переводчик, публицист, ученый, литературный критик, культуртрегер. Член Союза журналистов РФ, лауреат Всероссийского конкурса имени А. Сахарова «За журналистику как поступок». С 2004 года по 2014 годы – член жюри этого конкурса. Лауреат премии Союза журналистов РД «Золотой орёл» в номинации «Защита прав человека». Обладатель высшей журналисткой награды «Золотое перо России» за книги «Диалоги с Данте», «Испытание свободой» и вклад в развитие национальной литературы.

Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, Президент Клуба писателей Кавказа, автор 17 книг: «Испытание свободой», «Литературная критика», «Диалоги с Данте», «Ангелы во крови», «Ангел на кончике кисти», «Пиросмани», «Наедине с морем», «Камни моей родины», «За словом, за

дыханьем, за любовью», «Мамины сны», «Кавказский мир», «Гончарное солнце» и др. Составитель «Антологии русскоязычной поэзии Дагестана». Переводчик книг с аварского языка (Адалло, «Наследие огня», А. Сулейманов «Заветное слово»), лакского языка (Руслан Башаев «Каменные звезды родины моей», «Парту – Патима» в серии «Величие души») и др.

Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы Лауреат литературной премии имени Расула Гамзатова. Победитель международного литературного конкурса «Золотая строфа-2010». Дипломант международного литературного конкурса имени Я. Корчака (Иерусалим). Лауреат литературных премий им. М. Волошина в номинации журнала «День и ночь», всероссийской премии «Поэт года-2013», победитель конкурса «Эмигрантская лира» (Бельгия), лонг- и шорт листы многих всероссийских конкурсов. и др. Обладатель титула от мэрии Тбилиси «Посланник грузинской культуры». Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крещатик», «За-за», «Южное сияние», «Гостиный двор», «Дарьял», «Вайнах» и др. Стихи Муслимовой М. переведены на лакский, осетинский, балкарский, азербайджанский, белорусский, итальянский, греческий языки. По произведениям М.Муслимовой осуществлена постановка для симфонического оркестра и хора «Ангелы во крови» в Дагестанском театре оперы и балета (музыка Ширвани Чалаева), создана кантата «Пиросмани» для симфонического оркестра и хора, композитор Ширвани Чалаев, а также написана музыка на ряд стихов, издан диск с песнями на стихи барда О.Никитиной и др).

Муслимова Миясат – основатель двух международных литературных конкурсов: конкурса поэзии имени Салиха Гуртуева «Есть родина, а значит, счастье есть», конкурса переводчиков имени Эфенди Капиева «Резьба по камню».

«СКАЖИ – В РОМАНЬЕ МИР ИЛИ ВОЙНА?»

«Скажи – в Романье мир или война?» -
Спросили тени тех, кто взорван смертью.

- Зачем мне боль и праведность дана,
Когда растут раздорами мечети?
Путь скорбного молчанья бесконечен,
Мой дом враждой и страхом изувечен,
В нем веру и любовь скрепляют плетью.

Скажи: в Романье мир или война
И правит кто над мирными стадами?
– Двум близнецам принадлежит страна,
Иль одному, двуглавному, с речами
На вырост, на хранение в граните,
Их звездный час пока еще в зените,
И мальчишки не будят их ночами.

Скажи, в Романье мир или война?-
Спросили тени тех, кто смерть посеял.
- Она в любом обличье вам верна
И служит царедворцам, фарисеям.
Ни мира, ни войны, волкам в угоду – люди,
В угоду лисам – нравы, бесам - судьи.
Ни покаянья, ни вины – душа горит, не грея...

Скажи, в Романье мир или война?..

НО КТО ТЫ САМ, КОТОРЫЙ ВОПРОШАЕШЬ?

Но кто ты сам, который вопрошаешь?
Чем тяжесть слов дороже немоты?
– Когда на след кровавый наступаешь,
Возможно ль пить бесстрастие воды,
Ее незамутненностью пленяясь?
Когда гора клубится, накреняясь,
К чему ей знать, как тешат взгляд сады?

Но кто ты сам, который вопрошаешь,
И что слова пред скорбью древних гор?

– Когда закат в ущельях дня встречаешь,
Возможно ль оглашать им приговор?
Когда в руках несешь на свет младенца
Из тьмы войны, кто обвиняет сердце
В хищении святынь от хищных свор?

Но кто ты сам, который вопрошаешь?
Тревожит слух твой голос, множит боль
В смятенье лада и разладе клавиш.
– Что правых слов растроченная соль,
Когда не просят хлеб, не пьют воды
Все те, кто сыт от крови и вражды?
Утробу духом не неволь.

И кто ты сам, который вопрошаешь?..

Сулиета КУСОВА – публицист, культуролог, педагог, директор центра этноконфессиональных исследований в СМИ при Союзе журналистов России. Длительное время была бессменным президентом Северо-Кавказского открытого фестиваля документального кино и авторских программ «Кунаки».

И ЭТО ВСЕ О НЕЙ...

О, МОЯ УСТАЛАЯ ДУША

Еще никогда я не была так беспомощна перед белым листом бумаги. Мне предстоит ввести читателя в мир поэзии Мариян Шейховой, но всякая попытка рецензента быть вровень с самим автором в этом случае обречена на провал. Ее поэзия – распаханное болью поле. Здесь безысходность и надежда, обличение и сострадание, восторг и нежность. Сила строк поэта равна величию Кавказа, и это не ложный пафос, а констатация. «Понять горы можно только став вровень с ними» – написала Мариян. Имеет ли право на такую высокую планку женщина? Поэт Мариян Шейхова осилила большее:

она поднялась над вершинами своей родины и там в чистом, разряженном пространстве ее голос обрел такой диапазон звучания, что не услышать его невозможно. Сам поэтический текст мощнее всяких слов о нем. Мне остается только укрыться за строчками ее стихов и собрать воедино все реакции на них в интернете, потому что там у Мариян Шейховой давно уже есть своя аудитория. Ей пишут самые разные люди из множества стран и городов, ожидая новых строк поэта, и с благодарным восхищением постигают другой Кавказ. В этом свободном от указующего перста интернет – пространстве Мариян для них как проводник в мир Кавказа, в его бунтующую энергию, в его правду и растерянность, в его живую плоть. Там она создала кавказский дом для всех, готов понять его хозяев. Через Дагестан мостит Мариян путь ко всему Кавказу. В этом доме оживают камни родины, веющие горы, «пчелиные соты в засохшем меду на ветру рассыпаются пылью», «сакли лепные дремлют в ладонях вершин», «скалы клубятся былью», «травами лечит ветер морщины глубоких лощин». В этом доме «аулов лакских имена стучатся памятью былинной, в них жажда выси и огня и мука доблести старинной». «Все это жаждет воплотиться, все силится вспомнить, вопия к небу: жизнь без памяти – пыль», – напишет Мариян Владимир Мялин из Москвы. «Горы, горы... Они юдоль и ГОРдости высокой, и немало ГОРя, но как же держат Ваши стихи», – ответится из Израиля Яков Рабинер.

В этом кавказском доме голос крови, голос родины преодолевает любые границы, ибо гармония духа и слова есть высшая форма общения. Ну кто же может не принять эти строки:

На каменных трезубцах Турчидага струится сок гранатовых рассветов,

Упругий день взбирается по кручам, чтобы спустить с вершины облака.

У каждого есть какие-то особые признаки своей малой родины, ее символы, впитанные с детства. Их много у Мариян, и среди них – камни ее родины, «разбросанные там, где нет запретов». Они – память о прошлом, хранители разрушенного очага и мудрости гор, они ее молчаливые собеседники.

Ваше молчание напоминает мне надгробные плиты
на старинных кладбищах лакцев,
оставивших мне в наследство
искусство резьбы на клинописи ветра,
искусство насечки на серебре стали
и тайну слезы, запертой в темнице глазниц.

Кладки речного камня родины рождают поэзию, сохраняющую красоту исчезающих миров. Эти миры исчезают так незаметно, что мы не успеваем даже зафиксировать их тихий уход. Как и у Маркеса, у каждого есть свое Макондо – малая родина, об угасании которой с такой грустью он поведал миру. Для Мариан Шейховой это родное село Убра, волшебная крыша дома, где «мама в кувшине день с молоком взбивала. Желтое масло в лощины густо стекало».

Старый Сурхай за оградой землю костями греет,
Кладкой речного камня сакля глядится в Койсу.
Это твое Макондо в чреве у времени зреет,
Чтобы кормить тобою памяти пыль и тоску.

«Я когда читаю о мире малом твоём, просто вижу его. Просто понимаю душой, что он есть, и мне от этого тепло. Ты закрываешь своими ладонями дух предков от скверны, как пламя свечи от ветра. «И рукопись Муххамеда Убри, и кладбище, заброшенное в небо громадой гор, хранящих свет зари»,- так откликнется на эти стихи Анна Черно из Ростова. Маленькая Лакия расширилась до вселенских масштабов – так щедро поделилась ею Мариан в своих пейзажно-психологических зарисовках. Малая родина возвысилась крепостью своей традиции над иллюзорным миром сегодняшнего бытия, где люди утратили свои обязательства друг перед другом. «На этом высохло перо» – еще совсем недавно этой былинной фразой скрепляли общественный договор. И в ней было больше ответственности, чем в подписях нынешних политиков.

«На этом высохло перо». – Старинный акт закроем тяжбу.
Арабской вязью крепит предок времен тончайшие пласты.

Неторопливость слов старейшин, седая стать кавказских кряжей

Смирили распри навсегда меж Шангода и меж Бухты.

Но дом кавказской традиции был разрушен. На его пепелище возник новый, который тоже снесло ветром истории. Дом, который мы строим сегодня, «враждой и страхом изувечен – в нем веру и любовь скрепляют плетью», «растут раздорами мечети», «ни мира, ни войны: волкам в угоду люди. В угоду лисам – нравы, бесам – судьи. Ни покаянья, ни вины – душа горит, не грея...»

В свой дом зову великих и прошу
Ответа, чтоб родина моя не стала адом –
Я ею, как святыней, дорожу –
Как сохранить дух доблести Кавказа,
И честь его седин, и воинство наказов?
Я боль его сынов в груди ношу.

* * *

Об этой кавказской драме – цикл «Диалоги с Данте», самый сильный из всего, что написано поэтом. Мариян Шейхова здесь в роли Виргилия. Она – проводник в бездну, где упокоено прошлое Кавказа и уготовано место его новейшей истории, в которой уже трудно различить, «где доблесть, где вина», и «кто народ над пропастью поставил».

Будь проклята сыновняя орда,
Что мать свою сдала на поруганье.

...

Ваш дом во тьме. Объявлена война
Селеньям, памяти, истории родной.
Кто матерью рожден, не будет безучастен
К судьбе земли своей – но каждый к злу причастен.
Кавказский дом разрушит не чужой.

Стихи этого цикла звучат, как фуги Баха. (Не Моцарт, автор «Реквиема», не элегический Шопен, не жизнерадостный Штраус,

не мрачный Вагнер, хотя все они вместе соединились в поэзии Мариян Шейховой). А именно органной Бах созвучен ей по тональности и полифонии, потому что соло Мариян – многозвучно. Да и нет в нашей кавказской традиционной культуре адекватного ее голосу инструмента. Разве что печальный и задумчивый дудук, но геополитика расписывает для Кавказа такую партитуру, что нашим зурне и барабану не осилить. Не готова наша традиция к таким вызовам. В нюансировке этой партитуры предстоит разбираться следующим поколениям. Мы здесь бессильны, потому что близость событий ослепляет, рождая сиюминутные оценки. Но долг наш – подготовить почву для осмысления, сформулировав самые важные вопросы дня сегодняшнего. О, сколько их в поэзии Мариян Шейховой – жестких, прямых, безжалостных и разоблачающих уже самой постановкой вопроса: «И сколько еще будет пролито крови, И сколько на брата поднимется рук?».

Кавказ сегодня – земля войны! За что сражаемся? Против кого? Раньше было ясно: за свободу, за отчий дом. А сегодня? Кто вздыбил эту землю? Кто осмелился «тронуть рукою ее впающую грудь и зияние вырванных дней? Кто втоптал ее косы в песок и кровавой строкою Пишет черную книгу безумья и смерти ее сыновей?»

«Наверное, в наше время это и есть мужество – задать самые трудные, больные вопросы, не надеясь получить ответ. Достоинство эпоса и достойно земли Кавказа: «Кто вернет ей могущество духа, честь и славу отцов, о братстве завет и приказ? Глухо ропщет суровая быль и доносит до слуха Прометеево имя в горах и священное слово «Кавказ». И все же вы недаром помните об огне Прометея. Хорошо, что он возник в конце», – напишет Галит из Израиля.

«И снова Кавказ. И снова боль. Видно, это судьба и любовь на все времена от рождения до тризны. Господи! Спаси и благослови этот край!» Мила Светлова.

«Кровь и честь, вера и мужество. И над ними – память, память, память. Тот Кавказ, который никогда не уйдет». Катерина Канаки, Греция.

«А я верю, что могущество духа Кавказа вернется. И голос настоящей Вашей поэзии поет ему славу. Такие, как Вы, возвраща-

ют ему честь. Столько в его истории величия, и величия в природе его, красоты в известных миру сынах и дочерях, что с любовью желаешь выздоровления». Ирина Безрукова, Приморье.

«В моих глазах у Кавказа – твоё лицо. Я верю вместе с тобой – если у Кавказа есть такие дочери, то будут у Кавказа и здоровые дети. Ты не молчишь, ты противостояешь уничтожению доброго имени Кавказа...Ты упорно даешь импульсы к новому мышлению, к переосмыслению и осознанию. Ты взываешь голосом земли прародителей ко всем, кто способен слышать. Я желала бы, чтобы твой голос услышали и те, кто не желает». Лолитта Новак, Германия.

Сколько их, этих посланий солидарности, сочувствия и восхищения на сайте Мариян Шейховой! Они – свидетельство того, что может один человек, если свою родину, свою боль и тревогу вписывает во вселенский масштаб, избегая обособленности, «эксклюзивности» национальных проблем. И тогда чья-то локальная боль становится всеобщей. «Горечь, боль, скорбь, тревога – симфония звучащей Поэзии. Я нахожу в ней звуки души своей», – откликнется Рута Марьяш из Латвии, а на стихи Мариян «Здесь в ад никто не сходит, – в нем живут» Галина Докса из Петербурга напишет: «Грозные, бунтующие строки. При чтении их сжимаются кулаки»

Эти отклики – ответ на наши долгие попытки создания привлекательного имиджа Кавказа: пока идут кондовые мысли, мертвые проекты. А ведь ничего не может быть плодотворнее в этом смысле, чем общее культурное пространство. Политики лишь конструируют эпоху, люди культуры фиксируют ее, связывая события в пространстве и времени. Через их творчество прошлое подпитывает настоящее, и вместе они указывают ориентир будущему. «Распалась связь времен, и в этот мир заброшен я, чтоб все восстановить», – так Шекспир устами Гамлета определил роль личности в истории культуры.

Молчание кавказской культуры затянулось. Слово и образ больше не формируют реальность, инициативу создания смыслов и ценностей перехватило оружие. Слепые ведут слепых. Опасно пускаться в путь по горной дороге, не зная, куда она приведет. В конце ее может ждать пропасть. Проторенные предками

тропы заросли, новые не проложены. Определение маршрута невозможно без Духа поиска. На его пробуждение почти не осталось времени. Уже «нет родины для тех, кто в ней рожден, И тот, кто полон сил, ума, стремлений, Искать чужбины будет обречен», «нет юношам дорог и множество сетей грозит цветенью новых поколений Отчизна».

О, где укроют матери детей,
Когда их здесь уведут на закланье,
А там готовят к тяжким испытаньям,
За то что речь чужда и цвет волос темней?

Прости, Кавказ, за то, что скорбью ада
Наполнился твой дом. Но есть одна отрада:
Дух поиска твоим огнем рожден.

Это даже не поэзия в обычном ее понимании. И слово «лирика» здесь менее всего уместно – оно звучит каким-то бестелесным определением жанра, избранного Мариян Шейховой. Ее «Диалоги с Данте» – скорее философские трактаты и политические памфлеты. «У Ваших стихов совершенно особенное звучание – мощное, насыщенное силой. Впечатление силы Микеланджело – такие монументальность и драматизм образов, трагические ноты Голоса! Вы лепите в читателе новое пространство», – так определит своеобразие цикла в интернет-обсуждении Ирина Безрукова.

«Здесь перемен нет даже и помина. Мельчает дух? – И это не впервой. Все так же к власти страсть неистребима, И так же платят подданным с лихвой Решения бессмертных феодалов: Распродано жнивье и урожай склевало Воронье. – И только воздух мой».

Цикл «Диалоги с Данте» – самый дерзкий замысел Мариян Шейховой, ибо велик риск потеряться рядом с тем, кого провел Вергилий по всем кругам ада. Но кто же еще мог стать ее собеседником в монологах о Кавказе, где «в ад никто не сходит – в нем живут? Здесь пыткой похищенья и тюрьмой Твердыни гор и реки отравили, Выпрашивают матери с мольбой своих детей и обмы-

вая раны обманутых сынов тоской Корана, как боль земли стоят передо мной». Анализировать этот цикл почти невозможно – перехватывает дыхание. Имеющий разум и сердце переживает тот же катарсис, что и сам автор. Самое неподвластное объяснению – то, как рождался этот цикл: стремительно, почти день за днем, выстраивались диалоги. Скорость таких мощных эпических выбросов за пределами рационального понимания. Как будто сам Данте водил рукой поэта: тридцать три драматических сюжета, тридцать три диалога, завершившихся последним «Когда Вергилий мне являл воочью», в котором голос был: «Открой печаль своей земли и дух непобежденный»; «открой скорбь горестной земли, ее заветы»; «и плач младенца слыша за спиной, в стихах отозвалась земле родной». И услышали в Израиле, Казахстане, Австралии, Германии, Греции, Чехии, в российских городах. Только Дагестан пока не слышит голос своего Поэта. Воистину нет пророка в своем отечестве. Подлинная боль становится общей. Любовь к своей земле всегда в цене, поэзия вненациональна. Поэтому цикл ошеломил ее постоянных интернет- читателей. «Ваша поэзия – это явление культуры... Это страница истории культуры и Кавказа, и всечеловеческой». «Какая величественная, провидческая поэзия. Такой Кавказ прекрасен – «органной мощью горы дню внимают, рождая песнь высокого искусства». «Корни мировой поэзии шумят кроной твоих стихов над родным тебе Кавказом», «Чем твой цикл действительно замечателен – что он не только к Кавказу обращен. И такие ты скорбные вещи говоришь, находя для них не слова-вздохи, а экспрессивные слова – цвета.

Да и только ли о Кавказе стихи Мариян? Время раскололо мир не только по нациям и религиям. В 21 веке плоть победила Дух, цивилизация поглотила культуру, а именно Дух культуры скрепляет человеческую общность. Сумеет ли подняться над своей духовной немощью и разобщенностью? Кто из имеющих разум и сердце не обеспокоен сегодня этим судьбоносным вопросом? В чем найти опору? Как удержаться на плаву народу, если корни подрублены? В этом смысле Кавказ уникален. Истории удалось срубить на его стволе только ветки, сама корневая система мощно вросла в землю. Только поэтому кавказское древо жизни еще

зеленеет: оно питается соками традиции, так мощно законсервированной в нашей генетике.

* * *

Эта живучесть Кавказа, его открытость, настроенность на диалог, как бы это парадоксально сегодня ни звучало, всегда притягивали людей долга и служения. К сожалению, чаще всего они приходили сюда дорогами войны. По дорогам кавказских войн последних десятилетий прошла Эльвира Горюхина, педагог, журналист, автор книг «Путешествие учительницы на Кавказ» и «Не разделяй нас, Господи, не разделяй!»

Книги Эльвиры были изданы маленьким тиражом. Мариян решила, что человеческий подвиг удивительной русской женщины, ставящей выше всех регалий звание учительницы, и правда о войне должны стать известны как можно большему количеству людей. Так родился цикл «Путешествие русской учительницы на Кавказ» как компактное переложение отдельных рассказов Эльвиры формой белого стиха.

«Это моя боль и мой стыд – говоришь ты, – и на седьмом десятке лет идешь странницей по военным дорогам Чечни, Ингушетии, Грузии, Абхазии, Осетии. Идешь к неизвестным и чужим тебе людям, чтобы протянуть руку и сказать: «Здравствуйте. Я с вами». Маленькая русская женщина, учительница русской литературы, ты для меня – символ великой России, ее огромного сердца, ее бескорыстия, ее сострадания, ее терпения, любви и веры. Там, где ослепшая мощь государства пропускает через жернова человеческие судьбы, ты стала прибежищем Бога, скрывающегося от тех, кто его именем на исходе 20 века резал горло своему брату».

Обе книги Эльвиры Горюхиной звучат как покаяние русской женщины за содеянное государством именем ее народа. Русский солдат Саша, принявший ислам в Чечне, «заговорил о грехах народа, к которому принадлежал. – Вы были когда-нибудь в Самашках?» – спросил меня Саша. – Вам не было стыдно, что вы русская? – Хотя надо отделять действия народа от государства, я сказала: «Да».

А разве нет вины самих кавказских народов за варварство, допущенное на их земле? Конечно, Эльвира понимала это, но нравственная щепетильность не позволила сказать то, что должен был

произнести кто-то из самих кавказцев. Лишь однажды она деликатно написала об этом: «Ощущает ли чеченец свою вину в том, что происходит на протяжении веков с его народом? Спросить об этом невозможно, когда видишь разоренный дом, убитые горем лица. Но блуждая десятилетиями по горячим точкам, я заметила: уровень самосознания отдельной личности много значит для судьбы нации». Среди ее героев были те, кто понимал, что случившееся есть самоуничтожение. «Покаянные слова на дорогах войны дорого стоят», – пишет она, приводя стихи неизвестного чеченского поэта: «Как состарившийся волк, облезла ты, Чечня. Как заброшенный участок земли, заросла ты. Взрывами и орудиями разрушена ты, Чечня. Обманом и клятвопреступлением поражена ты. Когда на земле делили честь – тебе досталась война, Когда делили море учености – тебе досталась шашка. Напугав собой весь мир, ты всем стала кровником. Пока молилась на волков, сама одичала...» Это лишь малая часть подстрочника.

Один из интернет-откликов заставил Мариян изменить первоначальный замысел. Русская женщина из Москвы написала: «Простите, я не понимаю ничего в Кавказе и в войне, но вот не сходится у меня картина. Уж если понимать, то давайте всех. Потому что того разделения на людей, надевших форму, и на мирных жителей в партизанской/народной/бандитской войне, нет. А коли так, то и мирных жителей тоже нет... Все правы и все хороши, и только страшные офицеры российские хуже людоедов, и вот, простите, не верю, упорно кажется оно мне полуправдой, страшной, несмягченной, но неполной и искаженной. Я буду ждать». И тогда рассказы Эльвиры Горюхиной Мариян завершила прямым обращением к ней: «Эльвира... Вершины Кавказа ослепляют меня, чтобы я не видела раны, нанесенные ему сыновьями, алчными, жестокими убийцами, захмелевшими от человеческой крови и распутной свободы. Это моя боль и мой стыд.

Эльвира.... Слушая шум горных рек, я не могу объяснить им, как матери Чечни спокойно проходили мимо зинданов, выстроенных их сыновьями. И я не могу объяснить, молоком каких матерей вскормлены те юноши в Дагестане, которые каждый день расстреливают своих братьев. Я не могу смотреть в глаза матерей, чьи сыновья одели их в черное. Это моя боль и мой стыд...

Когда на экранах государственных каналов день и ночь обожествляют телесность и разрушают национальный дух, не удивительно, что зло рождает зло в стране, забывшей, что у нее есть великая культура, в стране, честь которой пока еще спасают учителя русской литературы. Эльвира, кто это остановит? Чья это боль и чей стыд?»

И Надежда из Москвы снова откликнулась: «Мариян, теперь этот цикл и правда закончен. Потрясающей силы слова, к ним не надо ничего добавлять, а только молчать, чтобы их эхо слышать до боли в сердце».

* * *

Как рождается первая строка? Откуда являются Вам сюжеты? – спросила я Мариян. – Я еще ничего не знаю, когда сажусь за белый лист бумаги, но чувствую, как будто кто-то ждет меня. Такое ощущение, что вокруг моей головы собрались слова. Они живые. Они словно ждут первую строчку, и когда я беру верный тон, я чувствую их облегчение. А дальше стих идет сам.

В «Диалогах с Данте» каждое стихотворение начинается со строки самого Данте: «Скажи, в Романье мир ли война?», или «Где сын мой? Почему он не с тобой?», или «Зачем они несчастны, мой учитель?» Дальше они потянули за собой все стихотворения цикла.

Пиросмани – это мой потерянный кавказский рай. Тридцать лет назад я купила книгу о нем, и с тех пор ни разу не взяла ее в руки. А сейчас начала читать и поняла, что время встречи с Пиросмани пришло. Мне уже было чем ему ответить. Этот одинокий, нищий человек создал свой красочный, радостный мир, которого сегодня так не хватает нам. Этот мир можно создать в себе самом. Он знал тоску и боль, но даже их раскрашивал в яркие цвета. Так появился цикл о Пиросмани. Я писала о том, как можно быть несчастным и счастливым одновременно: «Истекает бурдюк хлебосольем и форель в серебре нежно тает, Кукурузной лепешкой луна заглянула в чужое окно. Маляра не искали, батон? Солнце сходит в пустые ладони, Чтобы черное небо печали превратить в золотое руно».

А вот цикл «Камни моей родины» сложился неожиданно. Там много стихов, написанных в разное время. Некоторые из них я ни-

когда бы не решилась предложить читателю еще год назад. Это очень личные стихи. О моей старенькой маме, которую до сих пор мучают воспоминания о ее тяжелой жизни. «Сегодня, когда она опять будет склоняться над венами, в которых после инсульта каждую ночь тромбо АСС разжижает стынущую кровь, над руками с раздувшимися суставами, которыми она на восьмом десятке лет пишет арабский алфавит детским падающим почерком, я знаю – в это время за ее спиной со склоненными головами будут стоять ангелы, которых становится все больше и больше. И я буду прятать от них глаза, потому что, выучив алфавит в пять лет, я не знаю ни их имен, ни своего прошлого, ни своего языка». О своем отце, трагически погибшем тридцать лет назад, «который так и не понял, что ходить с кинжалом, носить черкеску и любить коней нельзя в двадцатом веке, что дух не должен быть таким жестким, поэтому дети не помнят его лица». Теперь я не стесняюсь писать об этом, потому что эпос времени это и есть маленькая человеческая судьба. Я хочу услышать, как звучит в горах выражение «любовь к родине». Вслед мне смотрят старинные плиты кладбища, где покоятся прах великого ученого Муххамеда Убри и тени моих предков. И тогда стихи об этом сложились в цикл «Камни моей родины»

«Я хочу быть маленьким камешком в ладонях твоих желаний, о моя усталая родина!» – так скромно определила свою роль в поэзии Мариян Шейхова. А стала ровень с ней. А потом, словно усомнившись в своей надобности родине, она горько произнесла: «Продано, продано, продано. Преданных просят уйти. Родина, родина, родина, Нет к тебе больше пути». Но перо само отделило родину от тех, кто ею правит: «Лекари, пастыри, лидеры... – сколько овец и братвы. Заказчики, скупщики, киллеры – «элита» несчастной страны». Словно обуздывая громкость своего голоса, она произнесла: «Звуки – мальчишество речи, горы не требуют слов». А голос снова прорвался и завершил стих: «Забвение речи – рабство, жизнь без памяти – пыль».

И в этом есть великое таинство поэзии, когда пишущая рука только начинает первую строчку. Дальше ею водит уже нечто, что объяснению не подлежит. Как сказал Александр Блок: «Поэт приходит, чтобы всему дать свое имя».

Лариса МАРЕМКУЛОВА – член Союза писателей РФ, переводчик, журналист, директор радио ВГТРК КБР Россия

КАМНИ РОДИНЫ И КОСМОС МИЯСАТ МУСЛИМОВОЙ

Увидела в списке номинантов на Госпремию Республики Дагестан в области литературы знакомый сборник Миясат Муслимовой «Камни моей родины» - и рука потянулась к перу (к клавиатуре, то есть), потому что не было и нет в поэзии Дагестана таких строк, после которых не просто восхищаешься красотами горной страны, но и влюбляешься бесповоротно в ее людей, ее горы, камни и солнце. Первое потрясение от стихов Миясат я испытала, когда открыла подаренную ею книгу наугад и прочла:

На крыше мама с кувшином
День с молоком взбивала,
Желтое масло в лощины
Густо стекало. «Это твое Макондо»).

Это было в 2015 году, в первую нашу встречу на форуме переводчиков в Звенигороде. После каждый раз я просила ее прочитать это стихотворение, и волшебство повторялось:

В спину толкает ветер, тминной обидой веет,
На подошвах крестьянских ног уносим останки земли,
Станут ладони мягче и души чуть-чуть слабее,
Чтобы не слышать, как в поле ищут зерно ковыли...

«Есть такая земля» – этими словами открывается книга – и сразу захватывает дух, то ли от удара строки, близкой по размаху с древнегреческим гекзаметром, то ли от любви и боли, клокочущей в каждом слове:

Есть такая земля – кто осмелится тронуть рукою ее впалую грудь и зияние вырванных дней?

Кто втоптал ее косы в песок и кровавой строкою пишет черную книгу безумья и смерти ее сыновей?

А вот и древние греки – неспроста же родилась эта аналогия с гекзаметром:

«Глухо ропщет суровая быль и доносит до слуха
Прометеево имя в горах и священное слово – «Кавказ».

Что ни слово, то боль вперемешку с любовью, не напускной и слащавой, а искренней и глубокой. Камни родины – они живые для поэта, они же и стали главными героями книги. Архетип камня – он общий для всех народов Кавказа. У нас, адыгов (черкесов), с языческих времен бытует самая крепкая клятва: «Уащхъуэ мыващхъуэ кланэ», что означает «Синим небом клянусь, серым камнем». Вот и у Муслимовой камни – безмолвные судьи и свидетели всего сущего:

Посохом были тропы
И колыбелью – горы.
Ты не услышишь ропот,
Камни укроют поле.

И совсем горькое:

Нет в горах больше камня – разменяли твердыни на щебень,
Мастерство не в цене, дни ломают вершинам хребты.
Замолкают слова, рассыпаются башни и спускается темень
На скалистые думы земли...

Иногда страшно за нее. Это Поэт и Женщина, которая идет напролом. Не боится ничего и никого. А все потому, что в ней сконцентрировалась вся боль прошлого и настоящего. Настоящее тревожит ее не меньше, чем тени прошлого. Она так и кается:

О, если б я умела так молчать,
Как отчая земля под эхом взрывов...

В какой-то момент слабая женщина бросает вызов мужчинам:

В горах не осталось мужчин,
Чье слово было бы лучше их молчания,
Потому что предательство стало их жизнью,
А те, чье молчание не могут искупить никакие слова,
Преданы земле,
Потому что лучших она прячет в своих глубинах.

Она – Поэт, назначивший себя ответственным за прошлое и настоящее своей Земли. А может, ее назначили Свыше? Мужчины рождаются, чтобы защищать, закрывать собой. Но женщины? Почему сегодня все чаще приходится слышать, что одна надежда на них, хоть и слабых, но непокорных и бесстрашных? Что с нами происходит? «Одна надежда...» Пусть прочтет его хоть раз каждый кавказец и сделает выводы. Хотя бы последнюю строку пусть прочтет: Одна надежда – На Айшат...

И тогда, возможно, посетит нас всех страх, не тот, что заставляет прятаться за спинами других, а держать ответ – за себя, за детей, за матерей.

Может, если бы смерч тайной силы смог обернуться вокруг земли,
Девочки с несозревшим сердцем не успели бы обернуться поясом смерти,

И мальчики с когда-то пухлыми щечками, прикасаясь к холоду оружия,

Никогда не забывали бы руку матери,
Ведущей их к дому...

И так в каждом стихотворении. Миясат заставляет страдать вместе с собой – и думать, думать...

Что ни слово, то боль вперемешку с любовью, не напускной и слащавой, а искренней и глубокой. Камни родины – они стали главными героями книги

Но живет надежда, пока есть на свете любовь, красота, мама. Мать – особая тема в поэзии Муслимовой. Это фольклорный персонаж, нескончаемый мотив, преисполненный любовью – и снова

болью. Заметим, что слово «любовь» крайне редко встречается в ее стихах: «Любовь в горах не знала многих слов». Да! Но прочитайте потрясающий цикл верлибров – своеобразных баллад о матери. Сколько же нежности, такта, терпения в этой женщине!

Чтобы говорить с мамой,
Долго пробую свой голос.
На бодрый она ответит молчанием
И усилием отдаления,
На беспокойный – закроет глаза,
На якобы равнодушный –
Отвернется к окну.

Всего не перескажешь. Строк газетных не хватит. А как хотелось бы процитировать стихи из цикла «Памяти Нико Пиросмани», моих любимых «Диалогов с Данте»! Вот кому адресуются все больные вопросы бытия, – тому, кто проведет нас по всем кругам земного ада и ответит на все вопросы:

Куда идти, учитель? – я сказал.
В краю камней нет камня для опоры...

И, стихотворение за стихотворением, задает мучительные вопросы. И с горечью сама же утверждает:

У них вопросов нет. Так будет ли ответ? Куда идти, учитель?

Почему я так часто цитирую стихи Миясат?

Во-первых, люблю. Ее книга зачитана мною едва ли не до дыр. Это в перерывах между тем, как ее рвали у меня из рук другие почитатели таланта дагестанского поэта в моей Кабардино-Балкарии. Это правда, без всякого лукавства. «Камни моей родины» – бестселлер и библиографическая редкость, попробуйте найти ее в книжных магазинах или даже в Интернете. А во-вторых, мне страшно подумать, что кто-то не читал этих стихов. И я, цитируя любимые строки, доношу до тех, кто еще не испытал радости общения с этой высокой поэзией: читайте «Камни моей родины», перечитывайте – и гордитесь, что есть на вашей земле потряса-

ющий поэт-лирик, поэт-философ, поэт-патриот! Я, не имеющая к Дагестану отношения по рождению, чувствую себя причастной – и испытываю приятную зависть к людям той земли, что рождает такие таланты. Мечтаю провести вечер поэзии лауреата Госпремии Дагестана Миясат Муслимовой у нас в Нальчике, в Литературном салоне над озером. Да сбудется!

Я хочу услышать,
Как звучит в горах выражение «любовь к родине ...

Я уже слышала. В стихах Миясат Муслимовой. Имеющий уши да услышит: ее голос – это голос Дагестана и вселенской любви, не умещающейся в груди. Как же она, оказывается, прекрасна и трагична, эта земля, которую я не видела, разве что однажды давным-давно, проездом на море...

Я хочу быть маленьким камешком
В ладонях твоих желаний,
О моя усталая родина!

Уверенно могу рекомендовать не только от своего имени, но и от имени многих литераторов и ценителей подлинного искусства сборник Миясат Муслимовой «Камни моей родины» на присвоении Государственной премии Республики Дагестан.

***P.S.** Миясат Муслимова удостоена Государственной премии Дагестана за книгу «Диалоги с Данте» в 2023 году.*

Мурад АХМЕДОВ

Ахмедов Мурад Магомедович – аварский публицист, поэт и переводчик. Родился в 1977 году в Харькове. Окончил исторический факультет и аспирантуру Дагестанского государственного университета. Работал в газетах «Молодежь Дагестана», «Дагпрессинфо», «Милицейские вести Дагестана», в журнале «Дагестан», в литературной редакции ГТРК «Дагестан». Был исполнительным директором издательского дома «Эпоха» и издательства «Даге-

станский писатель», директором музея им. Р. Гамзатова, ведущим программы «Итоги недели» и главным редактором информационного вещания телеканала «ННТ» (Махачкала). В настоящее время – главный редактор журналов «Соколенок» и «Литературный Дагестан». Произведения опубликованы в республиканских и центральных СМИ: «Дагестанская правда», «Молодежь Дагестана», «Новое дело», «Дагпресс-инфо», «Литературная газета», «Литературная Россия» и др. Член Союза журналистов РФ и СП России. Лауреат премии Союза журналистов РД «Золотой орел», литературной премии им. Р. Гамзатова. Награжден именными часами Председателя Госсовета РД и медалью РД «За доблестный труд». Живет в Махачкале.

ДО ПОДВИГА ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ШАГ

*Памяти Героя России
Нурмагомеда Гаджимагомедова*

До подвига остался только шаг,
Мгновенья жизни собраны в кулак:
Улыбка мамы, строгий взгляд отца,
В судьбе решил пойти ты до конца.

Не дашь себя позором запятнать,
Решил ты жизнь за Родину отдать,
Чтоб стать другим звездой и маяком
И Дагестану свет дарить потом.

Ты с детства презиравший слово «плен»,
Подумал: лучше жизнь отдам взамен,
Чем руки подниму перед врагом,
Что беспощаден в бешенстве своём.

А враг идёт навстречу, полный сил,
Уверенный, что он тебя сломил,

Но он не знает, сколько на меже
Есть силы духа в огненной душе.

Ты перешёл границу зла с добром,
И скоро твой взорвётся горем дом,
И дочь, которой лишь четыре дня,
Тебя увидит через дым огня...

Прожил ты в мире только двадцать пять,
Ты молод, и не время умирать...
Но выбор сделан – не пойдёшь к врагу
И грянул взрыв, ты выдернул чеку...

Ты в жизни дал нам мужества урок
И не найти таких на свете строк,
Чтоб силу описать твоей души,
Парящей высоко от зла и лжи.

Но пусть Всевышний дом твой сохранит,
Убережёт от бедствий и обид,
А ты для нас навек – как яркий свет,
Наш брат и наш герой Нурмагомед

* * *

Учитесь в жизни оставлять следы
Не обувью, а крыльями мечты
И быть всегда на стороне добра,
Огня жалеть не смея для костра.

Не долго так нам суждено в пути
Искать и находить, и вдаль идти,
Поэтому на времени часах
Мы – как деленье малое впотьмах...

Не разглядеть – минута или час
И лишь Всевышний знает всё о нас:

На что способны и зачем пришли,
Когда сойдём на станции вдали.

Не отдых человеком быть, а труд
И за него зарплату не дают...

* * *

От безумия мира не скряться нигде,
Мир – экран, что вещает всегда о беде,
С упоением смерть он транслирует вновь,
Убивая надежду, мечту и любовь.

Ну а люди, как пешки, а не игроки –
Их считают с доски, будто взмахом руки,
Чтобы заново партию с ними начать
И в обманные игры бесчестно играть.

Почему всё не так?! Как в кривых зеркалах
Этот мир отражается на виражах:
Хоть захочешь – не сыщешь в нем правды порой,
Чередует несчастье он с новой бедой.

Как укрыть этот мир? Покрывалом каким?
Этот век за окном – от пожарища дым.

* * *

Без любви ничего невозможно –
Всё напрасно, безвкусно, темно
И правдивое кажется ложным,
Мнится мрачной стеною окно.

Меркнут светлые смыслы, как небо,
Что затмения сковано льдом,
Нет сытости даже от хлеба,
Что с таким достается трудом.

Пусть слепая любовь эфемерна
И её не измерить ничем,
Только путь она сделает верным,
Пусть еще он не пройден никем.

Без любви ничего не достичь,
Жизнь без чувства – души паралич.

* * *

Так немного мне нужно на свете:
Кромка моря и горстка тепла,
За спиною бегущие дети,
В небесах растворённая мгла.

Так немного и много безмерно –
Всё, что в жизни даётся с трудом,
Всё, что искренно, не лицемерно,
Всё, что будет сейчас, не потом.

Уходящая в дали дорога
И в колчане сердечном стрела,
И мольба, вознесённая к Богу
О судьбе, что ещё не пришла.

Так мне хочется эту планету,
Будто дочку родную, обнять
И наполнить грядущее светом,
И минувшего боли унять.

Но всесильным нельзя человеку
В этом мире изменчивом стать –
И того что предписано веком –
Никому не дано избежать.
Всё с нуля повторится, и снова
Будет мир, как младенец, хорош,

И правдивое честное слово
Опровергнет безумную ложь.
В это верю и верю этой
Я свои наполняю стихи,
Чтоб молитвы небесные светом
Отбелили земные грехи.

ДЖВАРИ

Со стены сквозь века озирает Христос
Этот мир и в глазах его вечный вопрос:
«Почему столько зла до сих пор на земле,
Будто правда исчезла навеки во мгле?..»

«Я – Иса, я – Иешуа, я – Иисус,
Завещавший вам с Богом единым союз,
Почему же погряз в лицемерии мир,
Где телец золотой властелин и кумир?..»

«Почему всё не так на планете большой,
Где торгуют, подобно товару, душой,
Что бессмертием Господом наделена
И заветом небесным земле вручена?..»

Что ответить Христу я не знаю пока,
Тают свечками перед глазами века...

* * *

Надо по-новому жить научиться
И запятые на каждой странице
Больше не ставить, хоть если и нужно,
С миром прожить не получится дружно...

Правописание жизни лукаво:
Точку поставить – у каждого право,

Я только предпочитал многоточья –
Утром ли, вечером, днём или ночью...

Но многоточие – символ неверный,
Смысл непонятен и тянутся нервы,
Как провода, где и тока-то нету,
Тянутся снова к источнику света...

Точек накоплено в жизни так много,
Если поставить – померкнет дорога...

* * *

Я – будто лодка на мели у берега,
Набросок жизни, слепок человека...
Я – контур осознания пространства
И точка в небесах непостоянства...

Я – лишь намек на будущего блики
И малый штрих способный стать великим...
Я – сам себе и капитан, и берег,
Корабль в ожидании Америк...

Я – вектор, что отправился по кругу
Грядущего осилить мёд и муку...
Я – шанс, который мною же упущен,
Как предсказанье на кофейной гуще...

Я – только то, что было, есть и будет
На время...
Пусть Всевышний не осудит.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Лариса ШЕБЗУХОВА

Лариса Курманбиевна Шебзухова – поэт, прозаик, драматург, переводчик и публицист, родилась 6 апреля 1959 г. в ауле Кубина в семье педагогов. После окончания Кубинской средней школы, поступила в Пятигорский педагогический институт иностранных языков на факультет английского языка. Получив красный диплом учителя английского и немецкого языков в 1981 году, вернулась в родную Карачаево-Черкессию и начала работать в школе № 5 г. Усть-Джегуты. В республиканской прессе стали публиковаться её стихи, поэмы, рассказы, переводы, она активно участвовала в подготовке школьных учебников и пособий по абазинской литературе. Большой вклад Л. Шебзухова внесла в становлении и развитие абазинского театра. Она автор 7 книг (2 – на абазинском, 5 – на русском). На её стихи написано более 50 песен известными композиторами Северного Кавказа. Член Союза писателей России с 2002 года, член Союза журналистов КЧР, лауреат премии главы КЧР. Спектакли на пьесы Ларисы Шебзуховой поставлены в Абхазии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии.

ТОРЖЕСТВО КАВКАЗСКОГО ГЛАГОЛА

Народному поэту М.Т.Ласурия

*На свете есть две вещи,
ради которых есть смысл жить.
Иосиф Бродский*

Вначале было Слово, был Глагол,
И победил и тьму, и хаос Свет.
На землю освещенную пришел,
Чтоб Истину воспеть в стихах.

Так было изначально на земле:
Поэты правду заключают в стих
И светят, как лучом, они во мгле,
Путь освещая сердцем для других.

Вновь сердце Мушни, как в набат,
 стучит –
Накатывает творчество волной...
Торжественно глагол его звучит,
Чтоб в вечности звучал язык
 родной!

Все творчество поэта – это школа,
В которой все в деталях учтено.
И торжество абхазского Глагола
До Космоса его возведено!

ПЕСНЯ СЕРДЦА

Зажигается в небе звезда –
Ко вселенной любовь излучает.
С песней солнечная Кабарда
Каждый новый рассвет свой
 встречает.

Расцветает в лучах дивный край.
Нальчик – словно дивная чаша.
Ветер, песню любви заиграй,
Чтоб земля ее слышала наша.

Славной памятью предков горда,
Вносит в летопись новые главы,
Нартиаду поет Кабарда –
Это родина чести и славы.

Здесь о долге поют родники,
Учит мужеству юных природа.
Не стареют душой старики –
Значит, молодо сердце народа.

Песня сердца на крыльях орлов
Облетает родные просторы,
Из камней свои гимны из слов
Посвятили земле эти горы.

Эту песню поймут без труда,
Ведь о самом святом в ней поется.
Ты прекрасна, как жизнь, Кабарда,
И в припеве о том же поется.

ВНОВЬ ПЬЮ СВОЙ ЧАЙ

И снова Ты отодвигаешь срок,
Уже как будто мною обозначенный,
И в этот график свой переименованный
Тебя я вписываю золотом, мой Бог!

Вновь пью свой чай, надеждами заваренный,
Настоянный на воле и любви.
Вновь начинаю путь, Тобой подаренный,
С небес Ты улыбаешься: «Живи!»

Тебя не умоляю завереньями –
Ты знаешь меня лучше без меня.
Вновь подключаешь к жизни озареньями,
В сознании колокольцами звеня...

Относит кто-то это все к наитию,
Но я-то знаю, кто меня ведет
По жизни от события к событию –
Что в жизни без тебя произойдет?

Без воли твоей ночью день не сменится,
Я пью заваренный надеждами свой чай...
Срок отодвинут. Что-то переменится –
Судьба, маршрут мне новый назначай!

ХРУСТАЛЬНЫЕ СТРОКИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Стоят величавой грядюю вершины,
Орел одинокий над нами парит.
Озерная гладь сокрывает глубины,
Которыми с Космосом мир говорит.

В сердцах поэтических смыслы едины,
Связует их с Богом единая нить.
Хрустальные строки Кашежевой Инны
В горах колокольцами будут звонить.

И звон этот – людям всем напоминая,
Что следует всем поспешить с добротой.
Ведь радость дается нам за испытанья,
Что тут обозначены горной чертой.

И тут, где горам поклонилась равнина,
Где горцы и сами, как скалы стоят,
Познала те смыслы Кашежева Инна
Которыми звезды с землей говорят.

В БОЛДИНО

С большим волнением вхожу
Я в дом великого Поэта.
Что в мыслях Пушкину скажу –
Ведь он здесь будто рядом где-то...

Что расскажу ему о нас?..
Внутри я чувствую заминку...
Вдруг слышу: «Ба! Здесь весь Кавказ
И даже вижу абазинку!..»

О Русь! Со всех концов твоих
Приехали восславить Слово!
Я памятник себе воздвиг...
Но сам не ожидал такого!..»

Стоим в гостиной. Смущены
Такой значительностью встречи.
Мы не в гостях у старины –
Всё современно в этот вечер,

И даже старенькая печь,
И пожелтевшие страницы –
Ведь слышат Пушкинскую речь
И стены здесь, и половицы...

Пленяет красота села –
Пруды, берёзы, неба просинь...
Тепло сегодня обняла
Поэтов Болдинская Осень!

И ВСТРЕТЯТСЯ В ПОСЛЕДНЕЕ МГНОВЕНЬЕ

Кто может разгадать загадку эту –
Как оказались люди на Земле?
Кто отыскал волшебную планету,
Где в сытости живём мы и в тепле?

Кто людям обустроил так просторы,
Что всё для жизни можно здесь найти?
Равнины плавно переходят в горы –
Они приметы верного пути.

Кто так устроил это мирозданье,
Что точно в нём всё соотнесено?
Всё связано. Но это сочетанье
Ломает здесь создание одно...

И он, который наделён сознанием,
Обязанный Природе помогать,
Всё время занят лишь её терзаньем,
Как будто может всем располагать,

Как будто он хозяин и владыка,
Возносится над всем его рука...
Не слышит угрожающего рыка...
Но так всё продолжается пока...

Иссякнет же когда-нибудь терпенье
У гор и леса, у озёр и рек...
И встретятся в последнее мгновенье
Творец всего и алчный человек...

Шахриза БОГАТЫРЕВА

Шахриза Богатырева – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1969 году в ауле Учкулан Карачаево-Черкесии. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Окончила Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Карачаевка по национальности, пишет на русском языке.

Автор многих книг поэзии и прозы, в том числе и сборника авторизованных переводов на русский язык с карачаевского, испанского и шведского. Имеет более ста публикаций в областных, краевых, республиканских и федеральных газетах, альманахах и журналах.

Работала на ТВ «Архыз 24», автор передач «Стих и Я» и «На службе муз». В настоящее время работает в республиканской газете КЧР «День республики».

НЕБО, ПРИВЕТ!

Вновь жёлтый ноябрь изучается ветром,
Вновь землю клеймит листопад золотой, –
А я отмеряю свои километры
Велосипедной ночью тропой.

И Млечный Путь, огненный и вдохновенный,
Течёт своим курсом в положенный час,
И мелкозернистая осыпь Вселенной
Летит звездопадом с полуночных трасс.

И стелется россыпь надземной дорогой,
Ведущую ввысь не на миг – навсегда,
И столько восторга, что страшно немного,
И кажется – кану сейчас без следа

В галактике дальней, в её закоулках...
Но между пылающих звёзд и планет
Найду я маршруты для велопрогулки
И крикну в восторге «Эй, небо, привет!»

И крик мой взметнётся глубокою ночью,
Когда ваши веки сомкнёт лунный свет,
И близких спящих комет многоточья
Во мраке вдруг высветят: «Небо, привет!»

В БОЛЬШОМ КАРАЧАЕ

Бледнея, катится звезда
вниз по ущелью,
Заря из горлышка дрозда
струится трелью.

Недвижно тени стерегут
опять деревья,

И птицам задаёт маршрут
судьба кочевья.

Недопечённый месяц – вбок
краюшкой хлеба,
И глядя в озеро, цветок
читает небо.

Рассветной тронуло струной
луг по соседству –
И запах, чистый и родной,
летит из детства...

Как встарь, с заоблачных крутизн
луч прыгнул в сено...
Ах, как длинна ты, моя жизнь!
как ты мгновенна!

РОДОВОЙ ДОМ

Здесь как будто бы замерло время,
В пыльном зеркале лгут отраженья,
Деревянными часам уже в бремя
Отмерять безучастно мгновенья.

Волглым духом пропитаны стены,
Стёкла солнцу не рады, как прежде,
Половицы страдают рефреном,
Паутина лишилась надежды...

За окном – безымянная речка,
Вдаль петлится, пылится дорога,
Провалились ступени крылечка,
Дверью щерится челюсть порога...

Но не грустью мне день этот полнить:
Воскресит в родовом интеграле
Сонмы лет светозарностью молний
День на родине, в старом квартале.

ОТРЕЧЕНИЕ

Вполглаза сонный майский день
взирает тускло,
У солнца – туча набекрень
и прищур узкий,
Вдаль, по указу ветерка,
нестройном цугом
Плывут по небу облака
один за другом.

На ветке дрозд, куплет допев,
сменяет тему,
Часы в веков бездонный зев
роняют время,
Рвёт трубку длительный звонок –
и затихает,
Не пробивая мой зарок:
я вновь глухая.

Который день молчу опять,
скрываюсь в норке,
С тобой шагает время вспять,
одной мне горько,
Я столько лет жила одна
в великой схиме –
К чему теперь пьянящий май
в моё предзимье?

Но как не прячу тихий стон
я в подземелье –

Всё жду, когда раздастся звон
весенней трелью,
И пусть молчанием себя
опять пытаю:
Так отрекается любя
зима от мая.

СОЗВЕЗДИЕ ВСАДНИК

Спускаются сумерки серо,
Последний луч солнца потух,
Во тьме обратившийся в слух,
Без усталости скачет ранчиро.

Он в прериях вовсе не гость,
И тьма не вселяет тревогу –
Ему указали дорогу
Щепотки сверкающих звёзд.

С дороги ему не свернуть:
Ему вместо компаса – небо,
И месяц, что светит в полгерба,
И Млечный немеркнувший путь.

Сиянием горним омыт,
Мир замер в молчанье серьёзном,
Взлетает серебряно к звёздам
Салют неустанных копыт.

Чтоб новым созвездием стать
В бездонной межзвёздочной щербе,
Всё выше мчит всадник. На небе
Оттиснувшись, словно печать.

РЫСИЙ ВЗГЛЯД

Свет фар полночных по абсциссе
Уткнулся в мой горящий взор,
Звезда глядит глазами рыси,
Пробившись сквозь ветвей подзор.

Разрыв в тумане – словно рана,
Сочится в эту брешь луна
Так, что из чрева океана
Взмывает мощная волна.

Я чую, как и должно зверю:
В движенье тёмной глубины
Надсадно бьются в подреберье
Земли из недр валуны.

И ветер ночи, пьяный, тонкий,
Такой с небес набрал разбег,
Что яро рвёт свои пелёнки
Вчера родившийся побег.

Сорвавшись из созвездья Лирь,
Горит весенний звездопад,
А снизу, острый, как рапира, –
Мой неподвижный рысий взгляд.

ПЕРЕД СНОМ

В чердачном, видно, маленьком оконце:
Закат, как древний ящер, вдалеке
Размеренно заглатывает солнце,
Скользя хвостом по золотой реке.

На фоне неба тянется фактурно
Как нотоносец, ивовая плеть,

Вечерняя роса поёт ноктюрны –
А почему б росе сейчас не петь?

От солнечного сильного ожога
Горит открытое лицо луны,
Сквозная ночь, тиха и босонога,
Идёт по звёздам, чтобы сеять сны.

Считая звёзды, сбилась я со счёта,
Ведь это же не пальцы на руке –
Но почему-то мне считать охота
В таком уютном тёмном чердаке.

И может быть, от моего порога,
Соткавшись из мерцающий огней,
Протянется вдруг звёздная дорога, –
А я, как в детстве, вновь пойду по ней.

АПРЕЛЬ

Он впереди на несколько шагов –
Подросток с чуть сутулыми плечами,
Горит закат из серых облаков,
Из тучи бьёт медовыми лучами.

Идёт рассеянный мальчишка вдаль,
Верней, скользит – такой он легковесный,
Под ним – земной тропы горизонталь,
Над головою – ореол небесный.

Апрель бежит, как за волной волна,
Побеги рвутся из бессильных люлек,
И выпевает вечер дотемна
Прощальную мелодию сосуллек.

Я знаю, как заверить тишину,
Пока одна блуждаю по округе,
И измеряю неба вышину
Неизмеримой квадратурой круга.

Но так же, как во временной туннель
Стремится месяц серебристой лодкой,
Уходит незабвенный мой апрель –
Подросток с журавлиной походкой...

ОТ ФОНАРЯ

В ночной азарт, в декабрьскую выюжь
мне снова за дорогою вдогонку,
По сторонам её подтёки луж
распаты слюдянистой перепонкой.

Но смаргивают снег с набрякших век
на небе рваном тучи реже, реже...
Процеженные звезды свой набег
ведут на мрак – и их полёт безбрежен.

А вдалеке, не слыша шелест шин,
которые ощупывают зимник,
Фонарь воздетый, проглотив аршин,
стоит один, как старобытный схимник.

Фонарь незрячий, в темноте ночной
взывай к звезде – далёкому кумиру,
А я, сливаясь с небом и землёй,
опять пойду одна по кромке мира

за горизонт, где озарённый свод
утюжит огненным крылом комета,
Где звёзды переходят небо вброд –
туда, где ждёт бессмертие поэта.

АРТУР КЕНЧЕШАОВ

Артур Кенчешаов – российский черкесский поэт, автор песен, телевизионный ведущий, сценарист и режиссёр. Член Союза писателей РФ и член Союза журналистов РФ. Автор нескольких сборников стихов, автор песен, которые исполняют ведущие артисты эстрады СКФО.

* * *

Горы оставили мудрость в наследство,
Чтоб покорялись героям года.
Душу – Аллаху, женщине – сердце,
Честь- никому, никогда!

Жизни суровой слепая мятежность,
Столько отваги скрывала в дыму!
Родине – верность, матери- нежность,
Честь- никогда, никому!

На непокорной дороге к свободе
В сёдлах удержится правда одна –
Юность уходит, силы подводят,
Честь остаётся всегда!

* * *

Не тревожь мое сердце вопросами!
Всё забыть меня не проси!
Я увидел глаза новой осени
За ресницами жалюзи.

Над излишне взволнованным городом
Припаркованы облака.
Пьяный тополь с приподнятым воротом
Шумно топчется у ларька.

Перекинувшись фразами рваными,
Мы себя в пустоту внесли.
Сонный август гремит чемоданами,
У подъезда звонит в такси.

Не тревожь мое сердце вопросами!
И листву моих дней не рви!
Я взгляделся в глаза новой осени,
Чтобы вспомнить опять твои!

ПОЗВОНИ РОДИТЕЛЯМ СВОИМ!

Тонет жизнь в обыденных проблемах,
Ты живёшь, заботами гоним.
Но найди для тех, кто дорог, время!
Позвони родителям своим!

Ну а лучше... Отмени все встречи!
Отложи проекты на потом!
Обними родителей покрепче,
Хоть на час вбежав в родимый дом.

Обивая тысячи порогов,
Их порог храни в душе всегда.
Ведь друзей и женщин в мире много,
А отец один и мать одна!

Не теряй себя в дорожных петлях!
Путь домой, как тоненькая нить!
Позвони родителям, не медля!
Пока есть, куда ещё звонить!

* * *

Опять ко мне бессонница пришла,
Иль, может, я к ней... Нет уже значения!

Смартфон окна, холодное свечение,
И ждёт рассвета бледная душа.

Повис туман на вешалке горы,
И звезды разлетаются, как бабочки.
Луна, как догорающая лампочка,
Бросает свет в пустынные дворы

За дверью – шум. Ругаясь и куря,
На лестничной площадке вдохновения
Толпятся страхи, топчутся сомнения,
Но верю я, придёт моя заря!

ДЕНЬ ЧЕРКЕССКОЙ СКОРБИ

Седой Кавказ веками горя сгорблен,
Вершины, как клинки, обнажены.
Но в этот майский день черкесской скорби
Ищу я лишь целебной тишины.

Трагедию вместить не может слово,
В мемориалах тени наших грёз.
И вижу я, как впитывает снова
Зелёный флаг двенадцать капель слёз.

Над морем чайки память окликают,
Гранитом стала тёмная вода.
Народ, вплотную подошедший к краю,
Беде уже не сдастся никогда!

Двенадцать ран терзают нашу долю,
В тропу времён впечатан наш исход.
Но в этот майский день черкесской боли
Я прячу слёзы и иду вперёд.

ПРОСТИТЕ ВЫ НАС, ВЕТЕРАНЫ!

Простите вы нас, ветераны,
За ныне воскресшую ложь.
Простите за правнуков пьяных,
Зигующую молодёжь.

За то, что чернила толпа вас,
Возвысив гнилые мечты.
Что часто оплаченный пафос
Несёт вашей славе цветы.

Простите вы нас, ветераны,
За проданные ордена.
Что все побеждённые страны
Богаче, чем наша страна.

Простите вы нас, ветераны,
Что память не входит в наш ГОСТ.
За скудную мелочь в карманах
И крошечной пенсии горсть.

Простите, что новые беды
Пронзают, как будто копьём,
Что кто-то посмел сигареты
Подкуривать Вечным огнём.

Простите, что стали чужими
Народы Союза сейчас.
Простите, коль не заслужили,
Мы гордости вашей и вас!

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

АЛАМАХАД ЕЛЬСАЕВ

Аламахад Абдул-Хамидович Ельсаев (родился в Мартан-Чу, Чечено-Ингушская АССР) – чеченский писатель, поэт, журналист, председатель Союза писателей Чеченской Республики, депутат Парламента Чеченской Республики, кавалер ордена Кадырова, Почётный гражданин Чеченской Республики. Заслуженный журналист Чеченской Республики.

В 1985–1987 годах служил в пограничных войсках. Выпускник факультета журналистики Ростовского государственного университета 1995 года. В 2005 году защитил кандидатскую диссертацию «Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на материале Чеченской Республики)». С 1995 по 2003 годы работал редактором и главным редактором на телевизионных каналах «Вайнах», ТВИ, «Нохчо» и директором ГТР (ныне ЧГТРК «Грозный»). В 2005-2006 годах – начальник Департамента внешних связей Президента и Правительства Чеченской Республики, а затем до 2020 года – руководитель телерадиокомпании «Вайнах». В 2011-2012 годах по совместительству был директором телерадиокомпании «Грозный». До сентября 2021 года был советником Главы Чеченской Республики, куратором республиканских средств массовой информации, Академии наук Чеченской Республики, архивного управления Чеченской Республики. В 2021 году избран председателем Союза писателей ЧР.

В 1996-2003 годах был преподавателем кафедры журналистики Чеченского государственного университета. В 2021 году избран депутатом республиканского Парламента. Председатель Комитета по межпарламентским связям, национальной и информационной политике и взаимодействию с общественными организациями. Является членом комитета по образованию, науке и культуре и комитета по вопросам законодательства, государственного строительства и местного самоуправления. Автор рассказов, афоризмов, сказок и стихов. Некоторые его стихи были положены на музыку. Имеет шесть детей. Член «Единой России».

Награды: Благодарность Президента России (2003, 2005, 2020); Человек года в республике в номинации «Лучший организатор»; Почётный гражданин Чеченской Республики (2005); медаль «За заслуги перед Чеченской Республикой» (2005); орден «За развитие парламентаризма в Чеченской Республике» (2007); «Заслуженный журналист Чеченской Республики» (2008); Орден Кадырова (2010); медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» (2011); почётный знак «За трудовое отличие» (2015); медаль «Памяти Ахмата-Хаджи Кадырова» (2018); нагрудный знак «За отличие в борьбе против терроризма и экстремизма» (2019); медаль «За значительный вклад в создание цифрового эфирного телевидения России» (2019).

Аламахад Ельсаев избран Председателем Союза писателей ЧР 19 ноября 2021.

Си пащхэм Аламахад Ельсаев и рассказхэр IувьIфIу зетельу ильщ.

Шэшэн Республикэм и тхакIуэхэм я Союзым и унафэщI ямышI щыIкIэ, сэ сцIыхуаш ар зэчишхуэ зыгъэдэлъ журналист цIэрыIуэу, публицист Iээу, хуэфашэ дьдэуи иджыри шэшэн телевидениемрэ радиомрэ и лъабжьэр зыгъэтIыIауэ, Шэшэн Республикэм и Япэ Президент Кадыров Ахмат-Хаджирэ иджыпсту тет Шэшэн Республикэм и Нэхъыщхъэ Кадыров Рамзан Ахмат и къуэмрэ я ныбжьэгъу пэжу.

Япэ рассказыр сызэрыщыгугъа дьдэм хуэдэу къыщIэкIаш.

Публицист Iэээ, тхьдэ къэхъукъашIэ куэдым ди щыIпIэм и къэлэтыгъуэм хэтам, къьджелэж а зэман хьэлъэхэр ди лъэпкъым къызэрыхущIэкIар.

Кууущэу сыхэхъанкъым, абыи дыхуеищэу щыткъыми. Япэ рассказым ськъоджэ, етIуанэр къызоштэ. Си нэр занщIэу псалъащхъэм тохуэ – «Анэ».

Еджэн щыIзодзэ. Япэ сатырхэм щыщIэдзауэ грыIуэгъуэщ – мыр нэгъэса художественнэ тхыгъэщ, зытхари а жанрым фIы дьдэу хэзыщыIкI цIыхущ. Тхыгъэр зи IэдакъэщIэкIыр езыр ильэс пщыIкIубгъу хъу къудейщ, икли и къулыкъур къэралгъунапкъэхъумэщ.

ИгъащӀэркъызыэрекӀуэкларкъыщиӀуэтӀажтхыгъэщхьэкӀэ, дэтхэнэ шэшэнри и плэм ибгъэувэ хьунуш. Пычыгъуэ гуэрхэри къэтхуи, абыхэм дыкъытеувыӀэуи дыщытынкъым. ДызэреплъымкӀэ, тхылъеджэм нэхъ гъэщӀэгъуэн щыхьунуш езыр-езыру къеджэрэ лиризм хэлъыр къыпкъэрыхьэмэ, къызырыгуэӀӀуэхугъуэм щытепсэлъыхь нэгъунэ.

АдэкӀэ – рассказ «Жыгхэм я гъащӀэ». Мыр мыин, ауэ купщӀэшхуэ зилэ щӀагъыбзэщ, жыгитым, жьымрэ щӀэмрэ, зэпрадзыжу ирагъэӀуэӀӀ псалъэмакъщ, икӀи гугъуцэ удемыхьыу къыбгуролуэ, а еӀуу зэгъэпцӀа зэгъэпщэныгъэр цӀыхухэм хуэгъэзауэ зэрыщытыр.

Рассказхэр и щӀалэгъуэ зэманым зэритхар къапщтэу щытмэ, умыгъэщӀэгъуэн плъэкӀыркъым дыкъэзыухьуреихь дунейр тхакӀуэ щӀалэщӀэ дьдэм зэрызэхичӀэр.

Гукъинэж щхьэхуэу къонэ кӀэщӀу, ауэ хьэлэмэтыщэу куэд къызыэщӀэзыубыдэ рассказ «Адэ» жыхуиӀэр, тхыгъэр зи лэдакъэщӀэкӀым къызырыгуэӀӀ художественнэ лэмалхэмкӀэ къегъэлъагъуэ адэр дэтхэнэ шэшэным дежкӀэ дапхуэдизу лъаплӀэу щытми. Сэ мы рассказыр си псэм хыхьащ.

Дэ нэгъуэщӀӀуэху димылӀэу тхылъеджэм урысыбзэкӀэ тха рассказхэм гу лъыдогъатэ, сыту жыплэмэ Ельсаев-прозаикым бгъэдэль зэчишхуэр абыхэмкӀэ къэплъэгъуфынуши.

Адрей рассказхэр къапщтэмэ, и нэхьыбэр езым и гъащӀэр къызыэрекӀуэклам теухуащ. Иджыри зэ гу лъыдытэу тлъэкӀынкъым езы Аламахад Ельсаевыр лӀэхугъуэ куэдым и щыхьэтым имызакъуэу езыри зэрыхэтам, зытепсэлъыхь лӀэхугъуэхэр езым и нэгу зэрыщӀӀекӀамрэ зэрыхэтамрэ, и тхьэкӀумэкӀэ езым зэрызэхихам и фыгъэкӀэ абы и тхыгъэхэр тхыдэм и лъэныкъуэӀӀэ лъаплӀэу зэрыщытым.

Иджыри абы и гъащӀэмрэ и творчествэмрэ хуэщӀ лъэпкъ хабзэмрэ абы узэрыбгъэдэтымрэ дэтхэнэ шэшэным дежкӀи зэхуэдэу зэрыщытымрэ абы уфӀэбэкъукӀ зэрымышьунумрэ куэду къыхэгъэщыныр.

ИкӀи абы пщӀэшухэ къыхуехь!

НобэкӀэ Аламахад Ельсаевым мыхьэнэшхуэ зилэ лэнатӀэ зэрехьэ – Шэшэн Республикэм и тхакӀуэхэм я Союзым и унафэщӀш, а щыхь лъагэри Шэшэн Республикэм и нэхьыщхьэ

Рамзан Ахматович Кадыровым, литературэм мыхъэнэшхуэ езыт, лъэпкъым и щӀэиныр зыӀэт Ӏуэхугъуэу литературэр зыбжым, кыыхуигъэфэщаш.

Дэ кытхуэнэжыр Аламахад Ельсаевым дехъуэхъунырщ и тхылъыщӀэмкӀэ, шэч лъэпкъ кытедмыхъэу ар шэшэн литературэм и щыгъэм кыыхэлыдыкӀын Ӏыхъэу зэрыхъунум папщӀэ.

Асламбек ТУГУЗОВ,
усаӀуэ, Урысейм и тхаӀуэхэм
я зэкъуэтыныгъэм и член

Мы рассказыр 1986 гъэм, илъэс 19 фӀэӀа сымыхъуауэ, советскэ-тырку гъунапкъэм къулыкъу щыщысщӀам щыгъуэ стха хъуаш. А гъэ дydэм ар кытрадзащ КГБ СССР и къэрал гъунапкъэ щынылъэм и Закавказскэ Краснознамённэ газетым.

АНЭ

Ӏуэтэж

Пшапэ Ӏувыр зэхоуэ. Язирэ уэздыгъэ нэхур щигъэнащ. Щхъэгъубжэм деж къэувыӀэри, зэщӀӀэгупсысыкӀащ. Дапхуэдизрэ бынхэр гугъу зримыгъэхъыну къелъэлуами хузэфӀэкӀыркъым, нэгъуэщӀу псэуфынукъым. УӀуэхуншэмэ, гъащӀэр къэувыӀа хуэдэу мэхъу, хъэуам хуэдэу, псым хуэдэу лэжыгъэм есащ.

Ар щыст еша-еллауэ, и лэжъэкӀуэлэхэр зетедзыхауэ, абыхэм ятель зэлъа къэси и гъащӀэм гугъуехъу телъа псори къагъэлыагъуэу.

Ар илъэс 52 хъу къудейт...

Губгъуэ мафӀэм и мэ гуакӀуэр, пшагъуэм хуэдэу хадэхэм зытраубгъуат. ЦӀыхухэм гъавэ Ӏухыжыгъуэм кыщӀэна пхъэнкӀийхэр ягъэсыжырт.

Бгы къащхъуэхэр кӀуэ пэтми нэхъ кӀыфӀ хъурт, къэна щӀагъуэ щымыӀуэ фыщӀабзэт, абыхэм щӀӀэплъагъукӀыу вагъуэхэр уи нэхэр щӀасыкӀыу кыыхэлыдыкӀырт, бгы лъапэм кӀэщӀӀэтӀысхъа къуажэр къагъэнэхуу. Гъэм и зэманым емылтытауэ мы щыӀпӀэм щемыкӀуэкӀ хабзэ дуней хуабэр емыплъу, ЩыӀэр кызырэыблэгъар зэхэзыщӀэ

йоупш! « Уи фэм уитыжкъым, къыпщыщ!а мыгъуэр сыт?» Абы шыр хуэмурэ ирипхаш, мэкъу иритри къеплъэк!аш. Абы и нэгум пхуэмышэчыным хуэдиз уз къищырт, ауэ пыгуфыкыныу хуежъаш, ит!ани пхъашэу къыжъэдэк!аш: «Сэ иджыпсту сыкъэк!уэжынщ, уэ унэм щ!ыхъэж, сабийхэм я закъуэщ».

Язирэ псынщ!эу пщыхъэшхъэшхэр къытригъэуващ, ауэ щхъэгъусэм шхэн идакъым, и п!эр хуигъэхъэзырыну къельэ!уаш. Язирэ шхэнк!э хигъэзыхъакъым щхъэгъусэр, и къуэр къриджэри псынщ!эу дохутыр къигъуэтыну жри!аш. Шэ ц!ывауэ щ!алэр дохутырым деж к!уаш икли псынщ!эу къишэри къэк!уэжаш. Дохутырыр Абдул-Хъэмид еплъа нэужь къэгузэващ, ауэ сымаджэщым игъэгъуэлъыну хулъэк!акъым. Язири ар хузэф!эк!акъым.

Дохутырым къыгуры!уаш Абдул-Хъэмид и ажалыр къызэрысар езым къызэрыгуры!уари, мыбдеж медицинэр зэрыкъарууншэри...

Ет!уанэ махуэм Язирэ жэмыр къиша нэужь, унэм щ!ыхъэжаш, и л!ым шэ къишагъащ!эр хуихъри, л!ым шэнтымк!э и щхъэр ищ!аш, Язири ет!ысэхаш. Л!ыр макъ жыжъэ къилук! т!ысак!э къэпсэлъаш: «Уи щхъэр хъумэ, сабийхэм яхуэсакъ, ц!ыхуф!хэр къыбдэлэпыкъунщ».

Язирэ и нэпсхэр ирикъухуы, и гыныр зэтри!ыгъэу гыбзафэм къыщ!идзаш: «Сыт жып!эр зищ!ысыр? Зэгъусэу здэтп!ыжынущ ди бынхэр».

Ц!ыхубзыр и лъакъуит!ым я!ыгъыжтэкъым.

Абдул-Хъэмид и нэхэр ужыхаш, и щхъэр ирегъэщ!ри иужьрей псалъэхэр къыжъэдок!э. Язирэ ерагъуы зэхищ!ык!аш: «Ц!ыхухэм мамыру фадэпсэу, тыншып!э фымыл!ыхъуэ...».

Адэк!э псалъэхэр пырхъ макъым хэк!уэдащ, зыри къыбгурымы!уэжу. Бын нэхъыжхэр утыкум джэрэзу къинащ, зэ зи хъэдэ мыупщ!ы!уа я адэмк!э, зэ мывэ сыну жа я анэмк!э задз. Бынунагъуэшхуэм я унащхъэ ц!ык!ум уафэр къытеук!уриящ.

Абдул-Хъэмид ц!ыху псэ хъэлэлу цытащ. И гъащ!эм абы зы ц!ыхум и жагъуэ ищ!акъым, ц!ыхухэри ар зэрыц!ыху зэп!эзэрытым щхъэкли ф!ыуэ къалъагъурт, и жыли едалуэхэрт. Арати, ц!ыхур дунейм ехыжаш. Унагъуэм я гуауэшхуэр да!ыгъыну, дунейм ехыжам хуэфашэ пщ!э хуащ!ыжыну къуажэдэхэри къэзыц!ыху нэгъуэщ! жылагъуэхэм щыщхэри къек!уэл!аш. Абдул-Хъэмид

куэдым сэбэп яхуэхъуаш, псом папщIи псалъэ дахэ кыигъуэтыфырт абы. Хьэдэр кыщIаха нэужь, цыхубзхэмрэ сабийхэм я гы макъырэ щIэту кхъэмкIэ яунэтIащ цIыхухъухэм, шхуэр зэпичри зэи и жагъуэ къэзымышIам и хьэдэмкIэ шым зидзаци йоуджыхьри щытщ. Шыр ерагъуу къаубыдыжри пщIантIэм дашэжаш, иджы ар зылъэгъуа цыхухъухэми я нэпсыр ягъэпщIкIужыххэртэкъым. Шым хуэшэчакъым зейм пэлэщIэныр.

Язирэ и гущIэ лъапсэр кыщIетхъ. ТхъэмышIагъэм и закъуэу кыкIухьыркъым жалэ. А гуауэшхуэм насыпыншагъэшхуэр кыхэхъуэжаш. Щхъэгъусэм кыщIэна шы лъакъуэ псыгъуэм хамэлэклэ ирата шхыныр идэххэркъым. И нэхэм пшатхъуэ телъхэр фае хъуаш, нэпсыр щIэзщ, нэхужьыбэхэм лъыр кыителъэдащ. И лыр илэжкыыми, и дэлэпыкъуэгъу пэжри унагъуэм илэжкыым. Цыхухэри зэрыхъукIэ унагъуэ тхъэмышIагъэ зытепсыхам къадэлэпыкъурт, къэралри лъэныкъуэкIэ щыттэкъым. Язирэ гугъу ехьырт, гугъу лей. Сабийхэр зым нэхъ зыр нэхъ цыкIужт, ахэр гъэшхэн хуейт, ауэ, псом нэхъыщхъэрати, гъэсэн хуейт Абдул-Хъэмид зэрилъэгъуну зэрыхуеям хуэдэу – цыху нэсхэу. Абы егупсысыху Язирэ и щхъэфэцым зилэтырт. ХузэфIэкIыну пIэрэ жэщ псом щхъэнтэр нэпскIэ зыгъэнщIу хэлъым, щыгужьеям деж сабийхэм я пIэ лъапIэм нэху цызыгъэщым, зи нэхъыжьыр илъэс пщыкIублым, зи нэхъыщIэр илъэсым щIигъуа къудейм, я адэм хуэфэщэн гъэсэныгъэ ябгъэдилъхъэну?...

Абы кыдэлэпыкъухэрт и анэри, и дэльхухэри, и шыпхъухэри, щхъэгъусэмкIэ и Iыхьлыхэри. Гуауэм и закъуэ кыхуагъэнакъым Язирэ. Езыри псэемыблэжу лажьэрт, зэтепIауэ икIи шыIэныгъэшхуэ хэлъу. Зэи щыгъупщэнукъым абы къуажэдэсхэм фызабэм и гъащIэ хьэлъэр дагъэпсынщIэн щхъэкIэ кыхуащIар. Къапщтэмэ, Абдурэхьмэн дадэм Язирэ и бынхэм яхэсыжыну кызыэриутIыпщыжар, къуажэ Iэхъушэр игъэхъуну кыщылъысам цыгъуэ, езы лIыжьым и бынхэр и пIэклэ игъакIуэу илъэс псом зэрыхуигъэлэжьар. Езым щхъэкIэ цыхухэр зэрыгузавэм теукIытыхьырт, итIани и гум щыз хъурт апхуэдэ цыхуфIхэр илэу и гуауэр зэрыдалэтым щхъэкIэ. ИтIани, Язирэ илъагъурт и бынхэм я адэм зэрыхуэныкъуэр, я нэгухэм нэщхъеягъуэ щилъагъуэрт.

Язирэ гузавэрт, ар анэгум узу кыхэхуэрт.

Зы махуэ гуэрым илъэситху зи ныбжь Аслъэмбэч я гъунэгъу

лым и сабийр щыгъуу кыльэгъуаш, гъырнэлуу унэм къэклуэжри и щхьэр флиубыдыклауэ шэным теттысхъаш.

– Сыт кыпщыщлар, сываджэ ухъуа? – щлоупщлэ анэр.

– Хьэуэ, – зэхэпх къудейуэ жэуап кърет Аслъэмбэч. – Мамэ, псоми папэ щхьэ ялэ, сэ симылэу? Сэри си папэм сывдэджэгуну сыхуейщ, сыкыилэтрэ ину сывдридзейуэ, – ар зэрижагъуэр и макъым кыыхэщу сабийм кыжрепэ.

И лэ къару зыщлэмылтыжым лэщлэпль шынакыыр лэпыхури щыкыуейуэ щэщаш. Ар сабийм едэхэщлэщ, и щхьэцхэр хузэхитхъуаш, езым и нэпс плацэшхуэхэри кыфыщлэжаш. А псори зыльэгъуа и къуэ нэхъыжь Увайс и къуэш нэхъыщлэр зыгъэдишэри и щхьэ баринэр шабэу хурилэщлэклащ, и анэр адрей пэшым щыыхьэху ежьэри, жилад:

– Аслъэмбэч, афлэкла, хьэтыр уилэмэ, апхуэдэ упщлэхэр йомыт мамэ, абы гукъеуэ щохъу ар, хъункъэ?

– Сыт щхьэклэ?

– Ин ухъумэ, псори кыыбгурылуэнущ, ауэ сэ сывдэджэгунщ ди япэклэ. Дызэгурывуа? – Увайс и шынэхъыщлэр кыилэтри лъагэу дридзеш.

Ар занщлэу нэжэгужэ хъужаш, къэгуфлэжаш, быдэу и къуэшым пщэр икыузри и ба хуищлэщ...

А псори зигу къэклыжа Язирэ и пхъур кыызэреджар зэхихакъым.

– Мамэ, сыт ущлэнэщхьейр? – гуапэу кыеупщлэщ и пхъур, лэнэ зэтет зыри зыхэмылэбар зэпиплтыхьэрэ.

– Сэ сышхэнутэкъым, фэ сынывэжьэрт, – жилад абы къуаншаифэу, и пхъум и жагъуэ ищлауэ кыыщыхъуауэ, хэгупсысыхъауэ зэрыщысамклэ.

Клэщлу Мохьэди къэклуэжаш. А щым пщыхьэщхьэшхэ ящлри, куэдым тепсэлтыхьу жэщыр хэклэуэтэху щысахэщ. Нэхъыбэу ахэр зытепсэлтыхьыр Аламад и къэсыжыгъуэрат, и къулыкъур зэрынэсам папщлэ. Абы и фыщлэклэ псори бынунагъуэр адэжь лъапсэм щызэхуэсыжыну унафэ ящлат.

Гуныкъуэгуэм кыыхэзышыну иужь ит бынхэр зыльэгъуа Язирэ и нэгум гуфлэгъуэр кыищаш. Абы и псэр къэхуэбэжаш, армэм и къуэр щлэх кыызэрыклуэжыным папщлэ. Гуфлэгъуэшхуэкъэ-тлэ, псори адэжь лъапсэм щызыхуэсыжыныр! А гукъэкхэм хэту гъуэлтыжыным зыхуегъэхьэзыр Язирэ.

Жэщ кыфлым мазэ нэхум анэм и щхьэц тхьуахэр, и нэпкъ-пэпкъ дахэм тель зэлъа цыклухэр, пщыхь лэфл зыхэтым пигьэгуфлыкыу зэтежа лупэхэр кыыхигьуэтащ, а гуфлэкэм кыбжилэрт анэ насыпфлэм бынунагьуэшхуэ зэгурылуэ-зэдэлужу зэрилэр.

P.S. Ильэсхэр блэклащ, дэ, зэшхэр, лэнатлэ зэмылэужьыгьуэхэмклэ унафэщл дыхьуахэш, ауэ Мамэ сытым цыгьуу дигу кыгьэклыжащ кыддэлэпыкьуахэр дэ гугьу дыщехьа зэманым, гу лыдигьэтащ иджыпсту апхуэдэ лэнатлэ гугьу пэщлэтхэм. Дэ псори зэхэтхащ икли зыхэтлхьащ, куэдым дадэлэпыкьуащ еджэныр нагьэсынымклэ, куэдым – лэжьаплэ кьалэрыхьэнымклэ...

Мы дунейм тетьжкьым Мамэ, ауэ дуней захуэ щылэщ, икли Ар мыклуэдьижь. Ар пщымыгьупцэу, абы зыхуэбгьэхьэзыру упсэун хуейщ!

Ди щхьэщыгум итым псори дыкьыхьумэ!

ЖЫГХЭМ Я ГЪАЦЦЭ

луэтэж

Нэхушщ. Дыщафэ-плъыжьыфэ хьуреишхуэу дыгьэр кыщлокл. Абы и япэ бзийхэр жыг щхьэклэ лъагэхэм дыщэу поцлу, тхьэмпэхэм кыпыткыу уэсэпс тклуэпсхэм дэщлэлыдэу.

Сэ мэкьуплэ щхьуантлэм сыклуэцпрокл. Нэжэгужэу бзухэр мэбзэрабзэ, лентым хуэдэу зилуантлэ-зишантлэу лъагьуэ бгьузэр мэклуэд. Сфлэфыпсу пщэдджыжь жьы кьабзэр жьэдызошэ, апхуэдизклэ сыпсынщлэу кысщохьури, тлэкыу сыщлэрылэмэ сылъэтэфыну кысфлэщл.

Срикьуху кьэсклухьри, удзыпцлэм сыхэтлысхьащ. Сщлэркьым дапхуэдизрэ апхуэдэу сыщысами, ауэ си гупсысэм жыгхэм я щхьыщхь макьым сыкьыхашащ. Сэ кыызгурылуащ абыхэм псалъэмакь зэрыщладзар.

– Уи пщэдджыжь фылуэ, жыгей-дадэ, – кьелушэщ и тхьэмпэ цыклухэмклэ спэмыжьыжьэу щыт щиху цыклым.

– Пщэдджыжьыфл Тхьэм кьуйт, – жэуап кьретыж жыгеижьми адэклэ кыпещэ. – Нобэ махуэ дахэщ, гьащлэри фы дыдэщ.

– Сыт гъащлэр зищлысыр, дадэ?

– Гъащлэри? Еей, си кьуэ цыкIу, ар кьэпщIэн щхьэкIэ кьэппсэун хуейщ. Зы псалъэкIэ пхужыIэнукъым, кьыппэщылъщи пщIэкIын хуейщ.

– АтIэ, жыгхэм я гъащлэр сыт хуэдэ?

– Э-э-э, - хэгупсысыхьауэ кьреш жыгейм, – псом яйри зэщхь уи гугъэ? Жыгхэм я гъащIэхэри зэщхькъым...

ЖыгитIри, жьыри щIэ дьдэри, зэман кIэщIкIэ увыIахэщ, дэтхэнэри езыр и щхьэм егупсысу. Нэхъ щIалэм Iэуэльэуэншагъэр зэпиудащ.

– КхьыIэ, уи гъащIэм кьысхутепсэлъыхь,- елъэуащ ар.

– Сытыр бжеслэжын? – кьыжьэдэклащ абы и жэуапу жыгейжым, цIыхум и натIэр зэрызэригъалъэм ещхьу, и кьудамэ цыкIухэр ищхьэкIэм щызэхуикъусри. – Уэ пхуэдэу сэри щIалэу сыщытащ. Телъыджэм и телъыджэжым сыщIэхьуэпсащ, насыным куэдрэ сегупсысащ. ФIы куэди хьэзаб куэди слъэгъуащ. УкIыгъэ куэд сэри си ныбжьхэми ялъэгъуащ, цIыхухэр зэрыукIыжти абы зауэкIэ еджэхэрт.

– Сыт-тIэ зауэм кьикIыр?

– СщIэркъым, цIыхухэм апхуэдэу жалэрт, ауэ дэ нэлату дыбжт. Нэхъ шынагъуэ дыдэу цыIар иужьрей зауэращ – фашистхэр цыщыIам.

А зауэращ жыг нэхъ куэд зыхэкIуэдар. ЩIыр зэщIэсысэрт, апхуэдизу шынагъуэу кьачэрти, иджыпступцIэ ди кьуэш, ди шыпхьухэр здэщыта щIыпIэхэр кумбышхуэу кьанэрт,- мыбдежым дадэм и гур кьызэфIэнащ. - Ауэ апхуэдэ лейзехьэхэм зыри кьахуэгъуакъым. Мо фабрикехэр, заводхэр зыхуэу цIыхухэм, - жыгейжым игъэльэгъуащ гьунэгъу кьуажэр, - а цIыхухэм Iэщэ ялыгыу, дэр щхьэкIэ, зы щIы бжьыз Iэрамыгыхьэну зэуахэщ. Дэ ди нэгу щIэкIырт абыхэм я псэ щыхэкIыр, тIьагъурт ахэр гъащIэм зэрыпыкIыр. Дэри зэрыхьукIэ дадэлэпыкьурт, ди кьудамэхэмкIэ дгъэпщIкIурт. Иджыри кьэс си щIыфэм хэлъщ бдзапцIэшэр, зэгуэрым мафIэ хьурейуэ зыкьысхэзыукар. ИужькIэ фIы куэди цылащ. Зауэр иухащ. Мыбдеж щызэуа цIыхухэм кьакIуэурэ щхьэщэ кьытхуащIырт, дэ жыгхэм, – и макъым гушхуэныгъэ кьыхэщ хьуауэ пещэ, – щалъхуа щIыналъэм. Абы кьыхэкIкIэ ди щхьэр яхуэдгъэщхьыну, фIыщIэшхуэ яхуэтщIыну дыхуейт,

бийм и Іэ флеижьхэр кызырытлѣамыгѣэлѣсам щхьѣклѣ. Ди жагъуэ зѣрыхъунци, дѣ абы я бзѣмклѣ дыпсѣлѣѣфьиртѣкъым, кытхуэнѣжырати ди тхьѣмпѣхѣмклѣ дѣдѣхашцѣрт. Апхуѣдѣу гум хыхьѣу дакъикѣѣ дапщѣ щыла, дапхуѣдиз цыху кѣеклѣулѣа...

Зѣгуѣрым зы щѣлѣрѣ зы хьыджѣбзѣрѣ кѣѣклѣухѣт. Ахѣр апхуѣдизклѣ зѣхуѣгумащѣлѣти! Абы я нѣгум дапхуѣдиз гухѣлѣ кыищѣрѣт.

«Мы жыгыр ди насыпым и щыхьѣт ирѣхъу, ди лѣагъуныгъѣм и жыгыу щрѣт», – жаѣлѣрт абыхѣм, я плѣѣклѣхѣри нѣхь угъурлыж хьурт.

Сѣ ахѣр си быну кыисщыхьѣуащ. Илѣѣс бжыгъѣклѣ сигу кыихьѣу, сахуѣныкѣуѣу сыпсѣуащ, си псѣм щѣхуу сысей ищѣлахѣт, сыгугъѣрт ахѣр иджыри кѣѣклѣѣжыну. А телѣыджѣри кѣѣхьѣуащ. Зы махуѣ гъуѣзѣдѣжѣ гуѣрым ахѣр машинѣклѣ кѣѣклѣуащ, и Іѣпѣр ялыгъыу сабийр кыизбгѣѣдашѣри, япѣм ещхьу, щабѣу Іѣ кыиздалѣащ.

«Мыр нѣхь лѣѣщыж хьѣуащ», – жиѣлащ цыхухьѣум, япѣу дыщызѣхуѣзам щѣлѣлѣщѣлѣ дыдѣу щытам.

Цыхубзѣри аразыѣу пыгуфлыклащ.

«Еплѣыт, мамѣ, – кѣѣпсѣлѣѣащ сабийр, – тхьѣмпѣ цыкы кыистѣхуащ»

Анѣ насыпыфлѣми и кѣуѣм жѣуап иритащ:

«Ар уѣ жыгей-дадѣ и фѣѣеплѣу кѣуитауѣ аращи зѣхьѣ».

«Упсѣу», – жиѣлѣри щѣлѣлѣ цыкылум тхьѣмпѣр и жыпым ирилѣхьѣащ.

– Насып пщтырым и гурыщѣлѣр кыистѣуащ – иухат и хьыбар кыхьыр жыгеижьми, аргуѣру и гупсысѣм хыхьѣжащ.

Арегупсысырт и гъунѣгъуу хѣта жыг дахѣм, биилѣм Іѣщѣлѣклѣуѣдам. А удыныр зѣи мыхьужын уѣлѣгъѣу телѣынущ абы.

Игу тѣхуѣркъым ар зѣрымыпсѣужыр. Абы дѣжклѣ ар сытым щыгъуи псѣуащ. Ар и флѣщ мѣхьѣу, абыклѣ мѣпсѣу...

Дыгъѣр уафѣнѣзым кѣухьѣащ, махуѣр ужьыхѣащ. Сѣри сыкѣѣжѣжын хуѣй хьѣуащ. Ауѣрѣ жыгитыр, жьымрѣ щѣлѣмрѣ, кыфлым кыыхонѣ. Сѣ шѣч кыитѣсхьѣркъым, щиху щѣлѣлѣр нѣхущым зѣрыпѣжьѣнум, сыту жыплѣмѣ, ар гѣащѣлѣм хохьѣ и ныбжьѣгъу Іущу жыгеижь угъурлыр и гъусѣщи.

1985 гъѣ. Си илѣѣс 18.

P.S. Мы рассказыр слыгъыу япѣ дыдѣу Тхаклѣуѣхѣм я Союзым сыкѣѣклѣуат (ар иджыпстѣуи абдѣж дыдѣм щылѣщ).

Сэ кыысгуащӕхэщ пцӕлшхуэ зилӕ тхаклуэхуэ Шайхи Арсанукаевымрэ Хъусейн Сатуевымрэ (ДАЛА ГЕЧДОЙ-ЛА ЦАРНА). Ахэр кыысхуэгуащ, гулътэншзуи сыкъагъэнакъым. Къыыщытхъуащ, кыыздагыгъащ, сыкъагъэгуащ.

Нэхъыщхъэжыраци, сагъэлъэгъуащ тхэн цӕзӕдзэхэм уазэрыбгъэдэтын хуейр.

Ауэ цыхъукӕ, сэ а дерсыр илгъэс 36 дӕкыжа нэужыц кыысхуэсхар, шэшэн литературэр си пцӕдыкъым хъэлгъэ мытыншу кыыщыдӕхуам цыгъуэ.

Абы цыгъуэ ауи ар сигу къӕкыыххэртӕкъым, ауэ а махуэм си дунейр нэхъ нэху схуащӕащ абыхэм я цыхугъэмрэ я лӕзагъэмрэ.

ПЦӕ СИӔУ

луэтӕж

Жъакӕупсыплӕ, хъэмэм, дзӕ фащӕ, къӕлтмакъ, лъакъуэшӕкӕ, керзӕ шырыкъу, жыг дакъӕ, джыдӕ, зэманьфӕкӕ къулыкъу зыщӕ сӕлӕт, дыхъэшхыпцӕу дзӕм къраджагъащӕм и цыгъынхэр бзыхъэхуэ зыщӕ.

Абы а дакъыкъэхэм бамплӕуз гъӕпщкӕуауэ зехищӕр зӕи цымыгъупщӕжынкъым.

Псори псом ейм хуэдӕу кыыщидзӕц, ауэ нэхъ ткийуэ дзӕ къулыкъум цызекӕуэ дисциплинӕм тету цытыну арат. Къӕралгъунапкӕ дзӕ КГБ СССР-р – пцӕ зилӕ къулыкъум имызакъуэу мыхъэнӕшхуи зилӕщ.

«Ухъуамӕ – гушхуэ, ухъымуамӕ – гуфӕ, - жалӕ гъунапкӕхъумӕхэм икӕи фӕкыплӕ имылӕу щӕагъуж, – дӕ – дымӕлухуш, адрей къулыкъу псори – абы и шурупщ».

Дикъуажӕщыщусӕращӕпӕдыдӕу къӕралгъунапкӕрзыхъумӕну зӕджар, шэшэн къӕгъӕнауэ, адрей Кавказым щыпсӕухӕри япӕхэм фырыфӕкӕ куӕду абы ираджӕртӕкъым, ауэ мы гъӕм дӕ, зэхӕкуӕгъухуэ Шэшэн-Ингушетиӕм щыщӕу, щӕныкъуӕм дыщӕгъу: шэшӕнхэр, мышкъышхэр, урысхэр. Ди щӕлӕхэм Афганистаным щӕгъӕлгъуа хахуагъӕм иужкӕ, Кавказым щыщхэм нэхъ дзыхъ ирагъӕз хъуащ!

Сэ сызэригугъэмкIэ, лъэпкъышхуэхэм лъэпкъ цIыкIухэм дзыхь нэсу цIыхуамыщIыфыр епцIыжакIуэ кIахэкIынкIэ тешыныху аракъым, атIэ абыхэм хуэгъзауэ лей зэрахъахэр ящIэжри аращ, икIи абыхэм захъуэжынри загъээзхуэжынри ефIэкIыныгъэ нэпцIым и зэранкIэ къонэ.

КъыздикIари сымышIауэ си гъащIэ псом къыстехьэлъауэ гурыщIэ гуэр хэлъщ, ауэ си гъащIэм икIуэ зэран къысхуохуэ ар: псом щхъэки жэуап схын хуейуэ зэрызгъэувар. Илъэсхэми зыри яхъуэжыркъым! Ухуейуэ щытмэ, ар тынш дыдэкъым, е, нэхъ тэмэму жыпIэмэ, тыншыххэкъым...

Армэм сыт щыгъуи хабзитI щызокIуэ: зыр къэралыгъуэм къыгъэуващ, командирхэм ялыгъуи, адреир – езы къулыкIуэ зыхь сэлэтхэм ягъэувыжа хабзэ, илъэсым щIигъужауэ щыIэ сэлэтхэм (деды) къэкIуагъащIэхэм (салаги) зэрабгъэдэт щыкIэ.

ЗэрыхуэбгъэфэщэнкIэ, апхуэдэ щытыкIэр армэу хъуам сыт хуэдэ зэманми щыIащ. Ауэ а щытыкIэр Кавказым икIахэм зэи къащтакъым, япэ щытыкIэр фIырыфкIэ къэзымыштэхэм, етIуанэр къащтэхэнутэкъым, «дед» хъуауэ зызыбжыххэм занщIауэ щхъэбырыкъуэкIыфынуи къыгъэгугъэхэрт...

Ауэ сэри псом нэхрэ нэхъыбэ сыхуейуэ аракъым. А зэрыщыт дыдэмкIи сыарэзыт. А зэхэтыкIэр схъуэжыну еджапIэм щыщIээдзащ. Ныбжъэгъухэр хэти фIэгъэщIэгъуэну, хэти къыгурымылуэу къызодауэ:

– Фэ сыт, пщIэ тIурытI фIауэ ара? Зыр къулыкIуэм ипэ илъэсым хевгъэутэну, фышынэу щытмэ аращ къэхъунур, ауэ етIуанэр дэнэ къыздифхынур фэ абы я пIэ фиувэмэ?! Сыт хуэдэ напэр фIауэи фи унэ фекIуэлIэжыну? Ди адэшхуэхэр унэм къэнащ! Мыхэр, мыпхуэдизу зыкъытхуэзыгъэлIхэр, «дедкъым», атIэ дыгъуасэ езыхэр «салагэу» щытахэращ. Дызэкъуэтын хуейщ, дэтхэнэм щхъэки псори идгъэкIуэту!...

Псоми къыздаIыгъакъым, мышынаи яхэтщ!

Япэ хъыбар.

Прапорщикыр къыздикIар сымышIауэ къэхутащ. КъызэрысщыхъумкIэ, и гъащIэмкIэ мыаразы цIыхур хуиту зекIуэркъым, атIэ зиудыгъуауэ къекIухь. Хабзэм тетыныр (апхуэдэ куэд мыбы щыIэщ, абыхэм пщIэ хуащI) япэ изыгъэщыфэ теткъым. Псори зыхуэкIуэжыр зэкъуэхуауэ нэхъ щIалэлуэхэм

ящыщ (куэд шлауэ шылэхэм езыри шошынэ) кьиубыду и гушхьэр тригъээзгъэнырщ, зы тлэклунитлэклэ нэхъ мыхъуми хэтми зыгуэрым нэхърэ нэхъ хахуэу зыкыщыхъужынырщ. Сэ абы зыщыздзейрт: армэ уставымклэ уэр нэхърэ нэхъыщхьэм упэув хъунутэкъым, нэхъ мыхъэнэншэ дьдэрауэ щытми.

– Тэдж! – мэклий ар клуэрыклуэм тету.

– Здравия желаю, товарищ прапорщик! – сэлэт флэхъус изот, луэхугъуэ гугъум сыхэмыхъэн щхьэклэ. - Къысхуэвгъэгъу, сэ фыслъэгъуакъым.

– Зы мазэ хъуакъыми, итлани къызобзэджэ?! Ильэгъуакъым абы.

– Хъэуэ, хъэуэ, товарищ прапорщик!

– Гъуэль!

– Сыт?!

– Зыгъэджалэ, зыкъэлэт!

Нэгъуэщхэм апхуэдэу ящлэу слъэгъурт сэ , ауэ семьдэуэну мурад сощ!

– Зегъэхъ адэ!

А псалгъэхэр щыжыслэм, сэ сыхуэхъэзырт ар хыйм зэрикыным. Къызгурылуэрт си дунейр къызэрикьутэфыну, ауэ нэхъыбэу сыщлэшынэр хъуэнагъэ къыжьэдэклынырт икли, Алыхъым жимылэклэ, си адэ-анэм иклагъэ ярипэсыныр (сэлэт къаклуагъэщлэхэм апхуэдэу ябгъэдэтыныр флэфт). Итланэ сэ зыщызгъэгъупщэн хуейт къулыкъу сщлэуэ сызэрысэлэтри, къэралгъунапкъэм сызэрыщылэри.

И жьафэр, и жьэр жыслэнурат, зэтрихыным нэзымгъэсу, флэщхъуныгъэ быдэ хэлъу сэ япэ сыкъэпсэлъащ:

– Прапорщик, сэ силъ сщлэжын щхьэклэ тутнакъми ситысхъэфынущ. Ауэ уэ ухъэзыр уи гъащлэ мыхъэнэншэм упыкыну а жыплэну узыхуейм щхьэклэ?

И гушхъэ къэклыххакъым абы ар!

– Уэ сэ зыри къысщымышынэу уи гугъэу ара?!

Пэздзыжыну, зезмыгъэпэщ щыклэ, къыдэплъу щыт сэлэтитым щлэклиащ:

– Зевдых!

Щлалитым зэуэ зрадзыхащ.

– Зы-тлу! Зы-тлу! Зы-тлу! – едапщанэрэ ятеклиерэт зимыщлэжу прапорщикыр, хъуанагъэу шылэр дыщлигъужурэ.

Щлалэхэми хыйм иклауэ я лэпщэхэмклэ зыкьалэт, мэгъуэлъыж, сэри хыйм сиклауэ соклий:

– Фыкъэтэдж, абы зыри кьывищлэфынукъым, флъэгъуакъэ?!
Ар къэрабгъэщ!

Прапорщикми, адреихэми сызэхахыну хуеиххэкъым.

Иклэм иклэжым, псори зэфлэклащ.

– Плъэгъуа?! – зауаплэм теклауэ кьиклыжа лыхъужьым хуэдэу зыхуэарэзыжщ ар.

Гущыкыгъуэщ.

Сэлэтитлым захузогъазэ:

– Фыщымышынэ абы! Фи адэ-анэм иклагъэ щхъэ иревгъэпэсрэ?

– Уэ унафэр бгъэзащлатэмэ, апхуэдиз къэхъуртэкъым.

– Ар абы и щхъэзыфлэглагъщ.

Къулыкъум щидзэ къудейщ...

***P.S.** Си насыпти, сэ иджыри зэзгъэцлыхуну кьыспэщылът щлыхъ зилэ прапорщикхэмрэ офицерхэмрэ, Хэкур хъумэным я гъащлэм и мурад нэхъыщхъэу зыбжхэм.*

Абыхэм сытым щыгъуи бзэ тынш кьыхуэбгъуэтыфынущ, ауэ а прапорщикым хуэдэхэм я ягъэклэ нобэр кьыздэсым, зауэдзэмрэ тутнэкъэщхэмрэ щлалэ тэмэм куэдым я гъащлэр щокъутэ.

* * *

Переводчик с чеченского на кабардино-черкесский язык – Жанета ХУБИЕВА, учитель МКОУ «СОШ №1» с.п. Второй Чегем Чегемского района КБР. Профессионально переводит классиков русской литературы и произведений русскопишущих черкесских авторов, автор учебно-методического комплекта «Кабардино-черкесский язык. 3 класс», «Чтение. 3 класс».

Хожбауди БОРХАДЖИЕВ

Хожбауди Рамзанович Борхаджиев – советский и российский чеченский поэт, писатель, публицист, переводчик, журналист, главный редактор Гудермесской районной газеты «Гумс», пред-

седатель Союза журналистов Чечни (2007-2012), член Союза писателей России и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики.

Является победителем ряда республиканских и всероссийских конкурсов. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный журналист Чеченской Республики. Борхаджиев дважды награждался знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом». Также был награждён орденом Магомета Мамакаева. Его имя включено в энциклопедию «Лучшие журналисты России XX века». Интеллектуальный центр Чеченской Республики признал его лучшим писателем республики 2016 года.

ПАМЯТНЫЙ УГОЛОК

Рассказ

Утро первого дня 1958 года выдалось снежным и морозным. Халид только вчера спешился на железнодорожном вокзале Гудермеса. Поезд, следуя из Москвы в Баку, остановился в небольшом чеченском городе на 20 минут, и этого времени хватило на то, чтобы десятки пассажиров покинули вагоны и оказались в объятиях родственников, возвратившихся на свою историческую родину ранее.

Оперативно погрузив весь скарб на кузов «газика», они двинулись в путь в направлении незнакомого для Халида села

Предгорное, которое образовалось в годы депортации чеченского народа, и его населяли, в основном, русские.

Местные власти поначалу не выделяли земельных участков на окраине нового села, но потом поступила «директива» сверху, и Предгорное стало на глазах расширяться за счет репатриированных чеченских семей. Халид был твердо убежден, что долго не задержится в Предгорном и вернется к своим корням – будет жить именно там, откуда его вместе с отцом, матерью, близкими родственниками и другими односельчанами выдворили почти 14 лет назад. Он знал, что вопрос о восстановлении родного села

еще никем не поднимался, а многие родственники нашли приют в новом населенном пункте, посчитав его более удобным для решения бытовых проблем.

До первого утра на родной земле Халид не смыкал глаз: бессонница одолела его под натиском воспоминаний о трагическом рассвете 23 февраля 1944 года... Он навсегда запомнил суровое лицо отца, когда тот покидал родной двор, закрывая за собой калитку и накидывая на нее хомут из алюминиевой проволоки. В хлеве мычали коровы, словно чувствуя весь трагизм ситуации. Мать Шайма тихо причитала, оглядываясь назад и стараясь отогнать Гуди во двор, но дворняга жалобно скулила и не отставала от идущих. Бедняжка, как она заметалась вокруг машины, когда на ее кузов взобрались близкие для нее люди... «Студебекер» прибавил ходу, но Гуди не отставала, оставляя на снегу зигзагообразные следы. Тринадцатилетний Халид плакал, то и дело смахивая слезы рукавом тужурки. Он чувствовал, как тяжело дышал отец, стискивая рукой худые плечи сына...

Гуди на миг остановилась, оглянувшись назад на покинутый ею двор и... снова побежала за машиной, ускоряя бег.

- Гуди-и-и, – вдруг вырвалось у Халида, – Назад! Назад!

Послушная дворняга, привыкшая строго выполнять установки хозяев, даже не замедлила шага. Видя удивительную преданность животного к хозяину, женщины стали голосить еще больше, а мужчины закрывали лица носовым платком. Солдаты из охраны то и дело отворачивались... Они, выполняя приказ, готовы были за вольность расстрелять любого, но в их задачу не входило убивать домашних животных. Женщины стали просить остановить машину и поднять собаку на кузов... «Молчать!» – приказал солдат и стал бурчать себе под нос: «Я шас... Я шас...». Стражник резко поднял карабин, зарядил его и направил в сторону собаки... Халид знал, что не сможет оказать сопротивление, но и не мог допустить расстрела Гуди... Он уже не контролировал себя, когда из его уст вдруг раздалось: «Стоять! Не стрелять!». Эти слова Халид не раз произносил, когда играл с соседскими ребятами в «войнушку». Его крик явился неожиданным всплеском души... Умар, крепко прижав сына к груди, твердо и ясно произнес: «Не стреляй, солдат, не надо... Тебе же потом с этим

придется жить...» Солдат опустил карабин и тупо стал смотреть себе под ноги...

Гуди и на вокзале металась между близкими для нее людьми. А потом товарные вагоны скрылись вдаль, унося в своем чреве несчастных людей, лишенных родины...

«...Гуди, Гуди, Гуди...», – Халид поймал себя на мысли, что кличет собаку. Он смотрел в потолок и не сдерживал слез. Вспомнил отца, который и трех месяцев не выдержал испытания чужбиной. Мать была человеком с крепким внутренним стержнем: сумела достойно пройти через все передряги жизни. Ради куска хлеба она трудилась и на колхозных полях, и на угольной фабрике. Незадолго до своей смерти успела женить сына, но внуков так и не увидела...

Умар и Шайма хотели возвратиться к родному очагу, завести коров, овец. Им близок был честный крестьянский труд. Но судьба была крайне жестокой: они навсегда остались лежать на чужой земле, в окрестностях Кунграда. Умар очень мечтал достроить дом, начатый еще весной 1941 года, но летом того года ушел на фронт добровольцем и демобилизовался осенью 43-го после серьезных ранений. А потом был этот сталинский гнет в Казахстане...

И вот теперь начнется новая жизнь. Халид знал, что от родного села почти ничего не осталось, а их дома разобраны на строительный материал жителями села Предгорное... «А вот фундамент под новый дом, так и не ставший основой стен, наверное, сохранился», – гадал Халид, и ему очень захотелось увидеть этот небольшой бетонный остов в первый же день нового года...

Утром Халид, несмотря на бессонную ночь, был скор на подъем. На улице легкий и пушистый снег приятно бодрил его. Оставляя за собой четкие следы от кирзовых сапог, он шел к месту, где остались фрагменты от разрушенного отцовского дома.

Через полчаса Халид стоял на небольшом участке земли, окруженном невысокой бетонной основой недостроенного дома. Во многих местах в фундамент были вставлены куски железных уголков для связки с вертикальной конструкцией стен. Будучи тогда 10-летним мальчиком, Халид всячески старался помогать отцу, и Умар доверил сыну втыкать куски уголков в бетонное ме-

сиво. Он тогда не понимал, для чего нужны эти железки, наполовину утопающие в растворе, но с удовольствием выполнял возложенную на него работу...

Халид почему-то стал гладить уголки, вспомнил, с каким усердием вставлял их в указанное отцом место... Вдруг ему почудилось, что кто-то поблизости издает какие-то непонятные звуки. Хрустнули ветки... Оглянувшись назад, он замер на месте: в 30 метрах от него стоял... волк. Халид не знал, как себя вести: то ли стоять и не двигаться, то ли готовиться к обороне. На всякий случай прикоснулся к карманам тужурки и осторожным движением вытащил небольшой складной ножик. Халид не сомневался, что предстоит отчаянная борьба и его спортивная подготовка непременно пригодится. Волк был внушительных размеров, и его движения были мощны и выверены... «Серый» несколько раз поменял «стартовую площадку» для атаки, маневрируя перед решающим броском. Халид крепко сжимал в руках ножик, сожалея о том, что его лезвие слишком короткое для ощутимых ударов. Он точно знал, что если схватка и состоится, то в рамках бетонного квадрата: это его дом, пусть и недостроенный, и никакая дьявольская сила не заставит его покинуть родные владения!

Волк в два-три прыжка взобрался на фундамент и, оттолкнувшись от него, бросился к ногам человека... В следующий момент ловкий и проворный хищник вонзил клыки в колено левой ноги Халида, но тот успел всадить лезвие ножа в правый бок дикого животного. Волк отскочил и в следующий момент всей массой врезался в грудь Халида. Было ясно, что «серый» хотел достать клыками шею, но промахнулся... Отскочив на шаг, Халид сумел зацепить острием брюхо животного и успел заметить, что на снегу появились бурые пятна, правда, еще не было понятно, чья рана сочтется кровью... Хищник и не собирался отступать, и, казалось, полученные раны сделали его еще опаснее.

Очередной выпад «серого» заставил Халида отступить, и, падая, он выронил ножик в снег. Хищнику только это и надо было: его клыки принесли Халиду острую боль бедра правой ноги. Вдруг он отчетливо уловил собачий лай, и в следующий момент перед ним рыжий пес набросился на волка. Халид оторопел, он не мог ошибиться: это была Гуди...

- Гуди, Гуди, фас, фас! – воскликнул на радостях хозяин собаки. Животные сошлись в отчаянной схватке. Мощный лесной хищник, изловчившись, вцепился в шею Гуди, но та сумела вырваться, однако не убежала, а остервенело набросилась на дикого сородича. Волк был явно сильнее, и Гуди вновь оказалась внизу. Халид решил оторвать «серого» от Гуди, загнанной в угол. Он резво навалился на волка, сумел просунуть руки под брюхо и сделать «замок». Халид когда-то активно занимался классической борьбой, соперники всегда считали его хватку «мертвой». Прижимая к себе «серого», он встал на ноги. Попытки животного вырваться из крепких объятий человека были безуспешными. Халида вдруг осенила шальная мысль: его взгляд упал на торчащий уголок на поверхности фундамента, и он уже знал, как будет избавляться от матерого хищника. Халид точным движением «уронил» животное на острую железку и для надежности сам навалился сверху... Волк долго дергался, но все же успокоился под крепким телом человека. Халид встал и... присел рядом с Гуди, которая по-псиному выражала свою радость. Собаке было не до своих ран, она то и дело бросала благодарный взгляд на хозяина. Халид совсем не рассчитывал найти ее здесь, а собака не только нашла, но и пришла на помощь в момент особой необходимости.

...Возвращаясь в село, он увидел на снегу рядом со следами своих кирзовых сапог отпечатки собачьих лап...

Халид теперь уже не сомневался в том, где будет жить: твердо решил, что на участке земли, доставшемся ему от отца, обязательно построит новый дом, и это будет памятным уголком всей его жизни...

2019 г.

НЕ СМОТРИ МНЕ ВОСПЛЕД

Рассказ

1982 год

Поезд быстро ускорял свой ход. Договорившись с проводницей на ст. Прохладный, я сел в плацкартный вагон и обнаружил,

что свободных мест там не было. Стоя на проходе в первом отсеке, я ждал своей участи: место мне было обещано. Сбоку убирала свою постель миловидная девушка лет 20, которой по ее просьбе я помог закинуть матрац на верхнюю полку.

– Садитесь, – сказала девушка, тяжело вздохнув, на чеченском языке.

Я стоял в нерешительности: мне приятно было обнаружить в яркой эффектной блондинке свою землячку – чеченку, а еще ждал проводницу, которая должна была из своих «внутренних резервов» выделить мне место.

– Садитесь, садитесь, вы мне не будете мешать, место же все равно пустует.

Я сел. За окном мелькали редкие дома окраины города. Весенний день радовал глаз мягкими красками зеленых садов и высокой статью уличных тополей.

– Ни за что не признал бы в тебе свою соплеменницу, если б не твое обращение ко мне, – наконец, нашел я с чего начать разговор.

– Я тоже боялась ошибиться, хотя твои черты лица сокращали степень риска в определении национальности.

– Какой есть. Интересно, как мы, родственные души, со стороны выглядим такие контрастные внешне?

– Да, – согласилась она, – явно не хватает полутонов.

– Чувствую, наш диалог затянется надолго, по крайней мере, я готов его вести до станции Грозный, а потому не мешало бы нам познакомиться... Меня звать Али, можно попроще – Алик, – представился я, чувствуя себя все раскованнее.

– А я Малика...

– Можно, я тебя буду называть просто Аликой? Алик, Алика... интересное созвучие имен, не находишь? – спросил я.

– Нахожу. Сам бог велел нам встретиться, – игриво поддержала тон разговора моя собеседница.

– Но тогда я хочу спросить у своей неслучайной попутчицы, как получилось, что такую красивую девушку никто не сопровождает?

– А кому я, собственно, нужна? Еду издалека, а место, которое ты сейчас занимаешь, оставалось как бы вакантным до станции Прохладный.

- Я безмерно тронут тем, что для меня держали место аж из...
– Москвы. Даже нет – из Кургана.

Мои географические познания подсказывали, что девушка едет с далекого Урала.

«Наверное, студентка. А может, родители находятся в Курганской области на сезонных работах», – стал гадать я. Последняя версия мне показалась более убедительной, поскольку провинциальный уральский город не очень «годился» для учебы в вузе в виду отдаленности от родного очага.

– Если не секрет, едешь от родителей или к родителям, – наконец, прервал я паузу.

– Домочадцы ждут и не дождутся меня в Грозном, а в Кургане я была по личным делам.

– О своей поездке за тридевять земель ты рассказываешь, словно сбегала в соседний гастроном за продуктами...

– Успокойся. Со мной был брат, который задержался в Москве. Что касается моих личных дел на Урале, то я там была...

Пауза затянулась в поиске нужных слов.

– Может, не будем об этом, – наконец, выпалила она, и ее проникновенный взгляд изучающе остановился на мне. Она выразительно молчала.

Нарушить немую стенку я не хотел, и процесс беззвучного взаимного созерцания закончился шуточной репликой Алики:

– И они почтили минутой молчания свои невысказанные мысли...

– А самые глубокие мысли все равно плохо поддаются звуковому сопровождению, – философски парировал я.

– Трудно с этим не согласиться. Но давай все-таки попробуем озвучить нашу немую сценку. Только честно: о чем ты думал?

– Меня посетила шальная мысль, что мы с тобой открываем новую книгу своей жизни. И то, что мы в данный момент здесь сидим и мило беседуем – это как бы ее пролог или первая страница...

– Знаешь, я тоже думала приблизительно о том же. Но мне кажется, что «твою» книгу мы вряд ли напишем вместе...

Я вдруг почувствовал, как ее последние слова, словно лезвием полоснули мне сердце. Диалог предполагал бурное продолжение...

– Алика, было бы здорово, если эта книга имела бы двух авторов – единомышленников. Но знай: на худой конец я напишу ее сам, а ты будешь главной героиней моего романа...

– Вот как ... Я извиняюсь за резкость в суждениях, но вы, мужчины, быстро заводитесь, особенно, когда задевается ваше самолюбие. Ты же не знаешь обо мне буквально ничего, но уже записал в героини своего романа. Как бы ты сам первый исписанный лист не бросил в урну...

Во мне просыпался бунтарь. Эта милovidная девушка отдаленно напоминая известную киноактрису Ирину Мирошниченко, вдруг предстала передо мной каким-то запрограммированным чудо-роботом, в который «забыли» заложить душу.

– Алика, но ведь ты совершенно не знаешь, что из себя представляет мой внутренний мир. Значит, с твоей стороны не совсем тактично рядиться в тогу ясновидящей Ванги.

– Но зато я хорошо знаю себя, и не только свой внутренний мир, но и внешний...

– О твоём внешнем виде как раз судить мне, я ведь смотрю на тебя со стороны, – парировал я.

– Ты рискуешь ошибиться, потому что смотришь на меня сквозь розовые очки.

– Но меня устраивает твоя внешность, даже если я созерцаю отображение кривого зеркала.

– Это иллюзия. Ты тешишь себя сказкой, которую сочиняешь на ходу под стук вагонных колес. Что касается «отображения кривого зеркала»...

Она повторила эти слова. Потом еще... Хотела что-то сказать, но спохватилась...

Ее неожиданно повлажневшие глаза через окно были устремлены куда-то в синюю даль, где солнце уже приближалось к своему зениту. Особая жизнь бурлила в вагоне. Кто-то решал кроссворд, в соседнем отсеке азартно «рубилась в дурака», недалеко на верхней полке был слышен храп, где-то в конце вагона какой-то хриплый бард косил под В.Высоцкого. То и дело сновала по проходу проводница, совершенно забывшая, что должна была предоставить мне место. Впрочем, она могла довольствоваться тем, что я сам не потерялся в этой родной для нее стихии.

Я не стал лишним раз тревожить Алику. Чувствовал, что она страдает какими-то неведомыми для меня душевными переживаниями, которыми не желает со мной делиться. Наконец она задвинула занавеску, оглянулась вокруг, а затем решительно остановила свой взгляд на моих наручных часах...

– Алик, через час поезд причалит в Грозный, где на перроне меня будут встречать родители. Ты поедешь дальше до своего Гудермеса, где тебя поглотит та обыденность повседневной жизни, с которой на время расстался из-за отъезда. Я ни разу не спросила у тебя о личной жизни, потому что мне это не нужно. Не задавай подобных вопросов и мне, потому что тебе тоже это не обязательно знать. Мы говорим какие-то высокопарные фразы, а на самом деле все обстоит куда проще: у этой встречи просто нет будущего. В Грозном мы попрощаемся и разойдемся, как в море корабли, потому что всю оставшуюся жизнь нам будут светить разные маяки. И большая просьба тебе: не делай громогласных заявлений о своей решимости встречаться и дальше, ты этим себя только загонишь в тупик...

– Я вот слушаю тебя, Алика, и не могу догнать смысл услышанного. Неужели не понятно, что твоя загадочная просьба лишь подталкивает меня к даче клятвы об искренности намерений встречаться и впредь? Твой отказ лишь служит поленом для разгоревшегося костра. Твоему поведению есть только одно оправдание: я уже сделал вывод, что ты замужем...

– Ошибаешься, в обозримом будущем и не собираюсь. Не в этом дело... Даже если ты сейчас будешь божиться, что свободен от супружеских связей, ничего не изменится: судьба вынесла свой суровый вердикт задолго до того, как мы встретились. Ты, по всему видно, добропорядочный человек, мне такие нравятся... И желаю, чтоб у тебя в жизни все было хорошо...

– Ну что ж, навязываться не в моих правилах, я понимаю, что насильно мил не будешь. Но не спешишь ли ты ликвидировать опоры строящегося моста? Это вряд ли можно назвать благоразумным шагом.

– Лучше вовремя ликвидировать опоры, чем потом сжигать мосты. Ты потом поймешь, что я была права. И это случится не далее, чем до нашего расставания...

Поезд уже находился в черте Грозного. Вокруг все закопошились, готовясь к выходу. Алика сидела, запрокинув голову к задней перегородке. Светлые волосы закрывали часть ее лица. Она была чертовски красива. Я смотрел на нее и не мог отвести глаз. Поезд скрипнул тормозами, резко дернулся и остановился. Алика открыла глаза. Наши взгляды встретились в одной точке пересечения.

– Сфотографировал на память? – Спросила она, – вот такой и запомнишь... Встречи и расставания, расставания и встречи... Такова наша жизнь. Мир тесен, может, еще и встретимся... Алик, наступил самый тяжелый момент нашего расставания. Ты должен выполнить мою последнюю просьбу: покинь, пожалуйста, этот вагон, иначе мне трудно будет оставить тебя здесь...

– Нет, я хочу попрощаться с тобой на перроне по-человечески.

– Нельзя. Там меня, наверно, уже ищут родители. По-человечески будет, если ты сейчас закроешься в противоположном тамбуре. И очень прошу тебя: не смотри мне вслед. Именем Аллаха прошу, не смотри. Иди. И будь счастливым...

Я тихо побрел к дальней двери. Оказавшись в опустевшем тамбуре, я стал лихорадочно искать возможность взглянуть на Алику в последний раз.

«Не смотри мне вслед» – стояло в ушах. «Именем Аллаха прошу: не смотри...»

Дверь на перрон была открыта. Осторожно ступив на первую ступеньку и окинув взглядом привокзальную площадь, я чуть ли не отпустил поручни... Взгляд поймал среди толпы белокурую голову Алики. Она в окружении своих родителей шла по направлению к залу ожидания и ... сильно припадала на левую ногу. Холодная дрожь пробежала по всему телу: «Вот оно в чем дело...»

«Не смотри мне вслед...» – снова пронеслось в голове.

И я предательски закрыл глаза.

1987 год

Приятным июльским вечером я сидел на скамейке перед кинотеатром «Юбилейный» и ждал начала очередного сеанса. Рекламный щит «обещал» интересный фильм, но потенциальных зрителей на площади было немного. Обычно свою каждую по-

ездку в Грозный я заканчивал просмотром какого-нибудь фильма. Развернув свежую газету, я только успел «пробежаться» по заголовкам статей, как напротив остановился высокого роста молодой человек с подчеркнутой спортивной статью. Он заметно суетился, часто посматривал на часы, то и дело пристальным взглядом «изучал» каждый автобус, тормозивший недалеко на обочине дороги.

Наконец он обратился ко мне без особой надежды услышать исчерпывающий ответ на свой вопрос: «Что пишут?»

– Переписывают историю, – ответил я, измерив взглядом его внушительные габариты.

– Понятно... Горбачев открыл шлюзы для политиканствующих газетчиков, вот они и стараются перещеголять друг друга в очернительстве прошлого, – заметил он, садясь рядом на скамейку.

– Особенно достается Сталину, – оторвался я от чтения, но это, наверное, пробный шар перед готовящейся атакой на партию вообще и на Ленина в частности...

– Ты, наверное, состоишь в членах КПСС? – спросил сосед по скамейке.

– Даже не кандидат. А ты?

– Я активный член партии специалистов вольной борьбы. Этим и довольствуюсь.

– Странно. Вроде мы с тобой, как беспартийные, должны были поддержать сегодняшнюю ломку общественного сознания, а мыслим в унисон, но против течения, – резюмировал я.

– Я просто не верю в спущенную сверху гласность и внутренне протестую. В многонациональной стране такая политика может привести к большой смуте...

В это время к остановке подкатил оранжевый «ПАЗик», из которого первой слезла элегантная светловолосая девушка. Она помогла сойти с подножки маленькой девочке 3-х лет. Держа ребенка за руку, девушка направилась в нашу сторону.

Мой собеседник решительно встал и извинился, что вынужден прервать интересную беседу из-за начала киносеанса.

– Вот с женой и дочерью решили завершить выходной день просмотром кинокартины. Не знаешь, фильм путевый? – спросил он.

– Если верить афишам, то – да, – ответил я, и в следующий момент чуть ли не потерял дар речи: в трех шагах от меня стояла

она – Алика... В комбинированном красно-черном платье, в черных туфлях на высоких каблуках, она невольно привлекала к себе внимание. Ее светлые волосы были перетянуты красным бантом, который удачно дополнял со вкусом подобранный «прикид».

Я сидел, как вкопанный. В присутствии ее мужа у меня было мало шансов спровоцировать внимание Алики на себя. В то же время я уже чувствовал, что она узнала меня.

Когда они удалялись от меня, я смотрел им вслед и радовался этому удивительному единению человеческих душ. Как гармонично они смотрелись рядом! Алика шла грациозной походкой, держа за руку свое милое создание – дочурку, а их близкий человек выглядел надежным, как скала, телохранителем. Только, когда они исчезли в проеме двери, меня вдруг осенило: Алика ведь раньше хромала!? Перед глазами всплыл ее печальный облик в момент расставания, когда из уст послышалась просьба: «Именем Аллаха прошу, не смотри мне вслед!»! Вспомнил и то, как эта девушка неземной красоты шла по перрону, припадая на левую ногу...

Мне стало неловко перед самим собой. Наверное, краски стыда залили мое лицо, которое я попытался спрятать в ладонях ...

Опомнившись, что в моем кармане лежит билет на этот же сеанс, я быстро поднялся и через несколько мгновений очутился в темном полупустом зале. Фильм уже набирал обороты, и внимание зрителей было приковано к экрану.

Когда постепенно зрение привыкло к темноте, я увидел недалеко от себя знакомые три силуэта. Задние сидения за ними никто не занимал... до меня: я сел прямо за Аликой... Она косым взглядом «подловила» мое приближение и, должно быть, уже знала, кто ей «дышит в затылок».

Я практически не созерцал экран: мучил себя сомнениями, имею ли моральное право находиться рядом с ней? Наверно, Алика помнила, как тогда на станции Грозный я не стал покидать тамбур, не бросился вслед, попросту смалодушничал...

– Надо уходить, пока фильм не закончился, – решил я.

Достал из кармана записную книжку, в которой наощупь написал: «Я рад за тебя. И прости меня, грешного, за этот поступок... Алик».

Вдвое сложенный листочек я аккуратно сунул в полураскрытую сумочку Алики, что лежала левее от нее на свободном месте. В моих действиях был определенный риск... Обошлось.

Уходя, я обернулся у дверей, в надежде поймать ее прощальный взгляд: это означало бы, что она контролировала все мои действия. Интуиция не подвела: Алика проводила меня легким кивком головы... Я ответил тем же.

После этого я не видел ее ровно 8 лет...

1995 год

К концу лета центральный рынок Грозного по своей многолюдности приближался к довоенным масштабам. Кругом стояли разбитые дома, словно памятники вандалам XX века, может быть, самым жестоким в истории войн. Ради конечной цели – взятия города, российская военная армада не остановится ни перед чем. Армия крушила город, потому что она по-другому не умела воевать. Худший сценарий для «защитников» Грозного трудно было придумать: в конце декабря они готовились к обороне самого красивого города на Северном Кавказе, а спустя несколько недель покидали самый разрушенный населенный пункт на всем земном шаре.

Я стоял у угла кинотеатра «Юбилейный» и с грустью смотрел на его искореженный фасад. Было что вспомнить. Память листала страницы личной истории, выстраивая эпизоды из серии «Однажды в «Юбилейном» в отдельный ряд...

Недалеко от меня несколько женщин бойко торговали рыбой. Ассортимент был довольно богатый. Женщина справа с каким-то отрешенным видом сноровисто чистила рыбу от чешуи. Когда покупатель ушел, она убрала в черную косынку свои золотистые кудри и стала ждать следующего покупателя. Я, словно примагниченный, двигался к столу: какое-то неведомое чувство меня подталкивало вперед. Мое сознание отказывалось принимать явь: за прилавком стояла Алика...

– А живая рыба у вас не водится? – в шутку спросил я, подходя к столу.

– Тут недалеко в Сунже есть, может тебе удочку дать? – диалог принимал грубоватый оттенок.

– Алика, тебе не к лицу огрызаться, – с акцентом на первом слове ответил я.

Она резко посмотрела на меня и... прикрыла рот ладонью.

– Неужели, Алик, это ты? – глухим полусшепотом спросила она.

– Я...

– А я тебя часто вспоминала, – призналась она, не обращая внимания к подошедшим покупателям.

– Я тоже...

– Нам, наверно, есть о чем поговорить... У тебя время есть? – спросила она, видимо, точно зная, что ответ будет положительный.

– О чем речь... Конечно.

Сняв с себя фартук, она накрыла им несколько рыб на столе.

– Тут недалеко можно на лавочке посидеть. Не против?

Пройдя через автомобильный лабиринт, мы остановились у скособоченной лавочки. Оглядевшись вокруг, я визуальнo уточнил координаты своего местонахождения...

– Алика... ты эту скамейку помнишь? – с дрожью в голосе спросил я.

– Конечно, помню... Ты на ней сидел в далеком восемьдесят седьмом. А рядом с тобой был мой муж... Я подошла к вам, держа за руку свою дочь..., – Алика с трудом подбирала слова. В ее глазах появились слезы.

– По-моему, у тебя горе, Алика...

– Еще какое... Этих людей уже нет в живых...

Я выразил соболезнование.

– Впрочем, война не щадила никого. Посмотри вокруг, ведь в этих домах когда-то жили люди. Радовались жизни, ходили на работу, растили детей... Столько сломанных судеб... Многострадальный народ... несчастная республика, – Алика не стыдилась своих слез.

Я попробовал ее успокоить, но понял, что ей нужно выплакаться...

– Алик, я, наверно, родилась под несчастливой звездой. Хотя, конечно, белые полосы были и в моей жизни. Наша первая встреча стала возможной, потому что я попала в автокатастрофу... Да, да, именно так. Меня выносили и поставили на ноги великие вра-

чи из Кургана и Москвы. Если б не они, быть бы мне калекой на всю жизнь. Вот в одну из моих поездок мы и встретились... Потом я удачно вышла замуж. Супруг был золотым человеком. Как красиво он за мной ухаживал... Помнишь, вот здесь он сидел, ждал меня... У нас были красивые дети: дочь и сын... Теперь все это в прошлом...

– Алика, я не хочу бередить твои раны, но ты не договаривайся...

– Мне тяжело об этом говорить. В декабре я отправила детей к родственникам в горное село, а сама осталась в городе, потому что муж наотрез отказался покидать наш дом. Все думали, что город за несколько дней освободят и мирная жизнь быстро наладится. В начале января Грозный бомбили дено и ночью. Мы практически безвылазно находились в подвалах. Однажды вечером с улицы принесли весть, что наш дом горит. Муж выскочил под свист пуль, хотел что-нибудь да спасти. Прибегает, а в руках – куча книг, завернутых в простыню. Побежал еще раз... Долго его не было... Решила проверить... А он за углом дома лежит в снегу, весь в крови, рядом разбросаны книги... Тоже в крови... Он очень много читал, собирал домашнюю библиотеку...

Мне помогли оттащить труп в ближайший подъезд. На следующий день мы с риском для жизни похоронили его в соседнем саду. И только тут обнаружили, что у него за пазухой была книга Абузара Айдамирова «Долгие ночи» ... Он его очень обожал...

В конце февраля я покинула город в направлении Толстой-Юрта. На месте нашего дома были одни руины. Сравнили с землей и родительский дом. Еле добралась до села, где оставила своих детей. Два месяца их не видела...

Алика плакала. Редкие прохожие останавливались, предлагали помощь.

– Почему Аллах не смилостивился надо мной, над моими близкими? Почему грешили одни, а пострадали другие? Мужа потеряла, все нажитое за полчаса превратилось в пепел. Надеялась, что детей встречу живыми и здоровыми... А в селе – траур. Под авиабомбами погибло несколько человек и среди них мои дети: десятилетняя дочь и пятилетний сын... Не знаю, как я с ума не сошла после этого...

Я смотрел на ее вздрагивающие плечи, на дрожащие руки, хотелось утешить какими-то особыми словами соучастия, но предательский комок застрял в горле...

Алика вдруг посмотрела на меня и спросила: «А у тебя-то как?»

– У меня все нормально...

– Слава богу, что не всех настигла эта беда...

– Алика, может, я чем-то сумею тебе помочь, у меня много друзей во властных кругах...

– Ничего не надо. Мои родители уже уехали жить в Поволжье. Скоро и я собираюсь туда переехать. Я не могу здесь больше жить, ежедневно видеть эту разруху: нервы на пределе... Поживем на стороне, а там посмотрим... Может, Аллах вернет на нашу землю покой и благоденствие?.. Может, и вправду мы когда-нибудь встретимся здесь еще раз в отстроенном заново кинотеатре...

– Дай-то бог!

– Вот такая печальная развязка получилась у твоего ненаписанного романа...

Тогда, расставаясь, мы, конечно, не знали, что впереди нас ждет еще одна война и новые испытания...

Мовла Гайраханов

Мовла Сатаевич Гайраханов родился в с. Верхний Наур Надтеречного района Чеченской Республики. Член Союза журналистов России, победитель и финалист международных и всероссийских конкурсов писателей и журналистов. Член Союза писателей России, руководитель литературной студии СП Чечни, автор нескольких книг.

Рассказы

МОЛИТВА МАТЕРИ

Бомбы и снаряды ложились кучно, рядом с селом. Стоял ужасающий грохот. Казалось, все темные силы зла поднялись

из преисподней и завыли в один голос. Страх заставлял людей укрываться в подвалах, прятаться за укрытиями, вслушиваясь в ужасающую какофонию звуков. В любой миг все это могло закончиться одним попаданием снаряда, и это ожидание худшего делало невыносимым настоящее.

Земля ходила ходуном, стонала от боли, мучаясь от ран, наносимых безжалостным оружием.

Жить! Как сильно хотелось жить! Смерть она всегда там, где есть жизнь, но на войне жизнь и смерть становятся одним целым, грань между ними столь тонка, что жизнь живет ощущениями смерти. Смерть смотрит в тебе лицо, вот через миг она станет твоей, выдернет тебя из этой жизни и унесет в неизвестность и неизведанность. Люди даже не смогут искренне оплакать тебя, потому что их души плачут о своих собственных жизнях, в которых вцепилась смерть...

Прошлая мирная жизнь – как сказка. Оказывается, в ней не было больших проблем, просто мы сами не умели их реально оценивать, относиться к ним ровно настолько, насколько они того стоили. В мирной жизни смерть казалась чем-то далеким, она могла прийти, когда ты состаришься, когда жизнь потеряет свою остроту и яркость красок, и можно будет, насытившись ею, уйти в вечность.

Война показала, что старики тоже не жадуют расставаться со своими жизнями, они хотят жить также сильно, как и малые дети, инстинктивно ищущие защиты в материнских руках.

Под градом снарядов все люди одинаково бессильны. Каждый последующий взрыв может оказаться последним для любого человека, и малого, и старого. Всем одинаково страшно, ужас леденит души, каждый вой заставляет замирать сердца, каждый взрыв приносит облегчение: «Слава Всевышнему, что пронесло мимо»!

Война очень сильно обостряет чувства. Вот уже несколько часов установилась необычная тишина. Не такая, какая бывает в мирной жизни, совсем другая, таящая в себе неизведанность. Вроде бы ничего не изменилось, но вот соседка, набирающая воду из колодца, вдруг остановилась, отпустила колодезный журавль, зазвенела цепь, и ведро с водой полетело обратно в колодец.

Старушка на крыльце ойкнула и засемила в сторону подвала, но не успела до него дойти, как воздух рассек ужасающий рев. Он продолжается неимоверно долго, бежать куда-либо бесполезно. Ты прижимаешься к земле и ждешь, не ведая того, чья смерть уселась на кончике летящего снаряда...

Старушке нужно пройти через ограду, и она своим грузным телом чуть ли не перескакивает через нее. В ее глазах виден ужас, она стремится нырнуть за бетонную стену подвала, чтобы укрыться там.

Твое тело колотит дрожь, ты никак не можешь привыкнуть к этой бомбежке. Снаряд еще не упал, но ты видишь перекошенное от страха лицо соседского мальчика. Мать, которая почувствовала опасность у колодца, бежит, прижимая его к себе. Видно, что мальчик плачет, но рев снарядов перекрывает все остальные звуки. Земля содрогается и уходит из-под тебя, но сейчас она ближе, чем родная мать. Ты не знаешь, где мама, и что с ней случилось. В голове мелькает мысль, о Судном дне, когда младенцы поседеют, и родители покинут детей своих, и дети покинут своих родителей, и брат забудет брата своего...

Чем этот день лучше дня Судного? Летящий огонь сокрушает все на своем пути, и ты можешь быть только жертвой, потому что этот огненный вал летит за твою жизнью и за жизнями тех, кто рядом с тобой. Земля вновь и вновь стонет и содрогается от боли. Она вбирает в себя всю мощь раскаленного металла. Ты, обнимаешь своим телом землю, и чувствуешь эту боль, которую твоя земля отвела от тебя. Кажется, сердце готово выскочить из груди.

Ведь никто и никогда не говорил тебе, что придется пройти через такое испытание войной. Никто не научил быть готовым к тому, что тебя и твоих родных будут убивать, убивать ни за что, убивать только потому, что на войне принято убивать...

Ты еще не знаешь, что случилось, но что-то подсказывает, что в этом обстреле были жертвы. Вновь установилась тишина, обманчивая и коварная. Ты лежишь там, где тебя застала бомбежка. Пожелтевшие ореховые листья послужили тебе постелью, ты вглядываешься в них, и понимаешь, что в мирной жизни не замечал их красоты. Может быть, в твоей жизни уже не будет дру-

гой осени, и ты в полной мере наслаждаешься красотой опавших листьев.

Мать выходит из подвала и ищет меня. Я прошу вернуться ее назад в укрытие. Она никак на это не соглашается, и приходится бежать к ней, с сожалением покидая место, которое сохранило и уберегло.

Мои глаза не успели еще привыкнуть к темени подвала, как вновь начался обстрел. Теперь он будет недолог, нужно потерпеть, казалось бы, каких-то пятнадцать минут, но именно эти минуты могут оказаться последними в твоей жизни. Это такая тактика, когда прекращается обстрел, люди инстинктивно покидают места своих укрытий, чтобы вновь попасть под убийственный огонь...

Слухи в обычной жизни отличаются от слухов военного времени. Вроде бы со двора никто не выходил и никто не входил, но в подвале шепотом идет разговор, что на соседней улице убило мальчишку пятнадцати лет. Мать привезла своего единственного сына из города, спасая от войны, и здесь его настигла смерть, от которой он бежал. Говорят, мальчишка просил его оставить дома, где бы он ни был, ему суждено умереть. Видно чувствовал, бедняжка, свою скорую кончину. Эта весть действует на всех удручающе. В глубине души тлела надежда, что это безумие скоро закончится, что военные нас только пугают, хотя непонятно, зачем им это нужно.

В чеченском обществе принято три дня принимать соболезнования по усопшему, но для нас практически невозможно сходить на другую улицу, это сопряжено с огромным риском, да и не хочется оставлять родных, не ведая о том, что может случиться даже через минуту. Каждый из нас на своем месте молится за себя и за тех, кто уже никогда не сможет помолиться.

В этот день мы расстаемся со своими иллюзиями, обстрелы начинают уносить жизни людей. Ночью в подвале воцаряется полный ужас. Теперь и самые малые дети чувствуют, что не укроются от опасности, даже в материнских руках. Все истово молятся, но каждый про себя, потому что самая громкая молитва не способна перекрыть грохот пролетающих над нами снарядов. До утра ужасный рев не прекращается ни на минуту. Напряжение последних дней отключает организм от действительности. Это

даже не сон, это нечто другое, когда твоя душа уносится из этого мира. Утром старушка-соседка с глубокой завистью говорит: «Какой ты счастливчик, если способен спать таким умиротворенным сном, когда весь подвал ходит ходуном».

Я благодарю Всевышнего за то, что он дал мне возможность набраться и сил и внутренне подготовиться к опасностям нового дня, может быть, последнего дня в моей жизни...

Война – это другая действительность, другая жизнь. Вроде бы всю жизнь прожил рядом со своими соседями, но, оказывается, совсем не знал их, не знал самого себя. Мы все лишены многого, но при этом все очень сдержаны. Куда-то исчезли тщеславие, самолюбие, всех объединяет желание выжить, и людей интуитивно тянет друг к другу. Страх заставляет всех собираться вместе. Пройдет еще немало времени, пока каждый из нас уйдет в свой дом. Теперь наши дома стоят пустые, осиротелые, и все их хозяева спокойно умещаются в подвале отцовского дома. Дом, в котором я вырос, мне кажется чужим и неудобным. Он не способен меня укрыть от опасности, он сам беззащитен и брошен. Холодные комнаты живут своей жизнью, в которой нет места для меня. Еще никогда я не ощущал себя столь чужим в своем родном доме, как во время войны.

Мне всегда казалось, что мой дом – моя крепость. Война показала мне, что в этом мире моя крепость – это моя молитва, которая помогала не сойти с ума, пережить то, что сложно пережить нормальному человеку, и при этом оставаться нормальным человеком.

Войну легко начать, но трудно закончить. Она продолжается даже тогда, когда пушки перестают стрелять. Она живет в душах тех, кто подвергся ее воздействию, она никогда не заканчивается для матерей, похоронивших своих детей, она продолжается всю жизнь для тех, у кого она отняла родных и близких людей...

Испытание войной многие не пережили. Сельское кладбище за несколько лет разрослось вдвое. Конечно, не все погибли под обстрелами и бомбежками, просто война отобрала у них силы для жизни.

Белый снег лег на могильные холмы. Зимняя вьюга кружит снежинки в печальном танце. Я стою над могилой матери и читаю

молитву, как тогда, под жутким обстрелом. Я знаю, что не будет больше в этом мире для меня столь искренней молитвы, сравнимой с той, которую за меня возносила моя мама.

ПЕРЕД ПОРОГОМ ВЕЧНОСТИ

Сентябрьское солнце ласково грело землю. Обожженная летним зноем желтая трава уступала место молодой зеленой поросли, которая свежими узорами приукрашивала земляной покров. В такую пору нашему взору предстают уходящая и новая жизнь. Точно также и мы уйдем, уступая место новой жизни, с грустью вспоминая ушедшую юность и былую свою привлекательность.

Осень почему-то насыщена печалью, мы и сами не осознаем, почему тоскливо на душе, отчего плачет душа. Может быть, она чувствует боль умирающих трав, уныние опадающей листвы, холодные слезы проливных дождей?

Сложно найти ответ, вероятно, осень демонстрирует нам бренность этого мира, скоротечность нашей жизни и приближение того дня, который оборвет наше пребывание на этом свете.

Как бы то ни было, очарование осени в том, что в самом круговороте жизни, ее суете, призрачных мечтах и надеждах, она демонстрирует нам конечный итог всех наших поисков и планов. Осень, как и сама жизнь, быстротечна. Очень скоро зимний холод накроет землю ледяным панцирем, голые ветви деревьев будут сиротливо раскачиваться под напором холодных ветров, а опавшая листва станет частью земли, не оставив даже своего следа пребывания здесь. Как схожи наши судьбы!

В юности я очень радовался весне, у нас с ней было много общего. Душа тянулась к знаниям, постижению мира, впереди были непознанные дали, множество непройденных дорог, бурлила неудовлетворенная страсть открытий, и была уверенность в собственной непогрешимости и возможностях. Как остро ощущались запахи весны, как пьянили ароматы акации и сирени! А ведь вся эта красота создана Всевышним ради ублажения наших душ.

Сейчас моя душа более гармонична с осенью. Мы с ней знаем, что было, наслаждаемся каждым мигом в преддверии холодно-

го безмолвия. Познание жизни было далеко не безболезненным, подводя ее первые итоги, осознаешь, что есть чего стыдиться, есть о чем сожалеть и есть, кого оплакивать. Однако это моя жизнь, другой такой уже не будет никогда и ни у кого, в этом и есть одно из проявлений величия Всемогущего Творца. Странствовать в прошлом способна только мысль, каждая секунда закрывает для нас двери в былое. Нам не дано переделывать сделанное, мы можем только каяться или исправлять ошибки посредством других дел. Осень демонстрирует, как мало осталось времени, как много не пройдено дорог.

Однако было бы неправильно рассуждать о том, что осень является только вестником конца, это еще и пора сбора урожая. Плоды наших трудов помогут нам пережить зиму, плоды наших добрых дел спасут наши души там, где не будет другого спасения.

Жизнь научила соразмерности. Бренный мир манит, однако есть еще неизведанная вечность, и она будет для нас именно такой, какую мы заслужили.

Прожить эту жизнь достойно весьма сложно, слишком много соблазнов, слишком много жестокости и бесполезной борьбы. Современный человек не имеет возможностей плыть по течению жизни, доброта воспринимается как проявление слабости, терпеливость сродни трусости, умение прощать – признак несостоятельности вершить свое возмездие! И только скупость воспринимается как рачительность умелого хозяина.

Прожив почти полвека жизни, душа стремится к золотой середине, сердце уже перестало остро и болезненно воспринимать чужую боль, слишком много ее в этом мире, и где же найти сосуд, способный ее вместить. Люди больше жаждут управлять болью, стремятся властвовать и распоряжаться чужими судьбами. Как опасна эта стезя для вечного будущего души, как много пропастей и ловушек на этом пути! Увы, многие уже потеряли чувство страха перед неизведанным, вечность закрыта тяжелой завесой, непробиваемой для окаменевших сердец.

Мусульманская мудрость гласит, что победы сильных достигаются благодаря молитвам слабым! Есть в этом изречении нечто такое, что требует от сильных мира сего действий, направленных на защиту интересов бедных и слабых. И только это защита

приводит к искренней молитве сирых и убогих, между которой и Всевышним Творцом нет никаких преград.

Почти вся жизнь прожита. Что же ждет нас за ее порогом? Каков откуп души, отягощенной грехами? Как ее отмолить? Чем выкупить?

Нет у нас ответов на эти тяжелые вопросы. А ведь каждый год эти вопросы перед нами ставит осень. И рождается мольба о разуме, способном разглядеть, душе, способной встревожиться и очиститься.

Жизнь прошла, и мы познали истину. Мы не смогли сделать этот мир справедливым, он намного сильнее нас и функционирует по своим законам, но и он не в состоянии отобрать у человека выбор в пользу справедливости.

За порогом этой жизни нам уже не будет важна реальность бренного мира, душа обретет покой в вечности. Какой же она будет для нас за порогом вечности?

БУРАН

(из цикла «Армейские рассказы»)

Сочетание «краткосрочный отпуск» очень точно и емко отражает смысл этого выражения. Именно «краткий» и «срочный». Не успел отоспаться и наесться лакомых блюд, нужно готовиться в обратную дорогу. Встретив Новый год в кругу родных и близких, с набитыми сумками с разными «вкусностями», я отправился дослуживать свой срок в ряды рабоче-крестьянской Красной армии. В дороге мне почему-то взгрустнулось, а природа, наоборот, развеселилась. Когда оставалось несколько десятков километров до моей войсковой части, сильный снегопад и ветер сделали дальнейший проезд невозможным. Долгое сидение в придорожном кафе действовало мне на нервы, хотелось добраться до места, пока мое отпускное удостоверение действительно. Просрочив отпуск, я подводил свое начальство, которое поощрило меня таким приятным образом. В конце концов мне удалось уговорить одного офицера довести меня в кузове «КамАЗа-вездехода», кото-

рый делал попытку пробиться через снежные заносы. Попытка удалась, но в километрах десяти от места моей службы наши пути разошлись. «КамАЗ» уехал в другую сторону, оставив меня посреди дороги наедине с бушующим ветром. Можно было срезать дорогу, и тогда от десяти километров петляющего асфальта оставалось примерно километров семь прямого пути.

На высоком холме в безлюдном месте стоял домик или, выражаясь по-военному – «точка», где четыре солдата несли дежурство по обеспечению наземной связи для самолетов военной авиации. Одним из этих четверых был я, солдат срочной службы, возвращающийся из краткосрочного отпуска. И мне нужно было спешить, пока темнота не покрыла собой землю. Срезая дорогу, я лишал себя возможности получения людской помощи, но кто в 19 лет сомневается в своих силах?

Сильный ветер почему-то всегда бил в лицо, иногда я проваливался по пояс в снег, но дорога медленно и верно покорялась мне. Вечером похолодало не на шутку, пришлось бросить сумки с продуктами. Онемевшие пальцы рук сильно болели, и я вынужден был освободиться от ставшей непосильной ноши. Ночная темень быстро окутала землю, снег закрутился в бешеной пляске, ураганный ветер начал забивать легкие. Грубая солдатская шинель стала деревянной: промерзшая насквозь, она не сохраняла тепла и только мешала ходьбе. Очень скоро я начал терять ощущение пространства, мне стало казаться, что я иду в неверном направлении, и когда совсем отчаялся дойти до места назначения, то заметил вокруг себя деревья. Я попал во фруктовый сад, в направлении которого шел, и где мне были знакомы почти все ее яблони, груши и вишни. До моей «точки» оставалось несколько сотен метров, но я не знал, в какую сторону идти. Оставшись в открытой степи, я мог отклониться от верного пути и проплутать сколько угодно. Здесь же недалеко от своего жилья, в кромешной тьме, я переходил от одного дерева к другому, мне казалось, что я иду прямо, но маленький сад стал для меня бесконечным лабиринтом. В непролазной темноте, закрытый от мира стеной кружащего снега, замерзший и обессиленный, я пытался найти выход из положения. Чутье подсказывало, что нельзя останавливаться, нужно двигаться, пока хватит сил. Домик находился в каких-то

ста метрах от сада. Темные стволы деревьев дарили надежду на лучший исход. Когда они пропадали, страх сжимал промерзшую насквозь душу. Я спешно поворачивал назад, чтобы вновь затеряться среди неприветливого зимнего сада.

Летом я любил ходить в этот сад, лежать в прохладной тени его фруктовых деревьев. Когда-то он кормил меня свежими фруктами, и вот теперь стал непреодолимым препятствием.

Наступил такой момент, когда я понял, что силы иссякли, нужно было вырыть нору в сугробе под деревом и прилечь. Руки совсем онемели и не слушались, бесстрастный ветер проникал везде и всюду. Прислонившись к дереву, я присел, обхватив руками голову. Мысли унеслись куда-то далеко, сознание уходило из этого недружелюбного места, где бушующий ветер немилосердно хлестал обессилившее тело. В этой безумной свистопляске слышались звуки собачьего лая, но это был сон, в который я проваливался...

Кто-то тащил меня по снегу, ветер подхватывал звуки человеческих голосов и уносил в бесконечное черное пространство. Буран рождал странные звуки, где ясно слышались нотки скулящей от радости собаки...

Я лежал на деревянном столе, покрытом одеялом. Трое моих сослуживцев усиленно обтирали меня спиртом, массажировали лицо, уши, руки и ноги. Сознание начало возвращаться в действительность, и в первый момент я не понял, где я и что со мною происходит. Тепло стало проникать в тело, хотелось спать, спать, спать... Меня тщательно укутали и уложили в постель.

Когда я открыл глаза, белый свет пробивался через окно, и хотя ветер еще бесчинствовал на улице, сквозь толщи облаков пробивались редкие солнечные лучи. Я вспоминал события вчерашнего дня, и для меня являлось загадкой, как мои товарищи узнали, что я лежу именно под этим деревом этого небольшого и вместе с тем бесконечного сада. Их рассказ очень удивил меня, в эту историю из других уст я бы вряд ли поверил. У нас на объекте был пес, немецкая овчарка по кличке Буран. Будучи мусульманином, я никогда не ласкал его, не позволял себе гладить этого пса, но у нас были очень дружеские отношения. Мы с ним понимали и уважали друг друга.

В ту ночь Буран сорвался с цепи и начал царапать дверь домика. Сначала ребята подумали, что ему страшно и холодно, и решили впустить его в дом. Но собака громко скулила, отказывалась заходить в домик, отбегала в сторону и снова звала ребят за собой в темноту. Буран несколько раз повторял свои попытки, пока парни не вспомнили, что в этот день заканчивается мой отпуск и, возможно, собака чувствует беду.

Когда они оделись и вышли, Буран побежал в сад, чего не позволял себе раньше. Собака была приучена охранять объект и периметра с колючей проволокой она никогда не переходила. Овчарка временами останавливалась, чтобы ее могли догнать, и привела моих товарищей к тому дереву, под которым я замерзал...

Утром я вышел на крыльцо, пес сидел на задних лапах и внимательно глядел на меня. В его добрых глазах я читал вопрос: «Как ты себя чувствуешь, друг?» Это умное животное, кроме своих природных инстинктов, обладало таким качеством, как сострадание, которое присуще не каждому человеку. Буран прочитал в моих глазах слова благодарности, стыдливо опустил голову, а потом в его глазах заискрилось веселье: «Хорошо, что все так обошлось! Вам, людям, иногда такие простые вещи весьма трудно объяснить!»

Холодная зима сменилась теплой весной, министр обороны СССР издал приказ об очередном увольнении-призыве. Заканчивалась моя армейская жизнь, пора было уходить на «гражданку».

Пес чувствовал разлуку, постоянно крутился возле моих ног. Хотя другие солдаты обращали на него больше внимания, Буран считал свою дружбу со мной особенной. Я никогда не любил ни собак, ни кошек, но этот умный пес обладал множеством достоинств, за которые нельзя было его не любить. В последний день мы долго сидели рядом друг с другом. Буран не умел разговаривать, но в его глазах я видел печаль. Когда я вышел из домика с вещами, он сделал попытку сорваться с цепи. Я подошел к нему и присел на ноги, чтобы проститься. Он положил мне лапы на колени, и мы по-дружески обнялись с ним в первый и последний раз, я заметил, как из красивых глаз собаки стекали капли слез...

КАЗАРМА

(из цикла «Армейские рассказы»)

Синий свет лампочки отсвечивал в дальнем углу казармы, рассеивая ночную тьму. Тишину ночи нарушали храп и вздохи спящих солдат. Дневальный, пристроившись на тумбочке, мирно спал, так же, как и дежурные офицер и сержант.

Половина казармы, как всегда, пустовала. Дежурные смены солдат находились на объектах обеспечения наземной связи для военной авиации. Солдаты любили уходить на дежурство, потому что в казарме они находились под неусыпным оком начальства, а на объектах оно появлялось только для проверки и контроля.

Горбачевская «перестройка» пришла в армию в виде расстегнутых верхних пуговиц и дополнительного 20-граммового кусочка масла. Предоставление таких «вольностей» расшатало устои и традиции Советской Армии. Первые полгода службы солдат даже мечтать не мог о расстегнутой верхней пуговице гимнастерки или горбушке хлеба. И то и другое возбуждалось старослужащими под страхом неотвратимого наказания. Проходившие первый год службы с застегнутым крючком на воротнике гимнастерки «деды» не смогли простить такого безобразия «перестройке». Горбачев потерял свой авторитет в армии. Проживший два года в кирзовых сапогах человек никогда не позволил бы себе такой «глупости». Если раньше офицеры заставляли всех застегивать крючки, то теперь требовали от молодых солдат, чтобы они их держали расстегнутыми. «Дедов» вид молодых «салаг» со следами привилегий старослужащих в форме одежды бесил. Армия, как всегда, с неодобрением переживала очередную реформу, приводящую к внутреннему конфликту.

С первыми лучами солнца дежурный по роте подавал команду «Рота, подъем!» Кто-то быстро подскакивал, чтобы одеться, кто-то медленно отходил ото сна, а некоторые с кровати обсыпали сержанта отборным солдатским матом. Сержант благоразумно не замечал такого отношения к своей команде. Излишнее рвение среди солдатской братии возбуждалось, до появления дежурного офицера старослужащие имели полное право досматривать свои прерванные сны.

До утреннего «развода» молодые солдаты лениво пробежали «стометровку». Обрато они возвращались, медленно раскуривая дешевые сигареты. «Деды» от зарядки себя освободили, но строго следили за тем, чтобы молодые «духи» соблюдали установленный в армии распорядок дня. До появления офицеров дневальные наводили «марафет» в казарме. «Машка» – большая швабра с тяжелым деревянным ящиком, с прибитым вниз сукном от шинели, протаскивалась через все помещение казармы. «Машка» занимала особое место в солдатском фольклоре. Армия не знает слова «можно» в вопросительной форме, оно заменяется уставным «разрешите». При любой просьбе новобранца со словом «можно» всегда упоминается «Машка», с ее длинной деревянной «ляжкой».

Построенный на «развод» батальон всегда вызывал праведный гнев командира. Унылый вид солдат, неохотно отдающих долг Родине и при первой возможности «сачкующих», не вызывал в нем чувства гордости за вверенное ему подразделение. Внешний вид некоторых солдат иной раз приводил его в ярость, сильные руки отца-командира приподнимали очередную жертву с пола и раскачивали ее. Виновного назначали в наряд или отправляли на гауптвахту в назидание другим. Другие уроков из этого не извлекали. Следующей жертвой командирского гнева мог стать любой из них.

После «развода» солдаты строем отправлялись в парк, чтобы на служебных «КамАЗах» двинуться на завтрак в полк. Полк располагался в нескольких километрах от аэродрома, но жил одной жизнью с ним. Холодная столовая всегда напоминала восточный базар, потому что сотни сыновей Средней Азии всегда ошивались возле нее, соблюдая солдатскую заповедь «поближе к кухне, подальше от начальства». Повара-узбеки научились так готовить пищу, что ее всегда оставалось очень много. Отходы пищи быстро заполняли большую яму, в которую все скидывалось. Солдаты шутили, что от переизбытка съеденного овса на «гражданке» будет стыдно смотреть в глаза лошадям.

Иногда в столовой возникали драки. Сотни «азиатов» считали столовую своей собственностью, «чужаки» с другим типом лица не всегда с этим соглашались. И тогда в качестве весомых аргументов «за» и «против» выступали черпаки и кулаки.

Советскую Армию раздирали межнациональные распри, которые были сильнее законов «дедовщины».

После завтрака солдат отвозили на аэродром, где они расходились каждый по своим объектам, чтобы сменить дежурную смену.

Самолеты с ревом садились на бетонку и так же с ревом взлетали с нее. Солдаты, которых часто отчитывали, плохо кормили и иногда отправляли на «губу», становились на боевое дежурство и обеспечивали взлет и посадку военных самолетов. Летом учебные полеты продолжались почти круглосуточно, и тогда солдаты целые сутки не выходили из своих РЛС и РПС. Каждый чувствовал, какой груз ответственности ложится на его плечи, и добросовестно исполнял свои обязанности. Никто не имел права на ошибку, и солдаты не ошибались. Вчерашние школьники, призванные со всех уголков огромной страны, они делали работу, достойную настоящих профессионалов. На объектах офицеры понимали, что нельзя унижать людей, выполняющих столь ответственную работу. Однако после дежурства солдаты вновь возвращались в казарму, где их отчитывали за внешний вид и неотполированную бляшку ремня.

Вечером всех загоняли в ленинскую комнату, чтобы посмотреть программу «Время». Если бы замполит мог слышать и понимать комментарии своих подчиненных, он бы повесился на первом суку. Бог освободил его от знаний таджикского, абхазского, чувашского и других языков нерушимого Союза. Однако этот неглупый и ленивый человек понимал, что в данном конкретном случае незнание – сила. Ибо сердцем ведал он, о чем говорят.

Солдатская казарма, с ее каптерками, сушилкой, ленинской комнатой, дежуркой, всегда жила своей жизнью после отбоя. Кто-то уходил в «самоход», кто-то чаевничал в каптерке, иные выясняли отношения в сушилке или в камышах за казармой в зависимости от намерения противника.

«Дембеля» занимались своими альбомами и формой, молодые услужливо помогали им, покровительство «старика» давало свои маленькие привилегии, которые многое значат в тесном мужском коллективе.

В солдатской службе самыми трудными являются последние два месяца, когда дни тянутся медленней, ночи становятся длин-

ней. Гражданская жизнь представляется сплошным праздником, с музыкой и танцами.

Наконец наступает день, когда ты прощаешься с друзьями. Остались в казарме земляки, которые стали тебе как родные братья, таджик Бача, который мышью смешно называл «питичкой», а русскую речь в разговоре щедро разбавлял восточными словами. Остались друзья – украинцы, русские, грузины, балкарцы. Сударик из Орла подвез на своем ГАЗ-66 до КПП, крепко пожал руку, поздравил с новой жизнью и – прощай, служба! Последний раз бросаешь взгляд на бетонку, стройный ряд красивых самолетов, казарму, в которой прожил полтора года. С этого дня твоим позывным будет пользоваться другой мальчишка, который займет твое место в ставшем родном пеленгаторе. Но это уже ничего не значит, потому что все это осталось в прошлом навсегда, и уже, дай Бог, никогда не вернется в твою жизнь.

ДРУГ

(из цикла «Армейские рассказы»)

Нам выпал редкий счастливый билет, когда строевая подготовка закончилась, а политзанятия еще не начались. Замполит ранее заставил нас переписать имена всех членов Политбюро КПСС, а записи с перечнем стран Варшавского Договора куда-то затерялись. Многие новобранцы не знали, кто потенциальные враги, а кто друзья Советского Союза. Замполит хотел ликвидировать этот пробел, однако время показало тщетность его усилий. А пока у нас было 10 минут собственного времени, чтобы «покемарить» на деревянных табуретках. Мы хотели использовать эти десять минут с пользой для «тела», но события, развернувшиеся в коридоре казармы, прогнали сон напрочь. Сначала рыжий сержант повел двух новобранцев в каптерку. Здоровый, крепкий славянин и маленький, хиленький азиат шли в новую для себя жизнь, которая начиналась с той минуты, как они скинут с себя гражданскую одежду. Мой сосед справа спрогнозировал ситуацию, сказав, что хилый азиат станет первым кандида-

том в «чмошники». Я заметил блеск его глаз и был уверен, что парня нелегко будет «сломать». Этот диалог прервала картина, до сих пор нами невиданная. Наш грозный и сильный сержант очень несолидно бежал по коридору, повизгивая по-женски. Позади него стремительно неся худощавый «маугли», угрожающе размахивая топором. Огромное желание жить и удача помогли сержанту выскочить из казармы прежде, чем азиат успел его догнать. Тяжело дыша, узкоглазый юноша, почти мальчишка, стал в середине прохода, его глаза выражали решимость защищать свою честь и достоинство, чего бы ему это ни стоило. Судя по его поведению, парню предстояло перенести много испытаний, его бунтарский дух был нам симпатичен, и мы подошли познакомиться с ним. Его звали Ахмед, он был родом из Туркмении. Хотя в казарме было много его земляков из Средней Азии, он прибил к нам, выходцам с Северного Кавказа. Это был мальчишка, в котором юношеский максимализм превалировал во всем. Тонкий, как тростник, он терпеть не мог унижений, такие черты, как покорность и терпеливость, ему не были даже знакомы. Это был маленький волчонок, который не прощал обид. Ему не было еще 18 лет, родителям пришлось прибавить ему возраст в паспорте, чтобы отправить в армию и тем самым спасти от тюрьмы.

Любую обиду, нанесенную своим друзьям, Ахмед воспринимал как свою личную. В любой ссоре или драке он был готов принять первый удар на себя, в его маленьком теле жил сильный дух воина. И это заставляло многих держаться от него подальше.

Нам часто приходилось сдерживать его кипучую натуру. Его вера в нас, своих старших друзей, заставляла Ахмеда сдерживать свои эмоции и порывы. Однако уберечь его от беды мы все же не смогли. В очередной потасовке он сломал нос парню, который оказался прокурорским сыном. Это была драка двух парней, в которой обоим хорошо «досталось», но одному не повезло больше. В нашей «учебке» почти каждый день кому-то засвечивали «фингалы», ломали челюсти и носы, и все это оставалось без последствий. В отношении же Ахмеда возбудили уголовное дело, и его посадили на гауптвахту на время следствия.

До нас доходили слухи, что он сидит в холодной одиночке и отказывается выходить на хозяйственные работы. Это влекло за

собой дополнительные карательные меры, его специально не кормили горячей пищей.

Где-то на десятые сутки его ареста пришла моя очередь заступать в караул. Гауптвахта находилась на территории нашей «караулки», а значит, появлялась возможность увидеться с другом. Ночью я забрал ключи со стола «помначкара», рыжего сержанта, который тактично решил этого не заметить, взял с собой гостинцы и отправился навестить Ахмеда. Караульный гауптвахты, выходец из Средней Азии, отказался меня пропустить, однако его удалось убедить не заметить моего ночного визита.

Ахмед сидел, скрючившись на холодном полу камеры. Холод и голод терзали его тело, но глаза его все так же блестели огнем непокорности. Увидев, в каком плачевном состоянии находится мой товарищ, я принес ему горячую кашу и чай, с десятков маек, снятых с отдыхающей смены караула. Два часа мы сидели с ним, прижавшись друг к другу. Я хотел согреть своего друга теплом своего тела. И за эти два часа я не услышал ни одной жалобы из уст мальчишки.

Каждые две недели я заступал в караул и навещал своего друга в его холодной темнице. Внутри этого парня кипел такой огонь жизни, что никакая камера не была способна его затушить. Я угощал его горячим чаем, массажировал его озябшее тело и рассказывал про жизнь на «воле».

Через два с половиной месяца родители Ахмеда уладили это дело, и он вернулся к нам, в нашу казарму. Ребята с радостью встретили своего товарища, который так достойно перенес выпавшие на его долю испытания.

Мы все находились в учебной части, и когда прошел срок нашей «учебы», нас стали разбрасывать по различным уголкам необъятной Родины. Нам пришлось расставаться со своими друзьями, которых приобрели в первые месяцы службы.

Нашу «команду» вывели на плац, проверили документы, вещмешки и строем повели к КПП. Оставшиеся ждать своей оказии ребята провожали нас, стоя у дверей казармы. Мы уже прошли КПП части и маршировали в сторону перрона электрички, когда меня кто-то схватил за руку. Запыхавшийся от бега, Ахмед выхватил меня из строя и обнял. По его монгольскому лицу стекали

слезы. Он называл меня братом и благодарил за поддержку. Способный выдерживать любую боль, он не смог бесстрастно расстаться со своими друзьями. Я смотрел на его детское лицо и думал, что этот мальчишка мог бы еще гонять мячик на пустыре, а на его долю выпали испытания, достойные настоящего мужчины. Я понимал, что с его характером его впереди ждет еще немало тяжелых испытаний. Но именно он показал всем нам, что можно не бояться защищать свою честь и достоинство при любых обстоятельствах, даже если весь мир против тебя.

Сулиман МУСАЕВ

Сулиман Мусаев окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы в литературно-художественном журнале «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 года. Пишет на чеченском и русском языках. Автор многих книг, печатается во всероссийских литературных журналах и газетах. Магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов. Член Союза писателей России, председатель отделения ЧР Клуба писателей Кавказа, директор Издательского Дома Чеченской Республики.

КРАСНОКОЖИЙ БРАТ МОЙ

Рассказ

У входа в актовый зал я в нерешительности остановился. Предстояла какая-то лекция по экономике, что мне было совсем не интересно. К тому же, устал после мастер-класса. Немного помявшись, поднялся по ступенькам в зимний сад, подошел к прилавку и заказал черный кофе.

Ярко горят лампы, играет, как всегда, музыка. В отдалении двое парней играют в бильярд. Взяв кофе, я направился к столикам. Зал был почти пуст. За средним из столиков сидел смуглый парень лет двадцати семи, с длинными, до плеч, иссиня-черными

волосами. Кажется, кубинец. В основном тут собралась пишущая братия из России и стран СНГ-форум, как-никак, авторов произведений на русском языке, – но показались и иностранцы, творящие на « великом и могучем», – из Чехии, Франции, Австрии. Вчера даже с индийцем познакомился. Вот теперь и этот... Как его... Иглесиас, что ли...

Заметив мой взгляд, парень приветливо улыбнулся и помахал рукой. Я подсел к нему, с чувством некоторой досады. О чем мне с ним говорить? О Фидем Кастро? Или о Хемингуэе, который мне не очень нравился? А может, о базе Гуантанамо?

– Здорово! – протянул я руку.

– Ас-саламу алейкум! – привстав, ответил он на рукопожатие.

Рука сухая, горячая.

– Ва-алейкум ас-салам! Тоже решил лекцию прогулять?

А! – махнул он рукой. – Всегда одно и то же говорят, – по-русски он говорил чисто, с небольшим, но приятным акцентом.

– Это верно, – ответил я.

Некоторое время сидели молча.

– Сулиман...

Я бросил на него быстрый взгляд. Он понял мое удивление и, улыбнувшись, произнес одно слово:

– Бэйджик!

Я рассмеялся и снова протянул руку:

– Ну, давай знакомиться! Сулиман.

– Хосе. Хосе Гонсалес из Мексики. Хотя при рождении мне дали другое имя...

– Ты мексиканец? – поразился я. – А я думал, кубинец...

– Мексиканец. Цоцил, – добавил Хосе.

– Цо... Кто?

– Индеец из племени цоцил.

– Индеец? – он не переставал меня удивлять. – Вот это да!

Первый раз живого индейца вижу!

– А где мертвого видел? – мы расхохотались.

Знакомство взбудоражило меня. Я словно вернулся в детство, передо мной встали образы из прочитанных тогда книг, которыми я буквально грузил: Оцеола, Текумсе, Понтиак, Тачунко Витко, Татанка Йатанка... Индейский писатель Сат-Ок с повестью-

ми «Таинственные следы» и «Земля Соленых скал»... Ирокезы, апачи, дакота... Мустанги, прерия, томагавки... Фильмы с Гойко Митич...

– А откуда ты так хорошо знаешь русский?

– Я окончил школу с изучением русского языка. Много читал на русском. Мой отец был буквально влюблен в Советский Союз. Переживал распад СССР как свою личную трагедию. Представляешь, у нас дома было столько советской символики, что даже в вашей стране, наверное, ни у кого столько не было – вымпелы всякие, значки, календари... Даже мать часто с ним ругалась, – улыбнулся он своим воспоминаниям. – Знаешь, какое он мне имя дал при рождении?

– Какое?

– Ильич! Хоть сам и не был коммунистом.

Я окинул «Ильича» критическим взглядом с головы до ног и не смог удержаться от улыбки, настолько имя не подходило ему.

– Потом, когда я подросток, мы переехали из штата Чьяпос в Мехико, чтобы я смог учиться в русской школе. Вернулись с матерью на родину уже после смерти отца. И имя сменил на более привычное, которым с детства называли меня соседские ребята. Да и Ильичом меня никто, кроме отца и учителей в школе, никто не называл. Скоро и это имя сменю... – на какое-то время он замолчал.

Я слушал его, не перебивая,

– Я благодарен отцу, что дал возможность учиться в Мехико, не смотря на материальное положение нашей семьи, – продолжал он. – Я познакомился с русской литературой. У меня дома очень много книг – Пушкин, Тургенев, Толстой, но больше всего мне нравятся стихи Пушкина... Пойду, закажу еще американо. Тебе что-нибудь принести? – встал Хосе.

– Нет, спасибо.

Скоро он вернулся.

– Тебя уже обсуждали? – задал он дежурный вопрос.

Мы с ним были в разных мастер-классах.

– Да.

– Ну и как?

– Да нормально вроде. А тебе?

– Завтра. Волнуюсь немного, – смущенно улыбнулся он. – Я первый раз на таком форуме...

– А что ты пишешь?

– Стихи, – совсем смутился кубинец. – Надеюсь, что это стихи... Знаешь, бывает, сидишь, задумаешься, становится отчего-то так грустно, что заноеет сердце, и в голове рождаются строки... Я на испанском пишу, узнал в интернете про этот конкурс фонда Филатова, перевел несколько своих стихов, в отправил, и вот... – замялся он.

– Да не переживай ты так, все будет нормально, – попытался я его успокоить. – Вот увидишь. Кстати, -вспомнил я. – Ты говорил что-то насчет перемены имени. Теперь тебе и Хосе не нравится?

– Хосе, может, и хорошее имя, – не принял он моей шутки. – Да вот, понимаешь, в чем дело... Месяц назад я принял Ислам и хочу взять имя Абдуллах, раб Аллаха.

– Ты??? Принял ислам?

– Да. Когда мы с матерью вернулись в Чьяпос, я узнал, что мой лучший друг детства Хуан стал мусульманином. Теперь его звали не Хуан, а Осман. Признаюсь, мне это очень не понравилось. Хуан стал Османом! Ведь кто такие были мусульмане в моем представлении? Террористы, варвары, не создавшие за свою историю ничего, способные только крушить все вокруг и взрывать. Я разругался с Хуаном, разругался, как думал навсегда. Просто выставил за дверь! Чуть не избил. Но, к удивлению, Осман не озлобился на меня, при встрече всегда здоровался, несмотря на то, что я даже не смотрел в его сторону. Да, в детстве мы были лучшими друзьями, но теперь я его призираю. Потом, к своему изумлению, я узнал, что в нашем округе многие приняли ислам, встречались даже женщины в хиджабе...

Мусульмане в Мексике? Мусульмане– индейцы? Это было выше моего понимания, и я перебил его:

– Постой, постой... Как это – многие приняли ислам? Да, сегодня ислам распространяется по всему миру, но его, как правило, принимают в первую очередь люди образованные, после духовных поисков...

– Пока я отсутствовал в Мехико, к нам прибыл испанец-мусульманин Эмир Мустафа. Прежде его звали Ауреланио Перес.

Он развернул у нас бурную миссионерскую деятельность. Основал общество Марабутин, как некогда мавры в испанской Андалусии.

Теперь у нас есть исламский культурный центр, мечети, медресе. Немало таких, которые совершили хадж в Мекку. Так вот, я стал задумываться над поступком Османа. Как-то на рынке я сам первым подошел к нему и поздоровался. Он ответил мне с приветливой улыбкой.

– Расскажи мне о своей религии, – попросил я его сразу.

Он оглянулся по сторонам. Не далеко небольшой ресторанчик.

– Может, пойдем, посидим? – посмотрел он на меня вопросительно. В ресторане я заказал рам, но Осман неожиданно отказался:

– Нет, мне кока-колу.

В тот вечер он рассказал мне о временах джахилии в Аравии, о ниспослании Корана, о праведных халифах. Мы стали чаще встречаться. Как-то я зашел к нему домой, и мы сидели в его комнате на кровати, Он потянулся к полке, прибитой под потолком, взял какую-то книгу, раскрыл ее и торжественно произнес:

– Вот оно, последнее послание Аллаха! Я уже и читать могу, вот с переводом пока не очень... Но скоро научусь и этому.

Я осторожно взял ее и стал всматриваться в непонятные строки. Чем больше я вглядывался, тем сильнее охватывало меня какое-то необычное волнение, которое, зародившись в глубинах души, нарастало, устремляясь в мозг, уже готовый, казалось, вот-вот взорваться... И вдруг... Вдруг я вспомнил... Вспомнил легенду, рассказанную еще в детстве дедушкой. Я медленно поднял глаза на Османа.

– Что с тобой?– испугался он. – С тобой все хорошо?

– Да... – пробормотал я. – Да...

Тем временем закончилась лекция, и участники форума начали выходить из актового зала. Многие стали подниматься в зимний сад. Поднялся шум, смех, крики. Я допил свой уже остывший кофе. Через десять минут должен был начаться спектакль, на который думал сходить.

– Ты пойдешь на спектакль? – спросил я Хосе.

– Нет, – он, достав из кармана телефон, посмотрел время. – Да и молится пора.

Мне стало неловко, что о намазе напомнил он мне, и я предложил:– Пойдем ко мне. Совершим джаммаат – намаз.

После намаза, пока я перебирал четки, он рассматривал журналы, что я привез из Чечни.

– Можешь подарить мне пару номеров? – спросил он, когда я закончил.

– Конечно. Я буду гордиться, что наш журнал читают даже в далекой Мексике! – пошутил я.

Потом взял из холодильника двух литровую «Фанту», печенье из тумбочки, придвинул столик к дивану и, разлив напиток, сел.

– О какой легенде ты говорил? – мне не терпелось дослушать его историю.

Хосе, задумчиво глядя в окно, неторопливо сделал пару глотков и лишь потом заговорил:

– Дедушка очень любил меня. В детстве я всегда спал с ним. Лежа на циновке под открытым небом, я задавал ему бесчисленные вопросы: « А почему звезды днем не видно?» – « А куда уходят ночью солнце?» – « А бабочки разговаривать умеют?» На каждый мой вопрос дедушка рассказывал сказочную историю, которую, скорее, сам и придумывал. Это был мудрый старик. Как-то ночью началась буря, и мы перебрались в его комнату. Погода неистовствовала, на море бушевал шторм, и рокот волн доносился до нашего поселка, а у дедушки было уютно и совсем не страшно. В тот день я был с отцом в соседнем городке и видел негра, что очень взволновало меня. И теперь я спросил у дедушки:

– А почему у одних людей кожа коричневая, у других белая, а сегодня я видел дядьку, он был весь черный?

Дед долго молчал, посасывая трубку, потом заговорил:

– Много разных народов живет на свете, много, – дедушка опять надолго утих, так что я подумал, что он уже уснул, как вдруг он кашлянул и присел в кровати. – А вот послушай одну историю... Давным-давно, задолго до испанцев, когда в наших краях жили лишь Цоцил, Цельталь, Чоли и другие индийские народы,

здесь появились невиданные ранее пришельцы. Они прибыли на трех кораблях. Когда эти корабли появлялись на горизонте, люди приняли их за чудовищ и спрятались в лесах. Корабли пристали к берегу, и с них высадились люди изможденные, оборванные, некоторые сразу попадали на землю. Люди несколько осмелели и таясь за деревьями, стали подбираться к ним ближе. Пришельцы, шатаясь от усталости, голода и жажды, скоро собрались вместе, образовали ряды, и стали совершать какое-то действие, опускаясь одновременно на колени, падая ниц. Видя бедственное положение иноземцев, местные жители подошли к ним, неся еду, воду, которые те с благодарностью приняли. Их было человек двести. Через несколько дней, несколько окрепнув, они начали чинить свои корабли. Местные, с которыми у них наладились дружеские отношения, помогали им по мере сил. Один из пришельцев часто взбирался на высокое дерево и, приложив трубу к глазу, долго смотрел в сторону моря – видно, они еще кого-то ждали. С починкой кораблей у них не все ладилось, они ходили хмурые, наконец, посоветовавшись, стали перетаскивать какие-то части с одного корабля на два другие.

Буря на улице утихло, дед стал набивать трубку табаком, и скоро вновь мерно зажурчала его речь. Он, казалось, про меня совсем забыл и рассказывал эту историю себе:

– Наконец, они закончили работу и в один из дней, оставив один корабль и человек пятьдесят своих спутников, уплыли на север. Перед уходом они одарили местных жителей дарами, среди которых был и порошок, который, если поднести к нему огонь, взрывался небесным громом. Оставшиеся соорудили себе хижины и стали жить, часто с тоской вглядываясь в морскую даль. Но за ними никто так и не явился, и они остались здесь навсегда. Кто знает, может их товарищи утонули... Пришельцы же многому научили местных, они стали проповедовать им, о Едином Боге. Некоторые последовали за ними, начали молиться, как они... Научились общаться с говорящими листьями – читать их книги. Прошли годы. Много лет. И вот однажды в море показались корабли. Из тех, что раньше прибыл сюда, уже давно никого не было живых, и из их детей тоже, но многие знали про тех, первых пришельцев. На этот раз на кораблях прибыли испанцы. Снача-

ла они относились к местными благосклонно, но, окрепнув, стали вести себя грубо. Им нужно было золото. С ними были и священники, говорившие о спасении души. Потомки первых пришельцев показали им книги, но это только озлобило их, хотя они тоже говорили о Едином Боге. Испанцы стали сжигать эти книги, а местных за малейшее не повиновение убивать. Некоторые приняли их веру, другие убежали в леса. Наш далекий прадед тоже принял веру испанцев. Когда сжигали книги, несколько листов у целено, и он подобрал один... Подожди-ка, – он полез под кровать достал старый чемодан, из него деревянную шкатулку, порылся в ней и, распрямив, показал мне пожелтевший листок с обгоревшими краями. Я взял его и стал рассматривать, повернув к свечке.

– Мне эту историю рассказал отец, ему – его отец, и так, эта невидимая живая цепь соединила меня с моим далеким предком. Я рассказал ее твоему отцу, но ему она и сегодня не интересна. Вот, поведал теперь тебе, хоть ты и мал – неизвестно ведь, когда Господь приберет меня к себе, – не знаю, не знаю, прервется ли эта цепь на тебе... Не хотелось бы...

Дедушки – его звали Мигель – не стало через месяц... Так вот, вязь Корана, который представил мне Хуан, напоминала ту, что было на листке, представленном мне дедушкой. Я уже успел позабыть ту историю, а тот листок, когда я кинулся домой искать, уже не нашел – видно, отец сжег с другими вещами дедушки после его смерти...

Дальше я уже не слышал, что говорил Хосе, По коже побежали мурашки. Сотни мыслей, перебирал друг друга, роем закружили в голове...

... Вспомнился кабинет главного редактора. В прошлом году, когда мы собрались у него, разговор зашел о диких племенах Новой Гвинеи. Я выразил мнение, виноваты ли папуасы в своей дикости, невежестве, ведь мусульманские миссионеры не дошли до них. «Нет, ты не прав, – возразил Муса Ахмадов, – Аллах говорит в священном Коране: «Мы послали пророков ко всем народам». Вспомни, сколько всего пророков было?» Я задумался. Вспомнил, как старики говорят: «Б1е эзар, ткъо эзар, виь эзар ваитина Сийлахъчу Дала дин хъеха» (« Бог послал проповедовать религию сто тысяч двадцать тысяч, четыре тысячи пророков»)

«Сто двадцать четыре тысячи», ответил я. «Правильно. Он дал шанс спасти души всем народом». Неужели... Нет-нет, ведь Мухаммед– «печать пророков», то есть последний пророк... А если это наследие одного из предыдущих пророков? Тоже нет, Аллах не передал бы послание на непонятном для народа языке.

...Я вспомнил легенду, которую читал: Тарик ибн Заед, арабский полководец, покорив Северно-Западную Африку и дойдя на территории современного Марокко до берегов Атлантического океана, упал на колени и взмолился: «О Аллах! Я поклялся распространить Твое Слово по всей земле, но этот океан остановил меня! Прощу Тебя, укажи мне путь!» Тут рассеялся туман, и на севере показались очертания Пиренейского полуострова. Арабо-берберское войско покорило Испанию и Португалию. Кстати, южная оконечность этого полуострова до сих пор носит его имя. Гибралтар– это искаженное от Джиб аль Тахир – гора Тахира. А что, если... Нет, это было в начале восьмого века...

Вспомнил про карту турецкого адмирала Пири Райса, которую он преподнес султану Сулейману Великолепному. На ней обозначены довольно точно и Северная Америка, Южная, и даже Антарктида, открытая много позже. Ведь и Колумб, прежде чем убедить испанского короля в целесообразности снаряжение экспедиции, провел долгое время в Константинополе...

Я высказал свои соображения Хосе.

– Нет, сказал он. – Это были не арабы и не турки. Дедушка говорил, что у них были небольшие бороды и очень узкие глаза.

– Узкие глаза? А кто? Малайцы?

– Не знаю, – Хосе немного задумался и спросил: – Ты слышал про Ма Чжэн Хэ?

– Что-то смутно припоминаю, – соврал я, боясь показаться невежественным.

Я уже устал удивляться и решил просто слушать.

– Чжэн Хэ – великий китайский Мореплавателю. Он жил в эпоху Минской династии, на рубеже четырнадцатого – пятнадцатого веков. Ма в его имени означает Мухаммед. Это имя тогда носили многие китайские мусульмане. По приказу императора он во главе огромного флота совершили несколько экспедиции в Юго-Западную Азию и Восточную Африку. Так как эти регионы в основ-

ном мусульманские, то и команда Ма Чжэн Хэ состояла большей частью из китайских мусульман. Я подумал: а вдруг была еще одна экспедиция, пока не известная нам...

Открылась дверь, и зашел мой сосед по номеру, Влад из Барнаула. Он был выпевший и сразу лег спать.

– Хочу выучить китайский, чтобы попытаться найти какой-нибудь след в китайских источниках. Правда, он очень сложный...

Распрощались мы с ним далеко за полночь.

– Ну, спокойной ночи, – обнял я Хосе-Абдуллаха.

– Ассаламу алейкум!

– Ва-алейкум ас-салам, краснокожий брат мой! – пошутил я.

– До завтра, бледнолицый брат!

– Вообще-то, нас здесь черными зовут! – мы рассмеялись.

– Завтра твоя очередь прийти ко мне в гости.

Я лег, забыв про тексты, которые должен был прочитать к утру, но долго не мог уснуть, моим взорам представлялись корабли, плывущие навстречу солнцу, обветренные лица отважных моряков...

Руслан ЮСУПОВ

Юсупов Руслан Хамидович родился 29 декабря 1955 года в г. Караганде Казахской ССР. В 1973 году окончил Гудермесскую ж.-д. среднюю школу № 107. В 1992 году окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института.

Член Союза писателей России, Почетный председатель Союза журналистов ЧР, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, член «Интеллектуального центра Чеченской Республики». Награжден медалью Лермонтова, медалью Министерства культуры ЧР «За высокие достижения», медалью Центра народного творчества, орденом «За развитие парламентаризма в ЧР» медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой», медалью «Интеллектуального центра ЧР» «За профессиональную честь». Автор многих книг.

* * *

Есть разные ступени мастерства,
Не все стихи поэзией зовутся.
Поймать непросто нужные слова,
Когда они поблизости крадутся.

Найти идею нового стиха
Ещё не признак вашего успеха.
Ведь бороздит по-разному соха,
И трудно это делать без огреха.

Но в том и суть поэзии, коль вы
В ней соблюли все правила и нормы,
Когда ласкают слух и суть канвы,
И бережно подобранные формы.

И тем они безмерно хороши –
С самим собою творческие битвы,
Что расплескали вы сосуд души
Со слаженными рифмами и ритмом.

Что не жалели сил своих и чувств,
Писали сердцем пылким, не рукою.
Поэзия - вершина всех искусств,
Когда корпиться над каждой строкою.

АХ, ОСЕНЬ-ОСЕНЬ...

Похоже, что теперь я болен Вами,
Хотя, конечно, Вы больны не мной.
Нам не соприкоснуться рукавами,
Не уплывет, как в песне, шар земной.

Не от безделья и осенней скуки
Я проникаюсь Вами все сильнеей.

Я знаю, мне не тронуть Ваши руки,
И от того мне все еще больней.

Вы словно в гавань тихую ворвались
И вырвали из суеты меня.
Ну, где ж Вы раньше от меня скрывались
До этого ноябрьского дня?!

Ах, осень-осень, все твои проказы.
Все кружишь головы ты нам – немолодым.
И вот уже на сердце – метастазы...
Неужто всё рассеется как дым?!

В ДИАЛОГЕ С ИСТИНОЙ

Навстречу Истине одна дорога,
Ни влево и ни вправо не свернуть.
Я с ней еще в разгаре диалога.
Я с ней сверяю отведённый путь.

Я в поиске всю жизнь, все эти годы,
Постиг границу света я и тьмы.
И различу несущиеся воды,
И отличу я жизнь от кутерьмы.

Я был всегда брезглив к толпе и стае.
Пусть падал я, но поднимался сам.
Слова и мысли с истиной сплетая,
Я шёл вперёд, не кланяясь ветрам.

В моей котомке опыта аршины...
Не ненависть, не злоба, не клинок.
В борьбе с самим собой мои вершины
И скромный свиток выстраданных строк.

Ещё любовь в ней ко всему живому,
Умение услышать и простить.
Я не могу, не знаю по-другому –
Ведь жизнь дана, чтоб верить и любить.

Асламбек ТУГУЗОВ

Асламбек Тугузов родился в 1969 году в с. Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района. Первая публикация – в журнале «Нана». В последующем публиковался в других местных и центральных изданиях. Финалист конкурса «Щит и перо». Автор сборников стихов и эпических поэм «Шейх Мансур» и «Алимбек-хаджи». Поэмы написаны на русском языке, переведены на чеченский язык, который является родным для поэта, осетинский язык и кабардино-черкесский языки.

А.Т. Тугузов – один из самых востребованных поэтов современности.

* * *

С чего начинается Родина?
Моя начиналась с нуля,
Под крышей саманного домика,
В холодную ночь января,

Когда, оглашая окрестность,
Беспомощной плоти комок,
Я плачем приветствовал местность,
Что Родиной позже нарёк.

А может, она начинается
С разрушенной башни в горах,
Где всё ещё в сумерках мается
Мятежного пращура прах.

Где камень за камень цепляется,
Как клинопись древней мечты,
С которой-то и начинается
Трилогия нашей беды.

С чего начинается Родина,
Откуда, с какого конца?
С осевшей и грустно ухоженной
Могилы родного отца.

С развалин, оставшихся рядом,
Как память недавней борьбы,
Где каждая вспышка снаряда
Записана в книгу судьбы.

А может, она начинается
От тех, ещё первых, шагов,
Где молодость наша скитается
В разгрузке на восемь рожков?

Где дым до небес поднимается,
И глохнет живое в дыму,
И сердце на ребра бросается,
И удержу нету ему.

* * *

Плоть вышла из земного праха,
Душа – из сияния Аллаха.
Раз так, то в этой круговерти,
Чего же мне бояться смерти?!

Мой прах вернется к праху,
А вечный дух – назад, к Аллаху.

* * *

Не осмыслен еще, не разгадан твой путь,
Ты куда-то идешь, и тебе никуда не свернуть.
Ночь бежит за тобой. Вынимая стрелу из колчана,
Постовой херувим исподлобья глядит на тебя.
Справа купол мечети, а слева фасад ресторана,
Под ногами земля. Приходи и не слушай себя.

Словно голубь-лунатик, цепляясь за ветхий карниз,
Призрак полной луны очарованно щурится вниз,
Где на каменной плитке, омытой цветными дождями,
Отражаются звезды и гаснут, дымя под ногами...

Проходи – говорю – соглядатай полуночных снов,
Между светом, и тьмой, и тревожно уснувших домов.
Словно бархатный шлейф от накидки бывшего высочества
Утомленных надежд и высоких стремлений души,
Волочи за собой беспокойную тень одиночества
По кварталам ночным. И прохладой озона дыши.

Как Горгона Медуза на дерзкого путника встарь,
Смотрит прямо в глаза, улыбаясь, чугунный фонарь.
И, как в волны баркас, тяжело погруженная в дрему,
Равнодушная Родина снится скитальцу другому...

* * *

Я слишком слаб, чтоб что-то изменить,
И слишком стар, чтоб начинать сначала.
Но я ещё попробую доплыть
Вон до того последнего причала
Не торопясь – соленая вода
Не любит тех, кто судорожно дышит.
А я устал, такая вот беда,
Пойду на дно... никто и не услышит.
Но я гребу и силы берегу,
Глотаю соль иссохшими губами

И вижу: кто-то там, на берегу,
Зажёг фонарь и машет мне руками.

* * *

Я спустился во мрак, ненадежно затеплив лучину,
Где прогнившая тьма безымянному молится джинну.
Он космат и высок, как скала или древний утес,
Но хитер, как лиса, и озлоблен, как дьявольский пес.

В стороне от толпы и ее венценосного клира
Он живет там со дня основания этого мира.
И питается тьмой, заедая ее тишиной
Одиночеств мирских, и по-своему дружит со мной.

Мне же муторно с ним, я дрожу после каждого эха
От раскатов его омерзительно-хриплого смеха,
Потому что боюсь, как ослабнет лучина моя,
Он метнет свою сеть и, конечно, достанет меня.

«Подожди, – говорю, прикрывая рукою лучину, –
Все равно я уйду, как прорвусь сквозь твою паутину».
Но брожу в темноте и не вижу дороги в ночи,
Только стены и тьму, только тусклое пламя свечи».

* * *

Я уходил из города в двухтысячном году,
Роняя иней с провода растяжки на снегу.

Ты помнишь, брат мой смелый, прикид из простынь мой,
Как будто саван белый, весь в корке ледяной?

Как зло биение сердца мы глушили под обстрел?
Как плотный снег под берцами предательски скрипел?

Мы шли, как будто с кручи, и страшен был разбег...
Я вышел, я везучий, а ты прилег на снег.

Я вышел, я везучий. Ведь ты же помнишь, брат,
Как падал снег колючий и бился в маскхалат?

Как будто роем пули о броник ледяной?..
Как нас тогда надули и жизнью, и войной?

Но я, ведомый чудом, ушел и лег на дно.
Ну а тебе оттуда, наверно, все равно.

Играет память лицами и плачет, как старик,
Склонившись над страницами давно забытых книг.
А я дрожу на холоде, и мнится мне в бреду,
Что я убит в том городе в двухтысячном году.

* * *

В надежде зимней, небывалой,
В какой-нибудь погожий день
Идешь походкою усталой,
Слегка отбрасывая тень,
От лужи к луже, до бордюра,
До плитки серо-голубой.
Так теневая увертюра
Твоей становится судьбой.
И никого в пространстве сжатом,
Печально суженном, как клин,
Лишь человек в слегка помятом
Костюме движется один.
Идет и видит направленье,
Чуть-чуть размытое вдали,
И никакого притяженья
Уже не чувствует земли.

И ЭТО ВСЕ О НЕМ...**Саламбек АЛИЕВ****НОЧНЫЕ ПЕСНИ ПЛЕННИКА ПЛАМЕННЫХ ЗВЕЗД**

Из далекого детства осталось у меня одно светлое воспоминание. На нашей длинной-предлинной сельской улице имени Феликса Дзержинского через три переулка жили родственники, к которым я после всяких сумасшедших детских игр часто навещался. Усаживали меня за стол, на котором все было прекрасно, кроме одного – чай разливали в пиалы. Во-первых, я привык к кружке с ручкой, во-вторых – и это самое главное, чай в пиалу разливали на самое донышко, что мне хватало буквально на один, но протяжный «шлюююп». Следом я протягивал чашку.

Потом еще раз. Потом еще раз. Где-то на пятом или шестом «разе» во мне просыпалась «совесть» и, подавляя в себе непреодолимое желание протягивать пиалу снова и снова, я вставал из-за стола с «сытым» лицом, но грустными глазами, озираясь на конфеты и печенюшки, оставшиеся на столе. Теперь, пребывая уже на пятом году пятого десятка, мне вспоминается тот чай в пиале как нечто очень сладкое и очень вкусное. Да, очень сладкий и очень вкусный чай! Особый вкус и особую сладость этому чаю, в числе многих других факторов, придавало то, что он был разлит на то самое донышко и что его хватало на один, от силы два глотка. И, несмотря на то, что маленькому мне такой дозированный чай доставлял этические неудобства, сегодня же мне он предстает в некоем эстетическом свете: в этой отмеренности мне сегодня видится и магия, и музыка, и поэзия настоящей чайной церемонии, ритуальность которой и заключается в этой дозированной, позволяющей насладиться истинным вкусом напитка.

Когда Асламбек Тугузов порционно выдает свою поэзию в социальной сети, я, как и многие почитатели его таланта, зачастую испытываю восторг, смешанный с предвкушением. Прочувствовав глубину его стиха, ожидаю новый, чтобы опять испытать это чувство эстетического праздника души. Но сейчас передо мной на столе лежат два сборника его стихов с романтическими на-

званиями: «Ночные песни» (2019) и «Пленник пламенных звезд» (2020). И это, согласитесь, не один или два «интернетных глотка», когда Тугузов своих читателей оставляет с неким осадком: еще бы чуть-чуть этого нектара, этой образности, музыкальности, соучастия и сопричастности, но Тугузов как бы говорит: «до следующего раза, дорогие друзья!» и на этом «поэтический вечер» в Сети завершается. И вот сейчас передо мной, повторюсь, два сборника, притом добротных сборника... И я погружаюсь в удивительный океан большой поэтической образности и глубоких, философских смыслов, очень тонко, филигранно выраженных настоящим лириком начала XXI века из чеченцев.

Впервые имя Асламбека Тугузова я услышал от одного знакомого, который с эйфорией поведал, что в Интернете есть поэт, вызывающий у всех восхищение. Двух этих слов – «Интернет» и «восхищение» – хватило, чтобы дальше не продолжать разговор: к тому времени у меня выработалась стойкая неприязнь к этому словесному тандему. А все дело в том, что за несколько лет работы в журнале от этих горе-пиитов и горе-беллетристов «настрадался» настолько, что даже несколько раз порывался уйти из редакции. К примеру, заходит в кабинет он (или она), достает из сумки (папки, портфеля) тетрадь (распечатанные листы), или из кармана флешку, или даже смартфон, и тут начинается...

Думаю, важно будет упомянуть об одной тенденции относительно «поэтов» и «прозаиков». Если ты «прозаику» сначала робко, потом все настойчивее пытаешься донести, что «это не годится, слабо, неубедительно, не выпукло, не художественно, избито, тривиально», указываешь на неточности, слабый сюжет, диалоги и т.д. и т.п., автор рассказа или повести одной единственной репликой разносит в пух и прах все, что ты только что говорил. С надменным взглядом и дрожащим голосом до тебя доносится: «А ты... ты... знаешь, что это... это... случай из реальной жизни!» – «Чтооо?!» С поэтами все такой же обидный разговор получается. «Ээээ, сударь (сударыня), это никак-с не поэзия...» – «Как?! Как так-с не поэзия?!» – «Вот так-с, это совершенно вторичные тексты, это какой-то набор искореженных смыслов и слов, это...» – «Да?! А в Интернете всем нравится! А в Интернете все пишут восторженные комменты, ставят лайки...»

Да уж, в эпоху лайков и дизлайков как не относиться настороженно ко всему, что «оттуда», из Интернета? Но, с другой стороны, мы прекрасно видим, что графоманы и рифмоплеты атакуют нас и с книжных полок, и со страниц периодических изданий. Да отовсюду! Этакие «литературные» покемоны, у которых есть своя маленькая, но крепкая и устойчивая армия фанатов, страдающая КОВИДом от литературы – отсутствием всякого вкуса.

Мои же опасения относительно поэзии Асламбека Тугузова оказались напрасны. Однажды я «самоходом» добрался до его страницы в Сети и нашел в его поэзии и характер, и глубину, и боль, и страх, и страсть, выраженные в простой человеческой интонации (добиться же простой человеческой интонации – совсем не просто). Не будучи поклонником социальных сетей (любых), чисто из «экологических» соображений подписался на его страницу, ибо редко найдешь в наших окрестностях место, где есть «воздух, пригодный для дыхания» (Герман Гессе).

Из двух стихотворных сборников Асламбека Тугузова, естественно, первым для прочтения выбрал тот из них, что вышел по времени первым – это «Ночные песни», 2019 года выпуска. Но, как выяснилось позже, в принципе, можно было начать и с «Пленника пламенных звезд», так как последняя книга включает в себя почти все стихотворения из первой книги. За редким исключением все.

Кто такой поэт Асламбек Тугузов? И вообще, кто они – поэты? Как они появляются? И зачем? Для чего? Для кого? Могли бы мы все, кто не поэты, обойтись без них, кто поэты? Или – нет, может, мы все и есть поэты? Кто же из нас не очаровывался и не печалился закатом, рассветом, звездным небом, курлыканьем журавлиного клина в осеннем или весеннем небе, листопадом, снегопадом и пр., и пр.? Кто из нас не плакал? У кого из нас не болело? Если так, то каждый из нас поэт – и ныне, и присно, и во веки веков! Вот только некоторые из нас идут дальше, чем просто созерцать и переживать – они пишут стихи, графику души выводят в графику букв, слов и наречий, вследствие чего рождается поэзия как отражение душевной красоты. Поэт Асламбек Тугузов пишет о том, что «много в сердце... накопилось пылающих слов», и следом выдает поэтический и человеческий манифест:

...Не закопать, а выкопать хочу
Живую боль, готовую к атаке,
Пока Господь не дунул на свечу
Беспутной жизни, тлеющей во мраке.

Но, как рыбак, упругую блесну
В поток воды, в преддверии улова,
Бросаю мысль в седую глубину
И сразу же вытаскиваю слово.

Оно кричит от имени судьбы
Непризнанных и преданных забвенью
Холодным равнодушием толпы,
Погрязшего в разврате поколенья.

Оно кричит и рвет до хрипоты,
Тревожа сон трусливого сознания,
Рыдает от кромешной пустоты
И мечется на дне существованья.

(«А памяти кизиловый дымок»)

Наверное, следующая фраза покажется отчасти глупой, а отчасти наивной, но это так: Тугузов, несмотря на то, что является чеченцем до мозга костей, вместе с тем является представителем русской поэтической школы. И это вовсе не потому, что он пишет на русском языке – сколько мы знаем тех, кто пишет на русском... и только. Тугузовская поэзия вобрала в себя все самые лучшие соки русской поэзии, начиная с Золотого века, продолжая Серебряным, лирикой военных лет (1941-45гг.) и далее, и далее...

Плескалась гладь серебряной реки,
Прозрачная от льющегося света,
И звезды, как большие мотыльки,
Плескались в ней до самого рассвета.

(«Шесть звонких струн. Мелодия души»)

Во всей этой гамме звуков и слов – плескалась гладь, серебряная река, льющийся свет, звезды и мотыльки – нет ничего «чеченского». В этой поэтической коллаборации сосредоточена русская силлабо-тоническая школа, начиная с XIX века, и весь XX-ый (Лермонтов, Плещеев, Фет, Суриков, Бунин, Есенин, Пастернак, Рубцов...) А порой поэт может отправить своего читателя в далекие дебри Гугла в поисках значения того или иного слова. В стихотворении, посвященном Луле Жумалаевой, читатель споткнется о слово «зане»: Пускай уж воеет волк и сонная волчица / Подхватит скорбный вой и громко вскрикнет птица. / Над Родиной глухой – пусть плачет через силу, / Зане родная дочь твоя сошла в могилу. /

В стихотворении 2016 года (да, Тугузов все свои стихи датирует, и это замечательно) поэт приводит грустную картину – преддверие войны и разлуку:

Знобило. У вашей калитки
Мне стало немного теплей.
А мимо, как будто улитки,
Шли толпы усталых людей.

У памяти все дорогие,
От близких друзей – до врагов,
А мы молодые такие,
Стояли на стыке веков...

И тут же в памяти всплывает другая грустная картина из есенинской «Анны Снегиной»:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

И тут дело не в том, что и там и тут поскрипывает калитка, и даже не в том, что и по сюжету две эти поэтические истории чем-то схожи – у Есенина тоже преддверие войны и всеобщего хаоса на пару с разлукой. Oldschool Тугузова носит подсознательный характер, но вместе с тем эта самая подсознательность не случайна, она в первую очередь – плод той самой русской поэтической школы, в которой Тугузов как поэт учился очень усердно. Наверное, в том числе и это самое имела в виду поэт Марина Саввиных, когда писала в предисловии к сборнику «Пленник пламенных звезд»: «Давненько не встречала я у наших русских поэтов столь чистой, внятной, празднично яркой, ироничной и опрятной русской речи, как у чеченца Асламбека Тугузова». Чистая, внятная, празднично яркая, ироничная и опрятная речь чеченца Тугузова, к примеру, выглядит так:

Меня такая мысль гнетет,
Слагаясь в стих неволью:
Когда умрет мой старый кот –
Мне будет очень больно.

Когда свернувшийся в клубок
Лежит он на диване,
Я знаю, что не одинок
В моей пустой нирване.

...Бывает, разойдутся днем
Домашние куда-то,
А я сижу с моим котом,
Беседую как с братом.

Он строго смотрит на меня,
Как будто понимает,
Про что ему толкую я
И что меня терзает.

...Сияй же пламя желтых глаз,
Моргай кошачье веко.

Не рвись мистическая связь
Кота и человека.

По мере погружения в поэтический океан Асламбека Тугузова читатель то тут, то там натывается на кораллы и жемчуга, состоящие из аллюзий, реминисценций и ретроспектив, что в свою очередь придает его поэзии постмодернистский характер. Нет, Тугузову как поэту не присуща эклектика, он не смешивает стили, не устраивает поэтические загадки и шарады, не нарушает он также и нормы словообразования, сочетаемости, грамматики, орфографии, пунктуации и пр., то есть, все у него по правилам и канонам, а самое главное, автор в его поэзии «не умер», наоборот, его голос звучит ясно и четко, как натянутая струна, но, вместе с тем, его поэзия интертекстуальна, она вбирает эпохи, отсылает к различным поэтическим школам, конкретным авторам, историческим и культурным эпизодам или даже к сводкам криминальных новостей современной России, временами присутствует эпатаж, ирония соседствует с черным юмором:

В культурной столице России,
В квартире, как старый бандит,
Прищурив глаза голубые,
Профессор усталый сидит.

...Нет в жизни ни смысла, ни форта,
Нет скрепов и нету любви.
Забрызган сюртук Бонапарта
И ворс панталонов в крови.

А утром светило науки
Приходит к холодной реке,
И нежные женские руки
Томятся в его рюкзаке.

...Логичный и чем-то нелепый
Финал, и крошечная тьма.
Ах, эти духовные скрепы,

Ах, горе от мрака ума.
(«В культурной столице России»)

Томно-романтичный и грустный лермонтовский мотив – Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездой говорит. / – у Тугузова в стихотворении 2000-го года приобретает апокалиптическое звучание:

Выхожу один я из подвала,
Старый двор воронками изрыт.
В небе свет ракеты, темно-алой,
Мне о смерти близкой говорит.

Как на сцене дикой пантомимы,
Бьются тени мрака и огня,
И земля, окутанная дымом,
Громко кличет, может быть, меня.

Вот иду, несу свою тревогу,
Рядом что-то рвется и горит.
Здесь давно никто не внемлет Богу,
И звезда с звездой не говорит...

А под мотив песни советской эпохи «С чего начинается Родина?» до нас доносится тот самый плач одинокого волка под луной. Плач, в котором нет конечных ответов, есть только бесконечные вопросы:

...А может, она начинается
С разрушенной башни в горах,
Где все еще в сумерках маятся
Мятежного пращура прах...

...С чего начинается Родина,
Откуда, с какого конца?

С осевшей и грустно ухоженной
Могилы родного отца...

...А может, она начинается
От тех еще первых шагов,
Где молодость наша скитается
В разгрузке на восемь рожков.

Где дым до небес поднимается
И глохнет живое в дыму,
И сердце на ребра бросается,
И удержу нету ему.
(«С чего начинается Родина?»)

«А не усмотрят ли в творчестве Тугузова отсутствие собственного голоса, собственного авторского стиля?» Эта мысль была высказана автору этих строк одним уважаемым литературным критиком.

Не только художественная литература «грешит» таким явлением, как «авторский стиль». (И правильно, что «грешит». Это как почерк, который у каждого свой, или походка, или пальца отпечаток). Буквально все в этой жизни, все, что выходит под знаком качества, буквально все, что делается талантливо, имеет свой оригинальный, индивидуальный стиль. Совершенно нелитературный пример из бокса: Мухаммед Али – «порхать, как бабочка и жалить, как пчела»; Майк Тайсон – натиск и агрессия; Леннокс Льюис – академическое боксирование...

А сколько в литературе своих «пестрых» голосов. Разве можно спутать мрачного Достоевского с лаконичным Чеховым или тяжеловесного Толстого с в меру сентиментальным Тургеневым, Бунина с Куприным, Горького с Бабелем, Хемингуэя с Ремарком, Маркеса с Борхесом?.. Несмотря на то, что используются те же буквы и слова, разве похожи стихи Цветаевой и Ахматовой, Маяковского и Мандельштама, Есенина и Пастернака?..

То, что поэтика тугузовских текстов корнями уходит в классические каноны не только русской, но и мировой поэзии, в частности, мусульманского Востока, никак не умаляет достоинства его соб-

ственного поэтического голоса, и, тем более, не говорит об отсутствии последнего. Тугузov не является поборником «старой школы». Если представить ситуацию, при которой не было бы всей той плеяды больших имен Золотого и Серебряного веков, то и тогда его поэзия дышала бы именно так, как она дышит сегодня.

И образ розового коня – Была весна, слегка раздвинув шторы./ Сияла даль, а рядом, в тишине/ Кричал петух и кашлял пьяный сторож/ И ночь неслась на розовом коне/ – это образ Тугузova, переосмысленный и пережитый им, который через десятилетия «перескакал» из есенинских строк. Как у глубоко начитанного и филологичного человека, у Тугузova все отложено в сознании, в культурном коде и позже оживает в собственном поэтическом опыте.

Тугузov остается тонким пронзительным лириком во всем, даже в лирике военной. Кстати, именно в ней он, как мне кажется, достигает подлинной поэтической высоты и глубины. В стихотворении «Падал снег и вьюжили снежинки» поэт удивительным образом передает ужас войны и человеческого отчаяния в ней.

Падал снег, и вьюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая черные воронки,
Падал снег, стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Какой музыкальный слог! Слова в этом стихотворении льются, как музыка в вальсе Евгения Доги! Если бы не словосочетание «черные воронки», то пред нами предстает вполне мирная картина, а человеку, далекому от событий тех лет, названия чеченских поселков – Карпинка, Нефтянка и Ташкала – вполне могут быть восприняты либо нейтрально, либо как незнакомые, можно сказать, экзотические топонимы. Но каждой новой строчкой градация кружения вальса смерти усиливается:

Падал снег, и было очень тихо,
Словно отступив, уснуло лихо,

Словно вдруг за эти полчаса
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег, свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда под этими снегами,
Белыми, холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт...

Как мне кажется, это одно из лучших стихотворений о войне, когда и кем-либо написанных. Читатель испытывает наивысшую степень осознания и погружения в контекст, воспринимая «происходящее» на физическом и метафизическом уровне.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег, и бился в перепонки,
Бел, как саван, или как пеленки
В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья –
Только это вечное круженье,
Белый танец снега и судьбы.

В предисловии к поэме «Реквием» Анна Ахматова пишет: «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась

от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Если собрать на одной чаше весов воспоминания всех маршалов и генералов войны 1941-45 гг., будь то Жуков, Конев, Рокоссовский и т.д., исследования всех историков тех и более поздних лет, все официальные сводки и т.п., а на другой чаше расположить четыре финальные строчки из небольшого стихотворения Семена Гудзенко «Перед атакой» – Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную, / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую / – и задаться вопросом: у кого и где мы можем отследить весь ужас войны, человеческую трагедию, антивоенный посыл? Думаю, ответ очевиден.

Когда художник слова, претерпевший, переживший, пропустивший через себя боль и скорбь своего народа, берется за перо – это во стократ мощнее, чем мертвые речи, которые читаются по шпаргалке с высокой трибуны или толстые, увесистые тома историков и ученых, которые нормальные люди ни при какой погоде читать не будут. Тем более, в наших реалиях, когда история, наподобие маятника, задерживает свой ход в угоду той или иной конъюнктуры, только слово поэта может взять на себя роль суровой исторической правды.

В Большой Российской энциклопедии есть статья под названием «Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-96 гг.», где сухим, телеграфным языком, как и принято в подобных изданиях, поведено о том, что под вышеприведенным термином понимаются «действия Объединенной группировки войск (ОГВ) в соответствии с Указом Президента РФ... (далее приводится длинный перечень цифр указов и постановлений Правительства РФ – С.А.) в целях разоружения и ликвидации незаконных вооруж. формирований (НВФ), стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка на территории Чеч. Республики...» И далее в таком же духе вся статья о войне, вернее, о бойне.

В книге Антипова А. В. «Лев Рохлин: жизнь и смерть генерала» устами того самого генерала передается следующий рассказ: «Разгром был полный. Командование находилось в шоке. Его главной заботой стали, очевидно, поиски оправданий свершившегося. Иначе трудно объяснить тот факт, что на связь со мной никто не выходил... Начальники словно воды в рот набрали. Министр обороны (генерал Павел Грачев), как мне потом рассказывали, не выходил из своего вагона в Моздоке и беспросветно пил...» Этот фрагмент рассказа российского генерала – яркое свидетельство тех страшных дней, здесь присутствует живой голос, возмущение, эмоции, краски. Но уже перо поэта картину по «восстановлению конституционного порядка» описывает следующими словами:

И с такой трескотней, что горела земля,
Глухо падали стены и лопались камни.
И какая-то псина, безбожно скуля,
Волочила кишки, как упавшее знамя.
(«Это было давно, а как будто вчера...»)

Поэзия поэзии рознь, так же как и поэты. Сколько их, безумных, посещали, посещают и будут посещать сей мир – не счесть. Но вот опять же, какая оказия! Среди поэтов есть те, кто думают, что они поэты, уверенные, что они поэты, довольные, что они поэты, испытывающие блаженство от того, что они поэты, откидывающие голову, как поэты, закидывающие ногу на ногу, как поэты, дающие советы всем – и начинающим, и завершающим, и даже тем, кто никогда не писал и не собирается писать.

Они пишут стихи ко всяким торжественным, праздничным, церемониальным, скорбным, траурным и ко многим другим дням. Они обязательно напишут об осени, стоит увидеть лужу, о зиме при виде сугроба, о весне при распутице, а вот лето они как-то не очень жалуют – то ли муха, ползающая по бумаге, мешает, то ли комар на лбу, и лишь некоторые из них напишут о лете уже осенью, типа «ах, лето! прощай, лето!» Но обязательно в их поэтическом арсенале есть, были и будут стихи о Родине, о горах, о роднике, что под горой, о башне, что над горой, о солнце, заходящем между горами, о деде, о прадеде, о прапрадеде...

И вот один из них, одетый с иголочки – черные, сверкающие туфли, классический костюм, белая рубашка, надутые щеки и багровое лицо от плотно затянутого галстука – выходит на сцену к микрофону. На лацкане его пиджака, если на календаре красная дата или, как правило, собственный юбилейный вечер, поблескивают и позвякивают Бог весть откуда-то взявшиеся значки, медали и ордена.

Зал замирает. Какое-то легкое, воздушное мановение, сначала руки, затем головы, следом обеими руками поэт поправляет микрофон, хотя никакой нужды его поправлять не было и нет, взгляд его великодушно окидывает зал, и следом поэт начинает чтение собственных стихотворений. С голосом поэта происходят различные трансформации – он то бормочет, то завывает, то горланит, то скорбит, то переходит на шепот, а то и на молитвенный распев. Неизменным у поэта на всем протяжении тридцати шести или сорока двух стихотворений, что он прочитает за сегодняшний вечер, будут глаза – грустные-грустные, как у коровы, ведомой на убой, или, как у есенинской собаки, перед тем, как они «покатились... золотыми звездами в снег».

Но все, что читает наш поэт, живой, так сказать, классик, по своему поэтическому уровню не многим отличается от того, что когда-то в советские времена любая идеологическая газета публиковала на последней странице, с оговоркой, дескать, «стихи наших читателей». И от этого неумеренного примитивизма, от этих ужасных рифм, пошлейших и шаблонных метафор, восторженных эпитетов, неуместных клише так больно и обидно становится и за башню на горе, и за родник под горой, и за солнце между горами, не говоря уже о пращурах...

Затем вечер юбилейный окончится, поэт сойдет со сцены под овации, с очередной металлической цацкой на пиджаке и с цветами. В фойе зала к поэту выстроится очередь за автограф-книгой, на обороте которой живой классик напишет что-то в духе «читай и расти, мой дорогой (ая)!» И никому невдомек – ни поэту, ни его почитателям, что приобщение к подобным сборникам стихов «в столбик и в рифму» отбрасывает их далеко от подлинной поэзии, от настоящей литературы.

Но, к счастью, к огромному счастью, бывает и по-другому. Бывает так, что через круговорот рождения и смерти, через толщу

годов и хрупкость дней, в эпоху всеобщего гниения и распада, лжи и предательства, обмана и корысти в эфир начинают литься строки, которые волнуют твое обезумевшее сознание и истосковавшуюся душу, или же, выражаясь словами самого поэта, «... сердце на ребра бросается, и удержу нету ему».

Гомер ушел, ахейских журавлей
Пропала в небе плачущая стая...
Ах, молодость, зачем, тебя листая,
Я становлюсь тревожной и смелей.

Зачем теперь мне снятся мертвецы
И голоса их, полные печали.
Зачем гляжу в безжизненные дали,
Пустых столетий звездные концы.

Вернись, Гомер, века перешагни
И посмотри прозревшими очами
На нас, исполосованных мечами,
И новую поэму сочини.

Для меня Тугузов, чисто в литературном контексте, это представитель чеченского «потерянного поколения». Дожив до того возраста, вернее, до того душевного состояния, когда «снятся мертвецы и голоса их, полные печали», он пытается отыскать, прежде всего для самого себя, эликсир от страха и одиночества в рифмованных закоулках собственной поэзии. Сетуя на то, что «мы родились в дурные времена, мы родились, наверное, некстати», поэт, естественно, понимает, что не волен выбирать ни время, ни судьбу, но его наивысшей задачей как художника – оставаться в любое время и в любые времена самим собой, сохранить свою внутреннюю свободу.

Несмотря на ранее упомянутую «русскую школу поэзии», на отсутствие «чеченской лексики» в его стихах, Тугузов, вместе с тем, является подлинным большим чеченским поэтом – чеченским поэтом, выбравшим инструментарием для самовыражения русский язык. Его поэзия – это боль и страдание чеченского народа, и многие

его стихотворения – это развернутые метафоры о Родине. И потому поэзия Тугузова, конечно, не избавит нас от тоски, в определенном смысле именно в нее она нас и ввергает, но эту целительную тоску вполне можно выписать как рецепт от головокруженья.

МОСКВА

Лазарь ШЕСТАКОВ

Лазарь Шестаков родился в Москве, где и проживает. Его отец – известный российский поэт Виталий Шестаков.

Пишет давно, публиковался на разных литературных сайтах, которые показали востребованность его творчества. В данный момент готовится к изданию сборник его стихов.

Стихи поэта переведены на кабардинский, балкарский, чеченский, английский, азербайджанский, турецкий языки.

* * *

Нет, не неволь,
Отнюдь ты не неволь,
Не запирай меня во тьму.
Любви моей остыть позволь,
Перегореть и тлеть в дыму...

* * *

В вечном городе, под сенью акаций,
Преклоняюсь: О, великая прима!
В канонаде бурных оваций
Вы блистали в операх Рима.

* * *

Вы поцелуй мне подарили -
Печать инетной пустоты.

Наверно, в чувствах Вы забыли,
Что мы ведь даже не на ты.

А я б совсем не отказалась
Раскрыть своей природы суть,
Согласна на любую шалость,
Согласна лечь на Вашу грудь.

Мне так тоскливо, одиноко,
А город хмур, стена к стене.
И тысячи безликих окон...
От них еще страшнее мне!

Я уплываю в мониторе
На поиски любви, тепла,
Но натываюсь на просторе
в факт мониторного стекла.

Быть может, ты отложишь чувства,
И перейдешь со мной на ты,
Но мне все также будет грустно,
От виртуальной пустоты.

Избыток вашего вниманья -
Отнюдь, пожалуй, не с руки.
Герои пошлого романа
не вопреки, а в поддавки.

Игра в любовь - метаморфоза,
Рождает мысли о дурном.
Искусственность, увы, угроза,
Лишь развлеченье перед сном.

Вы поцелуете одарили,
Так мимолетно, в суете.
Спасибо, только он не греет,
Как печь с дровами... на холсте!

* * *

Осознавая вдруг реальность,
Скуля щенком от новых ран,
Я исключаю виртуальность,
Закрыв ресницами экран.

Где протяженья длинной сети,
Вселенская обитель зла
Мерцаньем вспышек в силуэте
Рисуют контуры козла.

И с ходу гасятся порывы,
Как о бетонную плиту.
Волнообразные наплывы
Подводят красную черту.

* * *

От птиц осталось только просо...
Давно упавшее в хлеву,
И кто-то ходит по нему,
заиндевавшему внизу,
В толстенных валенках с мороза...
Таков наш мир? Но почему?..
Я задаю себе вопросы...
От птиц осталось только просо?..

От птиц осталось только просо!
(А я, их съев, еще живу...)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Аксана ШОГЕНОВА

Аксана Азреталиевна Шогенова родилась и выросла в Зольском районе, окончила ЭФ КБГУ, кандидат экономических наук. Автор трех книг. Давно живет и работает в Санкт-Петербурге.

ЦЕПЬ ДОБРА

Рассказ

Этот день ничем не отличался от других июньских дней Санкт-Петербурга, разве что погодой. В городе неделю стояла прекрасная погода, какой она и должна быть летом. Но лето в Санкт-Петербурге – особое явление, порождающее шутки и юмор среди горожан и гостей города.

Под музыку любимого «Эльдорадио» молодой юрист Александр ехал в клуб кроссфита на утреннюю тренировку. Его внимание привлекла продавщица мороженого в наушниках, которая пританцовывая, готовилась к началу трудового дня. Хорошее настроение передается, и через считанные секунды Саша решил побаловать себя мороженым. Припарковываясь, пытался вспомнить, когда же он в последний раз ел мороженое. Так и не вспомнив, направился к эликсиру счастья, напоминающему детство, походы с родителями в парк и аттракционы.

Он только успел поздороваться, как в Неве заметил что-то непонятное. Он стал присматриваться. Продавщица оглянулась, пытаясь понять, почему ее ранний покупатель смотрит вдаль, а не выбирает мороженое.

– А это не человек в воде? – с тревогой в голосе спросила она.

– Человек, – уверенно произнес он, быстро достал мобильный телефон и набрал 112.

Через несколько секунд услышал:

– Здравствуйте! Пожалуйста, представьтесь, фамилию, имя, отчество полностью, контактные данные, возраст.

– Да какое это имеет значение! Мы теряем время! – прокричал он в трубку.

Женский голос из трубки, который наверняка в день выслушивает не раз возмущенные голоса, с железным спокойствием ответил:

– Молодой человек, таковы правила. Чем больше будете пререкаться, тем больше времени потеряем.

– Александр. Меня зовут Александр Юрьевич Якунин, 25 лет.

– Ваши контактные данные, телефон, адрес.

Саша всё продиктовал.

Оператор с более мягкими интонациями спросила:

– Александр, что случилось?

– Я возле реки у Володарского моста. Течение несет человека к парапету. Попробую доплыть.

В голосе оператора появился металлический звон:

– Никакой самодеятельности, ваша информация зарегистрирована, машина выезжает.

Продавщицу мороженого уже потряхивало от нервного напряжения:

– Что сказали? Когда приедут?

– Скоро, но нет времени ждать, – с этими словами он положил мобильный телефон на асфальт, снял туфли и прыгнул в воду.

В эти несколько секунд, что занял полет с моста до соприкосновения с холодной Невой, почему-то вспомнил, как отец учил его на речке плавать. Он вынырнул, огляделся и сильными гребками поплыл в сторону человека, которого несла полноводная Нева. Александр плавал отлично, несмотря на сопротивление воды, быстро доплыл до человека. Им оказалась молодая женщина.

– Держитесь! Обхватите меня за шею! Скоро приедет МЧС! Я помогу!

К его удивлению, случилось обратное. Женщина отпрянула и даже попыталась отплыть от него.

Озарение случилось мгновенно. Александр понял, что женщина не хочет, чтобы ее спасали. Она не рада появлению незнакомца рядом с собой.

Вода мешала говорить, но Александр не сдавался:

– Женщина, я не отстану. Если не о себе, то подумайте о моей матери. Я не хочу ни тонуть, ни умирать. Но если вы мне не можете, то я утону вместе с вами. Моя смерть будет на вашей совести. Моя мама этого не переживет!

Женщина услышала его. Но самое главное – до нее дошел смысл сказанных Александром слов. Она перестала отплывать, развернулась и поплыла к нему. Саша обрадовался, поплыл к ней, потом они вдвоем поплыли к берегу.

Они вышли из воды, и незнакомка, которая в воде казалась невозмутимой, задрожала и губы посинели от холода. На вид ей было

лет сорок пять, худощавая брюнетка. Она сделала по берегу несколько шагов и упала на землю. Женский плач заполнил берег. Она начала осознавать, что чуть не совершила непоправимую ошибку.

– Всё позади. Главное – вы живы. Вы можете идти? Нет? У меня в машине сухое полотенце. Я сейчас вернусь.

Ему навстречу бежала продавщица с термосом.

– Молодец! Напоите ее чаем, ей надо согреться. Я за полотенцем.

Саша подбежал к своей машине, достал из спортивной сумки полотенце, взял автомобильную подушечку с сиденья и мокрый побежал обратно.

Женщину трясло, она никак не могла успокоиться. Продавщица налила из термоса в крышку чай, но он почти весь был разбрызган дрожащими руками. Саша предложил сесть на подушку и набросил женщине полотенце на плечи.

С шумом сирен прибыли машина скорой помощи и МЧС. Врач скорой и спасатели направились к ним.

– Здравствуйте. Это я звонил. Женщина в каком-то отрешенном состоянии. Вышла на берег, сделала пару шагов и упала, не знаю, сможет ли ходить.

– Здравствуйте. Мы ее положим на носилки и увезем, – ответил врач Александру.

Сотрудники МЧС пожали Саше руку:

– А ты – молодец! Смотри, не простудись!

Саша и продавщица смотрели, как женщину кладут на носилки и уносят.

– Ну и денек начинается, – вымолвила продавщица, – чай налить?

– Нет, спасибо.

Проводив взглядом машину скорой, они молча направились к месту, где Саша оставил свою машину, а она морозильную камеру.

Вскоре выяснилось, что Саша нарушил правило дорожного движения. Остановка заняла не только больше разрешенного времени, но и стала причиной небольшой пробки.

Подъехала машина ГИБДД, из нее вышел сержант, приложил руку к козырьку фуражки:

– Сержант ГИБДД Окунев. Предъявите водительское удостоверение. И почему вы мокрый?

– Товарищ сержант, выпишите быстрее штраф. Винават. Признаю. Мне нужно вон за той скорой успеть. Если отъедут, то я потеряю их из вида. Куда они едут, не знаю.

– А что случилось? Вы со скорой?

– Этот парень вот оттуда сиганул в воду и спас женщину, – продавщица вступила в разговор, указывая на место, где Саша оставил мобильный телефон и туфли.

– Ого, а ты, брат, молодец! Будем считать, что правило ты не нарушал. Езжай, – с этими словами он пожал руку спасителю, отдал честь и отпустил.

Продавщица побежала и принесла Саше его туфли и мобильный телефон. Тем временем Александр достал спортивную сумку, в которой лежала форма для фитнеса, и в машине быстро переоделся.

– Спасибо большое! Доброго вам дня!

– Да хранит тебя Господь!

Саша развернулся и поехал в сторону, куда отъехала машина скорой помощи. В массе машин он разглядел скорую и направился за ней. Молодому человеку казалось, что события этого утра происходят не с ним, или это сон, от которого он не может проснуться. Он ехал, боясь потерять в потоке белый автомобиль экстренной помощи.

Ехали они не долго. Карета скорой помощи подъехала к приемному отделению больницы. На его глазах женщину на каталке вынесли из неотложки и закатали в больницу.

Врачи скорой передали пациентку вышедшей им навстречу врачу больницы. Это была молодая брюнетка с бейджиком «Врач высшей категории Корчкарлова Рузанна Руслановна». Врачи скорой ввели в курс дела, подписали бумаги и разошлись.

Александр быстро припарковался и побежал за ними. Он не только их догнал, но и взял за руку спасенную им женщину. В ответ она слегка грустно улыбнулась. Ее взгляд уже не был таким отрешенным. Незнакомка закрывала и открывала глаза, видимо пыталась таким образом сказать: «Спасибо».

– Здравствуйте, я ваш лечащий врач. Меня зовут Рузанна Руслановна. На некоторое время останетесь под наблюдением у нас. Нужно позвонить родным.

Женщина на каталке отвернулась в сторону, по ее щекам потекли слезы. Она молчала.

Александр переглянулся с Рузанной Руслановной.

– Все будет хорошо, поверьте мне, – врач погладила руку пациентке.

Подошли две молоденькие медсестры, которым Рузанна Руслановна дала указания, и они увезли каталку.

– Кем эта женщина доводится вам? Родственница? Можете что-нибудь прояснить? – обратилась к нему врач.

– Честно говоря, сегодня впервые ее увидел. Причастен к ее спасению на воде. Не могу остаться безучастным к ее дальнейшей судьбе. Ее надолго в больнице оставят?

– Мы ее прокапаем успокоительными, с ней пообщается наш психиатр, подержим два дня под наблюдением. Если всё будет хорошо, не будет нервных срывов, то на третий день выпишем.

– Можно я пока побуду здесь? Что-то мне тревожно, – просил он врача.

– Не только можно, но и нужно.

К ней подошел коллега и они вдвоем направились в сторону, куда увезли каталку.

Александр какое-то время стоял один посередине большого холла. Провел пальцами по лбу, принимая какие-то решения, потом направился к посту дежурной медсестры.

– Здравствуйте! Сюда только что женщину привезли на скорой. Знаю, что ее в палату уже определили. Как бы мне узнать номер палаты и что ей нужно? Я бы хотел купить ей нужное, но не знаю что.

– Вы ей родственник?

– Нет, но мне врач Рузанна Руслановна разрешила остаться.

– Ну, раз разрешение есть, то не помешают халатик или спортивный костюм, пижама или ночнушка, тапочки, полотенце, зубная щетка, паста, ну и всё в этом роде. У нее размер 46 где-то.

– Спасибо, Асият Залимбековна, – произнес он, читая имя на бейджике медсестры. – Меня Саша зовут.

Молодой юрист в заметках телефона сделал список покупок для спасенной незнакомки и направился к выходу. Сев в машину, взглянул на часы, и только сейчас вспомнил, что до работы он не доехал.

«Надо отпроситься», – с этими мыслями он достал телефон.

– Марьяна Анатольевна, здравствуйте. Я очень извиняюсь, но вы не отпустите меня на сегодня? Очень уважительная причина, вопрос жизни или смерти.

– Саша, здравствуйте. Как-то очень тревожно звучит. Что случилось?

– Со мной всё в порядке, но тут человеку одному нужна помощь. Мне, если не ошибаюсь, какие-то отгулы были положены. Можно мне хотя бы одним сегодня воспользоваться?

– Да, да, конечно. Если что нужно будет, звоните.

Саша завел машину, осмотрелся и выехал с территории больницы. Он решил проехаться по ближайшим улицам в поисках магазина женской одежды. Ехать долго не пришлось. Через 10 минут увидел вывеску магазина женской одежды, припарковался и направился к входу.

Его приветствовала молодая продавщица.

– Девушка, здравствуйте. Надеюсь, что у вас есть всё из этого списка. Размер 46-й, – он протянул телефон, показывая записку.

– Из этого списка у нас есть всё, кроме средств личной гигиены, они продаются далее по коридору. Какой цвет предпочитаете?

– Выбирайте на свой вкус, главное, чтобы цвета были не яркие.

Продавщица быстро прошлась по стендам, через некоторое время она подошла с одеждой к клиенту.

– Цвета хорошие, нежно-фиолетовый, нежно-розовый, думаю, подойдет. Беру.

– Тогда пройдемте к кассе. Как будете расплачиваться? Наличными или по карте?

– По карте.

Александр расплатился, с покупками направился в отдел по продаже средств для личной гигиены. После, выходя из торгового центра, заметил ларек с фруктами и направился туда.

– Здравствуйтесь. У нас отличные фрукты! – приветствовал его продавец.

– Дайте мне яблоки, груши, помидоры, абрикосы, не забудьте огурцы, черешню.

Александр, довольный тем, что быстро решил вопрос с покупками, направился к машине. Машин на дороге было мало, да и от больницы он был недалеко, так что скоро въехал во двор больницы, о существовании которой до сегодняшнего утра и не знал. С пакетами направился к посту дежурной медсестры.

– А вот и я. Вы не поможете это передать женщине? Тут и фрукты, овощи, их помыть бы.

– Одежда очень кстати. Ей пока халат больничный дали.

– Удалось узнать как ее зовут? – спросил Саша.

– Да, но не от нее самой. В сумке, что висела через плечо, лежал ее промокший паспорт. Оттуда и переписали. Она всё еще молчит.

– А как ее зовут?

– Лидия Евгеньевна, фамилию забыла.

Медсестра взяла пакеты Александра и направилась с ними в палату. Он пошел за ней узнать номер палаты, но не стал заходить. Посмотрел и вернулся к посту медсестры.

Вскоре к своему столу вернулась и Асият Залимбековна.

– А вы – молодец! Все хорошо выбрали. Лидию Евгеньевну сейчас капают успокоительным со снотворным. Она несколько часов будет спать. Так что можете ехать домой.

– Меня сегодня с работы отпустили, я, скорее всего, останусь. И можно на «ты».

– Хорошо.

– Саша, если пройти по коридору прямо, потом направо, в уголке стоят диванчики. Они очень удобные. Можете там подождать.

– Отлично. Спасибо. Скажешь, когда можно будет к Лидии Евгеньевне зайти?

– Скажу.

Александр направился искать диванчики. Он поймал себя на мысли, что больница не похожа на учреждение здравоохранения. Нет больничного запаха, необычный ремонт, много цветов, уютно.

Он нашел диванчик. Оказалось, что там не только удобно посидеть, но и можно было почитать газеты, журналы, посмотреть телевизор.

Он присел и сейчас, когда не нужно было ехать, бежать, делать что-либо, его будто цунами накрыли воспоминания и волна боли. Его отец был военным летчиком, всю жизнь защищал воздушные просторы Родины. А умер нелепо. Скорую не пропустили. Это сейчас хотят принять закон, по которому водителю, не пропустившему карету скорой помощи, грозит уголовная ответственность. Но неужели над человеком должна висеть уголовная ответственность, чтобы он сделал элементарную вещь – пропустил машину с бригадой врачей, которые едут спасать жизнь! Когда он видит в интернете ролики, как в разных странах, даже бастующие за считанные секунды расступаются, чтобы пропустить машину службы спасения, каждый раз у него щемит сердце.

Когда не стало отца, он не смог дать волю чувствам. Матери было настолько плохо, что он боялся показывать слезы. Он был подростком, но держался, будто мужчина.

В те далекие годы для него спасением стали книги. Он не выпускал их из рук, много читал, чтобы не оставаться одному со своими мыслями и бедой. Книги будто составляли компанию, занимали голову, помогали прогонять грустные мысли и унять боль.

«Мне сейчас срочно нужно что-то прочитать», – подумал Саша.

Он перечитал все журналы, газеты, что лежали на столике, просмотрел все новости в интернете, соцсетях и понял, что ему невыносимо скучно ничего не делать. Позвонил матери, соврал, что на работе. Обзвонил друзей, но все были заняты. Решил пройтись по больнице, план на десять тысяч шагов надо было выполнять. Здание больницы состояло из нескольких корпусов, он прошагал по длинным коридорам между корпусами, поднимался то вверх, то вниз по лестницам. Вернулся в отделение, откуда начинал свой маршрут. Дежурной медсестры не заметил, прошел дальше до двери палаты спасенной им утром женщины. Дверь оказалась полуоткрыта, в палате Лидия Евгеньевна была одна. Она спала. Саша зашел, тихо закрыл за собой дверь и присел на стул для посетителей. Он и не заметил, как заснул.

Лидия проспала несколько часов. В Питере белые ночи, поэтому и не определить, сколько времени, без часов. Зеленые шапки деревьев закрывали окно. Она повернулась и увидела своего

спасителя – молодого черноволосого парня лет двадцати пяти, спавшего у ее кровати.

«Спасибо тебе!» – она мысленно поблагодарила молодого человека.

«Спасибо, Всевышний, что направил его ко мне. Прости меня! Дай мне силы справиться!» – продолжала она, подняв взор к белому потолку больничной палаты.

Саша, будто почувствовал взгляд, проснулся. От неудобной позы затекла спина, шея. Он потянулся на стуле, разминая спину, и встретился взглядом со спасенной им женщиной.

– Здравствуйте еще раз. Меня Александр зовут. Можно Саша, – и улыбнулся ей широко.

– Меня Лидия Евгеньевна, можно Лида. Спасибо тебе большое.

– Да ладно, – сказал, засмуцавшись, Саша. – Было бы за что.

– Нет, Саша. Как раз есть за что, поэтому прими мою благодарность и низкий поклон. Правда, сейчас поклониться не могу, – они засмеялись.

Смех помог снять возникшую неловкость и напряжение.

– Лидия, я хотел спросить. Вот когда вас выпишут, не сходите со мной на чашечку турецкого кофе? Или, может, чай предпочитаете?

– Я тебе стольким обязана, что придется сходить, – она улыбнулась, давая понять, что с удовольствием принимает приглашение.

– Лидия, давайте забудем слово «обязан». Я принимаю вашу благодарность. Давайте познакомимся снова, с чистого листа, будто мы знакомимся сейчас и до этого не виделись. Не знаю, как объяснить, но я не могу не быть рядом с вами сейчас. Я с работы отпросился. Если что надо, можете сказать. Я полностью в вашем распоряжении.

– Надеюсь, что и мои дети вырастут хорошими и небезразличными людьми. Остается поблагодарить твоих родителей за воспитание сына. Счастливая у тебя мама.

– Ну, насчет этого не знаю, зато я самый счастливый сын!

Дверь в палату открылась, и на пороге была лечащий врач.

– Как вы себя чувствуете? Можете присесть? Мне нужно осмотреть пациента.

Саша вышел из палаты. Через некоторое время открылась дверь и вышла Рузанна Руслановна.

– Не напомните свое имя?

– Александр, можно Саша.

– Саша, у пациентки личная драма. Мне она сейчас не откроется. А вот тебе откроется гораздо быстрее. Отведи ее куда-нибудь чай попить, лучше зеленый, попробуй разговорить и узнать в чем дело. В этом ключ к ее выздоровлению. Но не усердствуй, а так, аккуратно.

– Попробую. Я перед вашим приходом пригласил ее на чай. Но думал, что это будет после выписки. Но если можно и сейчас, то я буду рад помочь.

– На территории больницы есть несколько уютных кафе. И далеко ходить не надо. Она физически абсолютно здорова. Ходить можно и даже нужно. Это мое тебе задание.

– Да я и сам помочь хочу, – отозвался Саша.

– Ну и молодец. Жду от тебя новостей.

Саша постучался в дверь палаты и, услышав разрешение, вошел.

– Лидия, я узнал, что здесь есть несколько кафешек. Честно говоря, от ужина не отказался бы. Не составите компанию? Врач разрешила вам вставать и ходить. И даже настояла на том, чтобы вы не лежали, а ходили.

– Хорошо. Я согласна.

По указателям нашли кафе. Посетителей было мало. На витрине стояло много красивых пирожных и других сладостей.

– Что вам заказать? Я не сладкоежка, но мимо такой красоты не смогу пройти, – сказал Саша, потирая руки в предвкушении.

– Пирожное «картошка» и кофе.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Саша вернулся с двумя подносами, где было не только то, что заказывала Лидия.

– Мои друзья не любят ходить со мной по кафе и ресторанам, разве что когда я сильно голоден, – сказал Саша.

– Почему? – не поняла Лидия.

– Потому что у меня мама профессиональный шеф-повар.

– Повезло тебе.

– Не то слово! И любая другая еда по сравнению с маминой мне кажется невкусной.

– Теперь поняла, почему друзья с тобой не ходят. То, что вкусно им, не так вкусно тебе.

– Да, и не только поэтому. Я родился и вырос в Баку, знаю, что такое настоящая еда. К сожалению, в Питере очень сложно найти вкусные продукты. Тепличные продукты и то, что привозят в супермаркеты, для меня как резина без вкуса и запаха. Поэтому и страдаю.

– Нам остается лишь посочувствовать друг другу и надеяться, что и на наших прилавках вновь появятся вкусные и экологически чистые фрукты и овощи.

Саша не знал, как себя вести, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Понимал, что просто нужно говорить.

– Саша, ты сам умеешь готовить?

– Нет. К тому же, когда мама так шикарно готовит, зачем мне продукты переводить? Да и времени нет. Я успеваю только пару раз в неделю утром в спортзал. Работа – дом, дом – работа.

– А что за работа такая, что у молодого парня даже на дискотеки времени нет?

– Я тружусь в юридической компании. Мне очень нравится моя работа. Она помогла мне понять очень важную вещь: безвыходных ситуаций не бывает, всегда нужно сражаться и нельзя опускать руки.

В воздухе повисла тишина.

– Извините. Я не хотел выводить разговор на утренние события. Это у меня случайно получилось. Честно вам признаюсь, я не знаю, как себя вести. Но мне внутренний голос подсказывает, что мне нужно быть с вами.

– Саша, спасибо тебе. Никаких слов не хватит, чтобы выразить тебе мою благодарность. Чтобы ты не терзался, расскажу что могу. Я не случайно оказалась в воде. Я не помню как, я не знаю как, но я прыгнула с моста. А вода все не хотела меня принимать, выталкивала и выталкивала.

– Могу я спросить: что вас заставило прыгнуть с моста? Что у вас такого случилось, что вы хотели уйти из жизни?

– Саша, я проиграла дело. Сегодня утром мой бывший муж отнял детей. Без них мне жизни нет, – последние слова Лидия договаривала со слезами на глазах.

– Лидия, вы меня, конечно, извините, но.... – он хотел, но не решился сказать, что из-за этого не стоило сводить счеты с жизнью, тем более что детям от этого лучше не станет. – Это дело поправимое. Я знаю, о чем говорю. Я – юрист. Любое решение суда можно обжаловать.

– Может быть, но не в моем случае.

– Поверьте мне, выход можно найти, если есть желание. Может, я не в тему скажу, но недавно из новостей узнал, что актер Джонатан Риз Майерс пытался с собой покончить, он наглотался таблеток и запил спиртным. Часть стены его дома стеклянная. Соседи через это стекло увидели его, лежащего на полу, и вызвали скорую. И знаете из-за чего? Он узнал, что его бросила девушка. Подумаешь, девушка бросила! Да по нему миллион девушек одна краше другой сохнет! Идиот! Он, наоборот, должен был сделать так, чтобы эта девушка локти себе кусала, что его бросила! Стать еще более знаменитым, более успешным. Да и вообще, как он мог из-за какой-то девушки не подумать о родителях!

Лидия успокоилась и в ответ на его слова сказала:

– Да, я была права. Ты – очень хороший сын.

– Лидия, не уходите от темы.

– Я только сегодня поняла, как были правы мои родители. Наперекор их воле вышла замуж. Папа как в воду глядел, говорил, что мужу не я нужна, а его состояние. Леонид обобрал меня до нитки. Разорил фирму отца. Дом, квартиры, машины, которые достались мне по наследству от родителей, непонятным образом оказались записанными на него. В дела фирмы не вмешивалась, была собственником компании, директором был муж. Фактически я оказалась по документам безработной, без жилья, машин. Этот мерзавец подал на развод, детей отдали ему.

Она разрыдалась, что Саше пришлось идти за водой, чтобы ее успокоить.

– Лидия, из своего небольшого, но всё же опыта могу точно сказать, что без «карманного нотариуса» здесь не обошлось. Я хочу вам помочь, но мне бы на бумаги взглянуть.

– О делах фирмы мне ничего не известно, без вопросов подписывала бумаги. Муж их приносил, я подписывала, он забирал. На моей банковской карточке всегда было достаточно денег. Больше

ни о чем и не задумывалась. Ведь никому не придет в голову, что любимый муж, отец твоих троих детей окажется редким мерзавцем.

– Лидия, я работаю в крупной юридической компании. Мой шеф Марьяна Анатольевна – профессионал и хороший человек. Обращусь к ней за помощью. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Главное – чтобы вы не раскисали и не сдавались.

– Саша, ты не понимаешь. Я совершенно без денег. Все мои карточки заблокированы, наличных денег хватит на несколько дней.

– Лидия, забудьте о деньгах. Я готов заняться вашим делом абсолютно, слышите, абсолютно бесплатно. От вас требуется собранность и нацеленность на победу. Сейчас вам нужно отдохнуть. У вас был очень тяжелый день. Провожу вас до палаты, но не прощаюсь. Подумайте над моими словами. Я приеду к вам завтра. И потихонечку, по чуть-чуть будем разбираться с вашим делом. Договорились?

– Спасибо, Саша! Вас мне точно Всевышний послал!

В холле Лидия встретила свою знакомую.

– Ой, Раиса Васильевна! Вы ли это?! Сколько лет, сколько зим?! Как я рада Вас видеть! – счастливые возгласы нарушили тишину больничных коридоров.

– Ой, Лидия, лапушка! Вы ли это?! Здравствуйте! Что вы здесь делаете?

К удивлению Саши, у обеих случайно встретившихся женщин потекли слезы ручьем, они обнялись и долго простояли в этой позе.

– Может, нам в кафе вернуться? – предложил Саша.

Женщины предложили посидеть на скамейке на свежем воздухе.

– Саша, знакомьтесь, это – Раиса Васильевна. Много лет работала с моим отцом, потом работала с мужем. Раиса Васильевна, а это... – она замаялась и не знала что сказать. Ей не хотелось, чтобы кто-либо узнал об утренних событиях.

– Раиса Васильевна, будем знакомы. Я – юрист Лидии Евгеньевны, – коротко и без лишней информации перехватил инициативу Саша.

– Бедный папа был прав! Леонид меня обокрал, компанию разорил, всё имущество на себя переписал и детей отнял! – со слезами на глазах рассказала Лидия.

– Лапушка, да что вы такое говорите! Я там два месяца как не работаю. Леонид Егорович меня уволил. Так что и знать не знаю о происходящем. Ужас-то какой! И это всё Леонид Егорович на-творил? Отнять детей?! Разорить?!

Раиса Васильевна, как показалось Саше, была невероятно удивлена и даже покраснела. Он испугался, не повисилось ли у нее давление.

– А я и не знала, что вас уволили, – промолвила Лидия.

– Дорогие дамы, извиняюсь, что прерываю. Раиса Васильевна, я правильно понял, что вы знаете мужа Лидии и вы с ним работали?

– Да, молодой человек. Я в этой компании более 50 лет проработала. Еще в СССР начинала, а закончила – уже страна другая. Работала и с отцом, и с мужем Лидочки. Помоложе была, в аппарате управления работала, а в последние годы была личным помощником руководителя.

– Раиса Васильевна, вопрос серьезный. Вам не попадались подозрительные бумаги, договоры? – поинтересовался Саша.

– Какие могут быть подозрительные бумаги, договоры? Ничего такого не было. Всё было как обычно.

– Ясно. Дело непростое. Нужно будет в Росреестр обращаться. А вот с компанией, как он ее активы себе прибрал, сложно будет разобраться без доступа к бухгалтерии, юридическим документам фирмы, – сказал Саша, глядя на Лидию.

– Ой, батюшки! Я тут вспомнила, – вскрикнула Раиса Васильевна, – я как-то на свой компьютер вирус «словила». Открыла файл, думала счет прислали, нажала «скачать» и всё содержимое компьютера превратилось в какую-то абракадабру. От фирмы потребовали денег за расшифровку. Платить не стали. Жалко было данные, но делать было нечего. Мне тогда купили внешний usb диск и сказали все документы туда архивировать, и на яндекс-диск. Я заново сканировала все договоры, акты и архивировала.

Саша чуть не подпрыгнул от радости:

– Отлично! Это как раз то, что нам нужно!

– Сегодня удивительный день, – сказала Лидия. – Рядом со мной сидят два человека, которых мне точно Бог послал. А что вы здесь делали? – обратилась Лидия к Раисе Васильевне.

– Я родственницу навещала.

– Лидия, мне нужна информация: название компании, домашний адрес и адрес фирмы. Запишите мне в телефон всю информацию, – протянул ей свой телефон. – И вот вам мой номер телефона, – записал его на салфетке и протянул.

– Раиса Васильевна, нам пора уходить, часы приема заканчиваются, я вас до дома подвезу. И заодно, у меня в машине ноутбук, подключимся к вашему яндекс-диску, попробую скачать информацию.

– Лидия, поверьте мне, я что-нибудь придумаю. Вы не нервничайте, отдыхайте, поправляйтесь. Завтра буду здесь, – заверил Саша.

– Лапушка, мы ведь не чужие друг другу люди. Мой дом – ваш дом. Будут выписывать, приезжайте ко мне. Адрес помните? К тому же я одна живу. Места всем хватит.

Лидия явно не ожидала такого поворота событий. У нее в очередной раз потекли по щеке слезы. Она только безмолвно потянулась и в очередной раз обняла Раису Васильевну.

Женщины успокоились и Лидия ответила:

– Адрес помню, как же не помнить! Метро Ладужская, Индустриальный проспект, дом 26/24.

– Лидия, мы вас доведем до палаты и с Раисой Васильевной поедем.

Она не сопротивлялась тому, что ее доведут до палаты. У нее потеплело в душе.

«Все будет хорошо, все будет хорошо! Спасибо, Господи!» – повторяла она про себя.

– Раиса Васильевна, не поверите, но мы с вами – соседи! Я живу рядом с вами на проспекте Косыгина.

– Батюшки! Не зря говорят, что «тесен мир».

Саша подключил телефон к ноутбуку, они зашли на яндекс-диск Раисы Васильевны и запустил процесс скачивания информации. Молодой юрист не был ни оптимистом, ни фаталистом, ни реали-

стом. Он занимал срединное положение – не хотел радоваться раньше времени, но и не собирался сдаваться и опускать руки.

– Саша, я не хотела спрашивать, но что случилось, почему Лидочка оказалась в больнице? У нее был нервный срыв?

Саша не стал ничего рассказывать. Он только коротко ответил, что да.

Разговаривая о том, как за последние годы преобразилась территория у метро Ладужская, Раиса Васильевна и Саша без пробок доехали до Индустриального проспекта.

– Рад был познакомиться! Еще не раз увидимся! – сказал Саша, отъезжая от дома Раисы Васильевны.

Через десять минут Саша был дома, где его ждала горячо любимая мама и ее вкусный ужин.

Он не стал ей рассказывать о событиях сегодняшнего дня. Не хотел ее тревожить. К ним зашла соседка и Саша оставил их.

Он ушел в свою комнату, присел на край кровати и понял, что его трясет, будто ему холодно. Но ему не было холодно. Он знал, что это за дрожь. Впервые его так трясло, когда он узнал о том, что не стало отца. Он вспомнил день похорон отца и к дрожи в теле добавились и слезы из глаз. У него в голове была только одна мысль: «Лишь бы мама не зашла и не увидела меня в таком состоянии».

«Утро вечера мудренее», – сказал он и пошел спать. Не стал смотреть скачанные файлы из яндекс-диска Раисы Васильевны. Он хотел посмотреть их на свежую голову.

Мама Саши проводила соседку и была очень удивлена, что ее сын, который никогда рано не ложился, уже спал, а не было и десяти вечера.

* * *

На следующий день Саша был на работе ни свет ни заря.

– Марьяна Анатольевна, с добрым утром, – со стуком вошел в кабинет, отсчитав пятнадцать минут после того, как в офисе появился начальник юридического отдела.

– Привет, что у тебя случилось?

– Марьяна Анатольевна, нужно женщине одной помочь, – Саша рассказал ей события предыдущего дня.

– Да, день был не из легких. Суть дела ясна. Ты займись просмотром материалов из яндекс-диска, а я займись вопросами недвижимости.

Саша налил себе утренний кофе и отправился к себе. Он просматривал электронные документы, через три часа ударил в ладонь и подскочил. Подхватив ноутбук, быстрым шагом направился с ним к Марьяне Анатольевне.

– Вот договоры с одинаковыми датами, номерами, предметами договора, суммами, но на две разные компании: ООО «Производственно-строительная компания «Северная Венеция», сокращенное название ООО «ПСК «Северная Венеция» с генеральным директором Кожиным Леонидом Егоровичем и ООО «Производственно-строительная корпорация «Северная Венеция» без сокращенного наименования с генеральным директором Кожиной Лидией Евгеньевной. Адреса у компаний одинаковые, название обслуживающего банка одинаковое, отличаются только ИНН и номера расчетных счетов организаций.

– Саша, у меня тоже новости. Как раз собиралась тебя позвать. По указанным тобой адресам имущества оформлена сделка дарения, которую оформляла нотариус Аверина Татьяна Сергеевна. Нашла ее адрес. Надо бы к ней съездить.

– Поедем. Не вопрос. А мне кажется, я понял, как он фирму разорил – открыл свою вторую. Если в договоре прописать сокращенное название, то сложно заметить, что это две разные компании. Пользуясь репутацией фирмы Лидии, заключал контракты на свою новую. На старой компании копились долги перед бюджетом, обязательства перед контрагентами, персоналом. А деньги поступали на его новую контору. Мошенничество чистой воды. К тому же, у них инициалы одинаковые. Трудно заметить разницу.

– Начинает всё проясняться. Так, посмотрим в интернете адрес этой Авериной. Вот, нашла, – с этими словами они направились к выходу из офиса.

Поехали в машине Марьяны Анатольевны. Ехали они недолго. Офис нотариуса был недалеко, да и утренние пробки пошли на спад.

Они припарковались, вышли из машины и направились к зданию с вывеской «Нотариус Аверина Т. С.».

В нотариальных конторах всегда «негде яблоку упасть», но к удивлению юристов в конторе кроме секретаря никого не было.

– Здравствуйте! Мы сегодня не работаем. Извините.

– Девушка, у нас личный разговор к нотариусу Авериной, Вы не могли бы ее позвать? Мы из юридической компании.

– Нотариусу срочно пришлось уехать по личным делам. Наверное, она будет завтра, хотя точно не могу сказать. В ее семье случился несчастный случай.

– А что случилось?

– Вы с ней буквально пять минут как разминулись. Ей позволили, сказали, что дома случился пожар. Она пулей вылетела. Больше ничего не знаю, – ответила секретарь.

– Вы не могли бы дать мне ее телефон? Или домашний адрес? – спросила Марьяна Анатольевна.

– Извините, но это сделать не могу.

– Девушка, у нас серьезное дело и мы пришли сюда не в игры играть. Можем прийти и с милицией. Пожалуйста, не создавая лишних проблем и шума, дайте мне ее контакты.

Секретарь записала на бумаге телефон, адрес нотариуса и попросила: «Пожалуйста, только не говорите, что это я вам дала».

– Не переживайте, не скажу. Спасибо.

Юристы покинули офис нотариальной конторы столь же стремительно, как и появились в ней.

– Едем за город в поселок Лисий Нос.

В сторону Питера была пробка, большой поток машин ехал из Курортного района, но их дорога из Питера в сторону поселка была открытой. До пункта назначения добрались за сорок минут.

В поселке Лисий Нос по указанному адресу они застали пожарные машины и пожарников, закатывавших шланги. Над пепелищем от дома поднимался клубок дыма.

– Дом сгорел. Очень всё странно. Дом новый, с проводкой проблем быть не должно. Хотя, кто его знает? Сейчас столько горе-строителей развелось, что всё может быть. Девушку только жалко, – сказал пожарник.

– Какую девушку? – спросил Саша.

– В доме девушка была. Она спала. Чудом нашли и вынесли. На скорой увезли. Пока жива. Надеюсь, что выкарабкается.

– Случайно не знаете, куда увезли? – поинтересовалась Марьяна Анатольевна.

– Нет, лучше у соседей спросите.

Юристы направились к соседям, они стояли, сочувствуя чужому горю.

– Здравствуйте! Не подскажете, куда могла скорая уехать?

– Скорее всего, в Сестрорецкую сороковую больницу. Она от нас ближайшая. Адрес: ул. Борисова, д. 40, – ответил один из соседей лет шестидесяти.

– А вы соседей давно знаете? – поинтересовалась Марьяна Анатольевна.

– Нет, они месяц как переехали. Дом новый. Прежний хозяин построил, но не жил. Продал и уехал. Ни старых, ни новых жильцов дома не знаем.

– Ну что, в Сестрорецк?

– В Сестрорецк, – отозвался Саша.

По Приморскому шоссе между Лисьим Носом и Сестрорецком всего 11 километров. Без пробок до пропускного пункта городской больницы № 40 они доехали очень быстро.

У входа строгий охранник попросил предъявить паспорта, переписал данные, дал бахилы, указал путь к хирургическому отделению. В отделении выдали белые халаты. Дежурная медсестра подсказала, где сидит женщина, ожидая окончание операции дочери после пожара.

Марьяна Анатольевна и Саша прошли дальше по коридору и заметили женщину лет шестидесяти. Она сидела в кресле, по ее щекам текли слезы, она приговаривала: «Это я виновата, это я виновата».

– Здравствуйте! Вы Татьяна Сергеевна? Меня Марьяна Анатольевна зовут.

Женщина вытерла слезы, посмотрела на подошедших к ней людей.

– Да, это я. А в чем дело?

– Мы представляем интересы нашего клиента Лидии Евгеньевны Кожиной.

После этих слов нотариус разрыдалась.

– Это я виновата и Бог меня покарал. Бумаги заверила я. Это я ее без жилья оставила. Жадность меня сгубила. Хотела дочери

дом купить. Всю жизнь честно жила, да ничего не нажила. А на старости лет опозорилась. На добро позарилась. Да пропади оно пропадом это добро. Добро – когда оно с честным трудом пришло. Лишь бы дочь не потерять.

– Татьяна Сергеевна, может, поможете Лидии Евгеньевне? Помогите ей, и Бог поможет вам... – сказала тихо Марьяна Анатольевна.

– Я виновата. Очень перед ней виновата. Давайтеждемся окончания операции, и я с вами поеду куда скажете.

Через три часа из операционной вышел врач и направился к Татьяне Сергеевне.

– Здравствуйте! Меня зовут Александр Иванович. Операция была сложной, но всё прошло успешно. Мы сделали всё, что смогли. Теперь всё зависит от нее. Надеемся, что молодой организм справится.

– Спасибо, спасибо большое, – Татьяна Сергеевна обняла вышедшего к ней хирурга.

– Все. Я готова. Идемте...

* * *

В отделении полиции оформили явку с повинной и отпустили нотариуса под подписку о невыезде.

Саша вышел из отделения полиции и присел на скамейку. Вскоре к нему присоединилась и Марьяна Анатольевна.

– Как-то не верится, – сказал Саша.

– Да, я сама, честно говоря, не ожидала.

– У Лидии телефона нет, я обещал к ней заехать сегодня.

– Поедем сейчас вдвоем.

– Если я ей расскажу, то боюсь, что она, может, и не поверит, но если вы – то да.

Через час они въезжали во двор больницы. Знакомым маршрутом Саша прошел к палате Лидии. У поста медсестры в этот день дежурила другая медсестра. Посетителям выдали халаты и пропустили.

В палате Лидия была не одна, а с Раисой Васильевной.

– Здравствуйте! У нас сногшибательные новости! Расскажет их руководитель юридического департамента нашей компании Марьяна Анатольевна.

– Добрый день! Рада знакомству. У меня большая практика, но события сегодняшнего дня даже меня удивили. Полдня и ваша жизнь, Лидия Евгеньевна, может вернуться в прежнее русло.

– Что? – не поверила своим ушам и приподнялась с кровати Лидия.

– Загадки банкротства компании и потери имущества разгаданы. Нотариус, незаконно оформившая документы по переходу права собственности вашего имущества на имя бывшего мужа, в милиции оформила явку с повинной. Если подадите в суд, есть высокий процент уверенности, что вы всё себе вернете, и самое главное – детей.

– Что? Боже, случаются чудеса! Спасибо! Спасибо вам всем! – подскочила Лидия, не веря собственным ушам.

* * *

Позади были несколько судебных заседаний.

Решение районного суда Петроградского района признало недействительным договор дарения всех объектов недвижимости, которые муж Лидии незаконно присвоил себе.

С ООО «Производственно-строительная компания «Северная Венеция», сокращенное название ООО «ПСК «Северная Венеция», где генеральным директором был Кожин Леонид Егорович, решением арбитражного суда были взысканы все суммы по подложным договорам, которые изначально предназначались для ООО «Производственно-строительная корпорация «Северная Венеция» с генеральным директором Кожин Лидией Евгеньевной. Виновник «торжества» Кожин Леонид Егорович получил срок с лишением свободы на пять лет с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Закончилось заседание районного суда, ждали оглашения решения о месте проживания трех детей Лидии. Юристы стояли рядом с подзащитной. В зале сидели Раиса Васильевна с детьми и мама Саши, которая очень гордилась своим сыном.

Судья огласила:

– Определить место проживания детей с матерью, Кожин Лидией Евгеньевной...

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 0+

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

МУРАДИН МУССАЕВИЧ ОЛЬМЕЗОВ (1949) – поэт, драматург, прозаик и переводчик, лауреат Государственной премии КБР.

М. Ольмезов – тонкий лирик, обладающий широтой взгляда на мир. Уже первая книга поэта «Турья тропа» (1977) свидетельствовала о том, что М. Ольмезов – поэт истинных чувств, подлинных переживаний. С каждым новым сборником – «Солнце – ладонь моего утра» (1983), «Эрирей» (1986), «Тайная поляна» (1991) – росло мастерство поэта, расширялся круг волнующих его тем.

В творчестве М. Ольмезова подкупают глубина, простота и выразительность стиха, отсутствие холодной рассудительности.

Мурадин Ольмезов ярко проявил себя и как драматург. Его пьесы «Княгиня Гошаях», «Тахир и Зухра», «Изнанка тишины» признавались лучшими национальными пьесами на различных театральных фестивалях. Пьеса «Кровь и пепел» была переведена на французский язык и вышла в Париже в 2008 году.

Сказал свое слово М. Ольмезов и в области перевода. Особо следует отметить получившие высокую оценку читателей переводы рубаи Омара Хайяма, вышедшие отдельной книгой в 2002 году.

М. Ольмезов – талантливый детский поэт. В 1991 году он стал лауреатом премии Госкомиздата КБАССР в области детской литературы.

ЗЕРКАЛО

Кто там в зеркало глядится?

Жаннет.

Кто красой своей гордится?

Жаннет.

Зеркало радо.

И девочка рада –
Ей только это и надо.
В зеркало Расул глядит:
Кто это?
Весь измазанный стоит,
Кто это?
Напугал себя Расул
Так, что спрятался
Под стул!

ВОЛЧОНОК

Плачет крохотный волчонок:
– Ест малину медвежонок,
Мне малину не достать,
Вот бы Медвежонком стать!

ЧЕРЕПАХА И ДОЖДИК

– Кто стучится среди ночи
В мой домишко костяной?
– Это я, – бормочет дождик,
Я замёрз, пусти домой!

ДВА КЛУБКА

Солнечный вытянув луч из окна,
Я намотала клубок.
Ночью клубок серебристый Луна
Кинула мне на порог.
Киска со стула глядит на клубки.
Знаю, ты хочешь играть!
Вижу, как светятся глаз огоньки,
Но не могу тебе дать.

Солнцу мне надо связать кимоно,
Шапку и шарфик Луне,
И на красивое платье должно
Что-то остаться же мне.

Перевод А. Шараповой

ВОДА

Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой мне глаза и нос
Только так, чтоб не подрос.
Вымой мне мои реснички –
Пусть порхают, словно птички
Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой мне язык и губы,
Чтоб язык мой не был грубым,
Руки мне отмой от лени,
Вымой волосы, колени
Ты, вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой брови всем на диво,
Стану я такой красивой!
Мама скажет: «Что за радость!»
И за это купит сладость.
Чтобы легким был твой путь –
Дам тебе ее лизнуть.
Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!

Перевод А. Пряжниковой

Белла АБРОКОВА

Аброкова Белла Мусовна – поэт, прозаик, драматург, переводчик.

Она родилась в с. Залукокоаже Зольского района КБАССР. Окончила ФФ КБГУ. В том же году начала работать ведущей на республиканском радио, где вела авторскую программу. Автор нескольких книг, которые пользуются успехом у целевой аудитории. Белла Аброкова – член Союза журналистов России, член Союза писателей России, главный редактор республиканского детского журнала «Нур» на кабардино-черкесском языке.

ЯПЭ ДЫДЭ – ЯПЭ КЛАСС

Нанэ Іэфым и кІэкъуащІэм
ЕджакІуэщІэр укъыкъуаш.
УфІэхьэлъэ тхылъылъэщІэр
УпщІэхэлъу укъыдаш...

КъыпкІэлъольэр топыр пкІатэу,
Хьэндрэфийр къыпкІэлъофий,
Ебгъэсащ наужьыр къащтэу,
Ар жыг щхьэкІэм «щобжьамий».

Уи щІыбагъым къызэриплъэу
ПцІащхъуэ цыкІухэм ягъэхъэж,
Я макъ цІуухэр къызэщІэплъэу
Ягу къыпхуеуэр ялуэтэж...

Хьэмыщэжьым фІощІ урейуи,
Дэцымейуэ къыпфыдож.
Уи «хъумакуэм» уоплъ ней-нейуи,
Ухуоль: – Хьирэ. ІукІ. Гъэээж!

- Ари здэши, тІэкІу егъаджэ,
Уи есэпыр егъэщІыж.

Нанэ гуфлэу хьэм клэльоджэ,
Уэ кыпклэльоушэщэж...

Къыбжилар уи дадэ щабэу,
Уи гум илэу уоплэкыж.
«Уэ, Щлэныгэ Щауэ ухэу, тлу,
Утехьащ насып лээмыж!»

Шылэныгэм и лэжьэкьур
лэ сэмэгуклэ, щлалэ, лыгэ.
Уи Щлэныгэм и гушэкьур
Ар лэ ижым егэлыгэ!»

ГЪАТХЭ ПАСЭ

Ди школ пщлантиэм дэт псеишхуэм
Тклууэ щлэтт зы уэсклурый.
Зигэщхэуэ хужь щабэшхуэм,
лэпэхэ цырхыу, хэурт хыбий.

Псыхэлыгэуэу щлэж уэс тклужым
Гъатхэ дыгээр тегушхуат.
Жыхапхэпэмклэ уэс хужьым
Уэсклурыйм мыр тритхат:

«Фэ схуефтыж пэгуныр Матлэ,
Си пэпхэ папцлэр – Хьэутий.
Мы жыхапхээр – пхээнклэф Тлатлэ...
...Уарэ! Поху си уэс лэдийр...

Щлэвмыгэклэ фи нэпс, гуп махуэ,
Дыгээр фэ фымыгэбий.
Къэсыжынкэ ди щлымахуэр.
Фытхээжынкэ!»

* * *

Гъатхэ пщашэ жейбашхъуэнэр
Жьаклэху дадэ кьегъэуш.
Хьэбэр хуежыр Жьыбгъэ-нанэ,
Бзухэр дахэм хуотхьэгъуш...

Гъатхэ пщашэ клэ баринэр
Уэшх-уэс лъагъуэмклэ мэуш...
Дыгъэ-мамэ а гыринэм
Нэпсыр бзийклэ хуегъэгъуш.

Мыл щыгъэхур и лэпэхъыу
Ар Уэсцауэм клэлъоклий.
Ажэгъуэмклэ кьехъуэхъуу
Мо луткълкълым зыхуеший.

САБИЙГЪАСЭ ЧЭНДЖЭЩИПЦИ

Лэмытхьэщлү лэнэм тлысыр
Шейтлан цыкълухэм ауан ящл.

Зи лэфраклэ лэнэм телъым
Гъэса цыкълухэм лупщлэ хуашл.

Шхыныр жьэм жьэдэзу псалъэм
Хужытлэнуш «гурымыхь».

Яхуэмышхэу, лупэцабэу
Къиин цыкълум – «гурымыкь».

«Хъуп-лъып» жилэу шейм елубым,
Флэтцыр «щхьэпс» хьэмэ «щыкълей»?

Тепщэч дзаклэм кыгуимыхыу
Плщлэ-тхьытхьыу шхэм – «нэпсей»?

Іэнэм шысу сэ къэзыщтэм
Куэдрэ къохъу зыщиулэж.

Зызышийуэ шхыным Іэбэм,
Дауи, къохъу зыщиутэж.

Сэ, бжэмышхыр, гуахъуэр, хъупыр
Іэнэм флейуэ тумылъхъэж.

Узэрышхэу, тепщэч нэщІым
Ахэр дахэу уэ илъхъэж.

Тхыль, айфон, планшет, айпадхэр
ШапІэ Іэнэм уэ умыхъ.

Уеджэу е уджэгуу шхыныр
Уи жьэм зэи уэ хуумыхъ.

Загъэгусэ шхыни Іэни,
Шхын гъэткІунми хуохъу зэран.

А чэнджэщхэр пхуэгъэзащІэм,
ПхужытІэнщ: «Ахъырзэман!»

ЗЭКЪУЭШИТХУ

Іэпхъуамбэшхуэ – Іэпхъуамбэпщщ,
Ар гъумыщІэщ икІи кІэщІщ.
Іэпхъуамбапщэ – щхъэпс щІыкІейщ,
КъыІэрыхъэмкІи нэпсейщ.
Къахуоплътыхыр, Іэпхъуамбащхъэ,
ПфІощІ а кІыхъыр тету Іуащхъэ.
Іэпхъуалъэпэ – Іэпэ щэхущ,
Къарууншэщ, и фэр – шэхущ (абы лты хаш).
ЦІыкІужьей ІэпхъуамбэжъакІэ
Фимыгугъэ тету жъакІэ.

А ерыщыр гусэрейщ,
Щагъэклауэ, лэпэтлейщ.

БЖЭРЫБЖЭ

лэпхъуамбэшхуэ гъумщ, пщы закъуэщ.
лэпхъуамбапщэ – луащхъэ щхьитлщ.
лэпхъуамбашхъэ – шабзэу захуэщ,
лэпхъуалъэпэ – шэнт лъакъуипплщ.
Цыкълужьейми, къуэш етхуанэр
Ягухъам, лэмыщлэ мэхъу.
Бий къатеуэм а зэшитхур
лэштым быди зэрогъэхъу.

НАНЭ И ФАЩЭ

Нанэ и фащэр
Щабэу пэщацэт,
Щимэ дыщафэм
Ищт лъабэдий.
Дарий лэщхъэхур
Жьыхуу хуэрахуэрт,
луащэ хуэдэ
Клэпэху бжъамийр.

Нанэ и фащэм
Луащэу зигъазэт,
Сыхуэмыгъасэм,
Гусэт лэдийр.
Дадийуэ пщыпщлу
Абы и тхъэмпэ
Тещыыхъа тхыпхъэр
Тхъэрык лэбзийт.
Псысэ луащэр
лум изгъэщацэу,

Фацэм и куэщым
Клуцэу зисшихьт.
Шэхэх уэрэди
Щылау сымыщлау,
Бжамий клапэхур,
Хурхэр си пщыхьт.

...лу бахьэ-хьару
Пщыхьыр луосыкри,
Тхьэшхуэ хуэуджу
Зыдызошей.
Си пкьыр хуэпабгьэу
Фацэм сыпсэуми,
Сыльэмылэсу
Сыхудоплэей.

ДЭНЛЪЭЧ

Мамэ и лэпэм мастэр кьигьафэт,
Фацэ си гуацэм хуиду дыщыст.
Дыщэпс хэдыкым пылэр кьигьаблэт,
Блыуэ шыхьауэ топ цыкыу щхьэщыст.

– Сыт мыр зищысыр? – мамэ соупщыр.
– Нэ темыгьахуэщ, дэнлъэч шыр цыкыуш.
Ар тхьэ тхуелъэлуу жэщкля мэусэ,
Уэгум дэплэейуэ пылэм щхьэрысщ.

НАНЭ, СЫТ НАСЫПЫР?

– Нанэ, сыт насыпыр?
– Псэр зэхьуапсэращ.
– Сыт абы щлэхьуапсэр?
– Фыгьуэщи аращ.
– лэфлура и флагьыр?

- Фіэфлу гум – гурыхьщ.
- Сыт–тіэ и инагыр?
- Насып льягыэр кыхьщ.
- Дэнэ ар щыпсэур?
- Іуашхэм и щыгу тхуам.
- Зэщхьыр сыт насыпыр?
- Дымылъягы хьэуам.
- Ар кьехыфрэ Іуашхэм?
- Дэкыфарщ ар зейр.
- Сымылъягы и льягыэр...
- Къэлтыхуэж ууейр.

МЫСЭР СЭ СЫКЪАУМЫС

Си щхьэр, си пщэр, си пэр,
Си Іэр, си плІэр, си блэр,
Си лъэр кызоауэ,
КызащІэкыр зауэ!

Кызэзауэ сагъэуэ,
Сагъэуэ сагъэгыз,
Сагъэгызу сокІэзыз,
СыкІэзызу сагъэсыс.

Сагъэсысу сосымаджэ,
Сысымаджэу мамэ соджэ,
Мамэ соджэ, согь, сокІий,
Согь-сокІий, соукІурий.

СоукІурийри кысхураджэ,
Кысхураджэ дохутыр бзаджэ,
Бзаджэм кьехьыр пхуантэ фаджэ,
Фаджэм дэлъу мастэ пыджэ.

Пыджэ мастэр джафэу цІууэ,
ЦІууэ папцІэм уигъэвууэ!

Уигъэвууэ пцӀапцӀэм халуу,
ПцӀанэм ар уэ хыумыгъэлуу!

Хезмыгъэлуу сафылуожыр,
Сафылуожри сафыщӀожыр,
СафыщӀожри зызоудыгъур,
Зызоудыгъур, ещхьу дыгъум.

Дыгъуу, сэ зызоущӀэхур,
ЗызоущӀэхур щыму, щӀэхуу,
ЩӀэхуу жалэр зэхызохыр,
Зэхызохыр гур пигъэхуу.

Сыкыхехур дохутыр бзаджэм:
– Фи сабийр, – жи, – мысымаджэ.
Мысымаджэ, ауэ бзаджэм
И тхылъыльэм «тӀу» сымаджэ,
«тӀу» сымаджэ плъыжьу дӀэльщ,
Плъыржьэр-жьӀэру, хьыжьӀэу дӀэльщ».

Мис абдежым мэс си напэр,
Си щхьэр, си пцӀэр, си лӀэр, лупэр,
Си лъэр, си псэр – псори мэс,
Мысэр сэ сыкъаумыс!

Фарида КУДАЕВА-КОЧЕСОКОВА

СОВЕТ НА ЛУЖАЙКЕ

Сказка

На лужайке лесного массива собрались зверюшки, а на нижних ветках единственного многовекового дуба, который стоял в середине, расположились птички. Им предстояло обсудить важные дела.

– Почему осень так быстро наступила? – начала недовольно первой необщительная иволга. – Я скоро отправлюсь в путь, полечу в тропики Азии, Африки или Сахару.

– Так в Азию или Африку? Может, в Сахару? – нетерпеливо спросил, перебив ее, дрозд.

– С моим желтым оперением, думаю, все-таки выбрать Сахару, легче выжить.

– Ты похожа на экзотические птицы Африки. Лети хоть куда, ничего с тобой не случится, быстро затеряешься среди других птиц.

– Я же не об этом! – задрожал голос иволги. – Я не хочу каждый раз куда-то улетать.

– Почему? Это же интересно. Ты путешествуешь каждой осенью. Ты пролетаешь древние города, моря, горы.

– Потому что мне всегда плохо вдали от родины.

– Странная ты, иволга. Наша родина – везде, – не соглашается с ней дрозд.

– У любой птицы есть своя родина. Родина там, где она родилась, не понимаешь ты ничего, – сердится иволга.

– Понимаю, но и родина иногда сурова к нам, особенно зимой. Она становится такой колючей, – немного помолчав, дрозд добавил, – но я её все равно люблю.

В разговор вмешался маленький лисёнок, прибежавший втайне от матери, чтобы поиграть с друзьями:

– Зачем вам куда-то улетать? Заройтесь в снег и спите на здоровье. А когда зима пройдет, проснетесь.

– Ничего ты не знаешь, – хмыкнула иволга. – Ты маленькая. Эта зима – твоя первая зимовка в лесу. Лисы не медведи, они не спят все три месяца.

– Не плачь, иволга, мне тоже плохо сегодня. Я привык к пению соловья. Рано просыпаюсь, чтобы послушать его. Даже боюсь, что опоздаю. Я так люблю слушать музыку леса, – говорит бурундучок. – А соловьи тоже скоро улетят. До их возвращения я буду слушать другие песни.

– Вы, бурундуки, большую часть времени проводите на деревьях, хотя живёте и зимуете в норах, которые умеете хорошо прятать. Вам не на что жаловаться.

– Знали бы вы, как нам тяжело это даётся. Нам приходится добрую половину года работать, запасаясь орехами и семечками. Я не жалуясь, друзья. Работать мы любим. Любим точно так же, как и слушать пение соловья.

– Вы сами свое утро начинаете с того, что взбираетесь на дерево и громко щебечете. Зачем?

– Как зачем? Мы хотим в лесной оркестр добавить что-то своё. Каждый должен уметь писать музыку. А как по-другому вы узнаете, что это мелодия моей души?

– А душа имеет мелодию?

– Все в этом мире имеет свою мелодию.

– Даже ветер?

– Особенно ветер. Ветер дует, завывает, воет, приносит тучи, разгоняет их, поднимает волны, сушит лужи, срывает шляпы, обрывает листья, кружит их. Каждому действию ветра соответствует своя музыка.

– А ты откуда всё это знаешь, бурундук?

– Откуда? Так, я старик уже, хоть и маленький, давно живу, законы природы и мира знаю.

– Ты про мелодию души расскажи.

– Расскажу, сейчас расскажу, иволга. И ты слушай, дрозд. И вы, куропатки и скворцы, соболенок и малыш-крот, невидимые гномы, прячущиеся под грибами, слушайте. Мелодия души – это наше состояние, которое передается через глаза. Иногда она искрится радостью, иногда грустью льется из души.

– А ты можешь поделиться семечками?

– Конечно, поделюсь, певучий дрозд. Ты же всегда поешь для меня. Ты проголодался?

– Нет, я хотел узнать, ты настоящий друг или не совсем.

– Я поняла, – сказала иволга, – почему я ещё не хочу улетать.

– Почему?

– Я буду скучать не только по родному лесу, но и по своим друзьям.

– Родной лес ничто не заменит. Ни Сахара, ни Африка.

– Там нет березок, ясени, дуба.

– И ореховых деревьев там нет? – спросил бурундук.

– Я не видела ни одного.

– Ой-ой-ой! Как же это плохо! – искренне опечалился зверек.

Вот так они проговорили до обеда, а потом все поползли, пошли, поскакали, полетели в свои норы, гнёзда и другие домики, договорившись, что за обедом подумают над тем, что услышали, а потом снова соберутся, чтобы что-то решить.

Вечером, после ужина, все, ненадолго отпросившись у родителей, снова собрались возле старого дуба на лужайке. Совет продолжился с бурного обсуждения заката.

– Какой красивый закат сегодня! – сказал бурундучок, подняв голову к небу.

– И правда! Посмотрите, как солнце радуется нам! – вскрикнул лисенок.

– Оно тоже с нами заодно! – при этих словах иволги солнечные лучи заплясали радостно на лицах лесных зверюшек и птичек. Несколько недавно оперившихся зимних птиц захлопали своими крыльями. Так они прощались до утра со светилом. И даже дрозд сказал иволге:

– А знаешь, что ты как маленькое солнышко?

– Это как? – удивилась она.

– Оперение тебе подарило солнце, оно тебя любит.

– И вы меня любите?

– Да, любим, любим, конечно, любим! – понеслось отовсюду. И иволга поняла, что улетать в теплые края совсем не страшно, когда у тебя есть такие верные друзья и родина, солнце которой делится с тобой теплом и краской и куда можно вернуться весной.

– Я вернусь к вам, обязательно вернусь, – крикнула иволга своим друзьям, улетаая.

– Возвращайся, мы встретим тебя, – этим словам вторило эхо, сопровождая иволгу всю дорогу.

Сулиман МУСАЕВ

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рассказ

В пятом «Б» классе шел урок литературы. Располагался класс в помещении бывшей столовой, стоявшей в метрах ста от школы – старого, еще тридцатых годов постройки, белого двухэтажного здания.

После начала второй войны из Грозного и районов активных боевых действий в Ассиновскую хлынул поток беженцев, в школе увеличилось число учащихся и некоторые классы пришлось разместить в пристройках – в кабинете труда, мастерских и столовой. И хотя с начала войны шел уже четвертый год, до «наведения конституционного порядка» было еще далеко, и размещенные в школьных пристройках временно, как думали, дети продолжали обучение в таких не слишком благоприятных условиях.

Помещение столовой, в отличие от других подсобок, было большим. Эта особенность сказывалась зимой, когда еле теплившиеся батареи плохо грели и дети сидели за партами в верхней одежде и перчатках.

По правую сторону от входной двери тянулся прилавок, который делил помещение на две примерно равные части. За ним стояли шкафы, несколько парт, какие-то ящики, чудом уцелевший общепитовский котел, инвентарь технического персонала: лопаты, швабры, веники. В шкафах, некоторые из которых были без дверей, лежали стопки старых учебников.

Вел урок Ризван Махмудович, мужчина средних лет, всегда аккуратнo одетый и тщательно выбритый. У доски стоял Аслан Курбанов, не по годам рослый и розовощекий крепыш, и читал доклад о жизни и творчестве Льва Толстого. В его рассказ временами врывается шум улицы – рев бронетехники, редкие автоматные очереди: в станице шла «зачистка». О предстоящей «зачистке» было известно заранее – накануне она шла в соседнем селе, Серноводске, кроме того, все въезды-выезды из Ассиновской еще со вчерашнего дня были перекрыты, а это для научных горьким опытом станичников было верным признаком того,

что следующая очередь за ними. Вчера вечером, после уроков, педагогический коллектив провел краткое совещание, на котором решался один вопрос: проводить ли занятия в школе на следующий день. Учителя сошлись на мнении, что уроки нужно проводить. Они надеялись этим оградить от бесчинств хотя бы старшеклассников. Сам Ризван Махмудович, несмотря на возражения обеспокоенной жены, настоял на том, чтобы его сын-десятиклассник в этот день обязательно пошел в школу. «Пусть он лучше завтрашний день проведет среди людей, – заявил он. – Ничего, даст Бог, все обойдется».

Ризван Махмудович ходил по классу взад-вперед, заложив руки за спину, слушал доклад и время от времени утвердительно кивал. На уроках он всегда ходил вдоль рядов, поддерживая в классе рабочую атмосферу и садился лишь для того, чтобы сделать перекличку.

Курбанов закончил доклад и вопросительно посмотрел на учителя.

– Молодец, Аслан! Садись, я оставлю тебе «пять», – Ризван Махмудович прошел к доске. – А теперь...

Кто-то постучался, дверь приоткрылась, и заглянул Руслан из девятого класса, брат Малики:

– Извините, Ризван Махмудович, Мадаеву можно? Я забыл паспорт дома, хочу послать ее за ним, на всякий случай, – виновато объяснил он.

– Конечно, конечно. Иди, Малика.

Малика встала и быстро вышла. Сегодня по программе у них намечалось чтение и обсуждение рассказа «Петя Ростов», отрывка из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого.

Вдруг до них донесся женский плач. Ризван Махмудович стремительно вышел и увидел: раскидывая полы плаща, прямо по лужам в сторону дома бежала Сацита Усмановна, молодая учительница математики. Во дворе школы, тихо переговариваясь, стояло несколько женщин и с ними директор, Мадина Абуевна.

Ризван Махмудович подошел к ним:

– Что случилось?

– У нее брата забрали, отца, который пытался воспротивиться этому, избили. Девочка прибежала, рассказала ей, – хмуро объяс-

нила Мадина Абуевна. Она сама сильно беспокоилась об оставшемся дома муже, но не могла покинуть школу.

Ризван Махмудович вернулся в класс. Стояла мертвая тишина. Прошло несколько минут. Под окнами послышались громкие голоса, дверь резко и широко распахнулась, и в класс ввалилось несколько военных с автоматами навскидку. Дети встали. Военные быстро огляделись, затем четверо прошли за прилавок, а пятый, капитан, подошел к учителю.

– Добрый день, предъявите документы! – хриплым голосом потребовал он.

Ризван Махмудович достал из кармана темно-серого пиджака паспорт и трудовую книжку, которые в это смутное время всегда носил с собой, и протянул капитану. Четверо других тем временем производили обыск, рылись в ящиках, заглядывали за шкафы, зачем-то вываливали в кучу учебники. Ученики продолжали стоять. Ризван Махмудович, стараясь держать себя в руках, обратился к капитану:

– Товарищ капитан, ничего противозаконного здесь нет. Покиньте, пожалуйста, кабинет – у нас идет урок, – голос его был спокоен.

– «Урок!» – передразнил его «товарищ капитан». – Чего их учить, все равно бандюгами вырастут! Моя бы воля... – тут он обратился к своим подчиненным: – Ну что там?

– Чисто, товарищ капитан!

– Значит, плохо ищите, – ухмыльнулся он, небрежно кидая паспорт учителя на стол.

– Садитесь, дети – обратился к своим ученикам Ризван Махмудович, видя, что никто, кроме него, не обращает внимания на стоящих детей и не попросит их садиться.

Капитан внимательно оглядел детей и закончил начатую ранее фразу, отчетливо проговаривая слова:

– Моя бы воля, я все это змеиное отродье поставил бы к стенке, – и неожиданно грязно выругался.

Ризван Махмудович вспыхнул:

– Товарищ капитан, держите себя в руках, это же дети!

Вошел еще один офицер. Он поздоровался и спросил у капитана:

– Нашли что-нибудь?

– Ничего не нашли, товарищ подполковник!

Подполковник повернулся в сторону детей:

– Как делишки, детишки? Учитель хороший у вас?

После небольшой паузы несколько голосов ответило:

– Хороший!

– Двоек много ставит? Может, нам забрать его?

– Не надо! – дружно ответили дети. Военные засмеялись. Ризван Махмудович опустил голову.

Недалеко раздался взрыв. Послышался звон разбитого стекла. Офицеры и солдаты бросились наружу. Оказалось, один из солдат поднялся для проверки на чердак мастерской, чего-то испугался (может, шарахнувшейся от скрипа открываемой дверцы чердака кошки?) и швырнул лимонку.

Петимат, сидевшая за первой партой, заплакала. Она была беженкой из Катар-Юрта. Во время штурма села была ранена, в ней до сих пор сидело несколько осколков. Ризван Махмудович подошел к ней, стал гладить ее по голове и успокаивать:

– Не плачь, не плачь, Петимат! Видишь, они уже ушли. Скоро они совсем уйдут. Все будет хорошо, не плачь.

Скоро рыдания перешли в тихие всхлипывания.

Ризван Махмудович вернулся на свое место и тяжело опустился на стул. Перед ним лежала открытая тетрадь с поурочными планами. Несмотря на свою почти двадцатилетнюю преподавательскую практику, он всегда приходил на уроки тщательно подготовленным.

«Война и мир»... Сегодня он собирался поговорить с этими пятиклассниками о патриотизме русских солдат в Отечественной войне 1812 года, о некоторых героях этой войны: партизанском вожаке Денисе Давыдове, генерале Николае Раевском и его сыновьях. Собирался поведать им об их знаменитом земляке, которого, правда, Л. Толстой в своем романе не упоминает: командовавшем в войне с французами Ш Бугским казачьим полком, полковнике Александре Чеченском, кавалере многих правительственных наград, который впоследствии дослужился до чина генерал-майора русской армии. Но ничего не стал говорить. Ему было мучительно стыдно перед этими мальчиками и девочками,

словно они его, именно его уличили в чем-то позорном, низменном, недостойном. Он боялся, что дети почувствуют фальшь в его словах, недоверие к его рассказу. Ведь дети очень чутко все воспринимают.

В окно влетела ласточка. Она сделала несколько кругов и села на приоткрытую створку форточки.

– Ласточки прилетели! – радостно воскликнул кто-то в тишине.

– Что? – Ризван Махмудович оторвал взгляд от стола. – Ласточки?

Видя светлеющие лица учеников, он сам не смог удержаться от улыбки.

– Ласточки прилетели – это хорошо.

Ласточка склонила голову набок и, лукаво поглядывая на детей, о чем-то весело защебетала.

Алим КЕШОКОВ

Перевод на чеченский язык произведений Алима Пшемаховича Кешокова к 110-летию писателя.

Переводчик – Хожбауди БОХАРДЖИЕВ

КОРЕРА СЕРЛО

Йехачу буса ца чу серло кхетта...
Клант длавахана, вац хьомениг цахь.
Серло йу корах араленаш – клетла,
Ткъа нана-м тховса йижа йац дагахь.

Клантана герга герташ дохк ду йаьржа,
Буйсано бода кхачий цунна те.
Дахкарлахь буса, блаьрса къагош, йаьржи
Генарчу корехь чиркхан нуьре це.

«И Ийна чохъ къегина даим лаьтта,
Генарчу клантан кхиам сирла гуш»,

– Олура нанас, стигла хьожий, батте:
«Хуьлура к1ант чиркх богуш, ган лууш...»

Йовхонна т1аьххье 1аьно йохьу шело...
Чиркх летта го, и даим нанна тов.
Тешаш йу иза: корехь мел йу серло,
К1ант кхелхар вац йа цунна хир йац чов!

Тк1а буйсанна йо ойланаш цо гийла,
К1ант виццаво, ловшволу т1еман к1ахь.
И лелла нек1аш, церан гена хилар
Сатийсамца цо кхобу шен даг чохь.

СВЕТ В ОКНЕ

Всю ночь, всю ночь горит в лагуне свет,
А сын уехал... сына дома нет.
Свет на дорогу льётся сквозь окно,
А матери заснуть не суждено...

Ей суждено все ночи напролет
Грустить о сыне, что ушел в поход.
И даль его дороги фронтовой
Она своей измерила тоской...

В бою ползёт над сыном черный дым,
Иль ночь повисла буркою над ним,
Сквозь ночь и дым сын видит все равно
Свет, озаривший дальнее окно.

– Пусть будет комната его светла,
Как вдалеке светлы его дела, –
Сказала мать. И, лишь взойдет луна,
Свет зажигает в комнате она...

Сменяются и зной, и холода,
А свет горит, не гаснет никогда!
И верит мать, - покуда свет горит,
Не будет сын ни ранен, ни убит...

ЛЕРМОНТОВГА

Лаам хиларна паччахъан лакхарчу,
Сан доттагI, хьо схъакхечира кхуза.
Кавказан чIаже кхачийти халачу,
Хьо ламанхочун лацийта герзе.

Ткъа герзаш девлча, сих а луш дIаала,
Ломара волчо тIевеъна, стаге
Мохъ туйхира: «Ца оьшу хьо ларвала:
Кавказехъ хаъа, мила ву бехке».

Сан йишас, хьалагIоттий, малхал хьалха,
КIайн хьокхамаш дой, хIоттадора пхьор.
Динара вуссуш, хьо ца вуьтуш цхьалха,
Ас луйта лоций, сацайора говр.

Хьо веза хета массарал а, аьлла,
Вай нийсархой ду – цхьаъ ду терахъ а:
ДейтталгIа шо ду со дуьненчу ваьлларг,
Бакъду, хьол бIе шо даьллачул тIаьхьа.

Со реза ву вайн кхолламна тахана,
Сан йиш хиларна лекха лаьмнашкахъ,
Исмаил-Бей вовзийта массарна,
Гочдира дийцарш ломара кхерчахъ.

Куз хьалаайа цIа чохъ цаэшарна –
Набкхетийта, хьайн къайладакхий герз.
Ас лору хьо, хьан байташкахъ хиларна,
Ламанхо айар, бекош деган мерз.

Ас дехар до: – ЦхъакIеззиг соьца Iехъа! –
Делахъ а сихха, вертан ойуш тIам,
Самукъадаьлла, нелсаIина дехъа
Дина хиира, тхуна бойуш чам.

Ахъ лаьмнашкахъ дин хоьхку цхъаьна тхоьца.
Вай, мурдаш санна, даим бертахъ Ia.
Ас аьрру агIор, ларвеш, хьо тIелоцу,
Кулиев Кайсын – аьтто агIорхъа.

Ойлане эгна хета лаьмнийн баххъаш,
Къамелаш до седанца седано.
Къона ву хьо, некъ герга бац чекхбалал:
БIешерийн чан айина хъан дино.

ЛЕРМОНТОВУ

...Веленьем высочайшего указа,
Опальный друг из северных сторон,
Ты сослан был в ущелия Кавказа
И к пуле горской в них приговорен.

Но раздавались выстрелы в ауле,
И горец из укрытья своего
Кричал тебе: – Не опасайся пули,
Кавказцы знают, целиться в кого!..

И благодарен собственной судьбе я
За то, что там, где высятся снега,
Тебе рассказы Исмаила-бея
Переводил, присев у очага.

И под ковром узорчатого ворса
Мог перед сном оружие в головах
Не прятать тот, кто так простого горца
Сумел возвысить в пламенных стихах.

Прошу тебя: – Побудь еще немного! –
Но снова, бурки черное крыло
Ты весело откинув у порога,
Сядишься в кабардинское седло.

И скачешь по горам не иноверцем,
И, как мюриды, издавна верны,
Тебя я слева прикрываю сердцем,
Кайсын Кулиев с правой стороны.

Вершины гор задумчивы и строги,
Звезда с звездой над ними говорит.
И молод ты, и нет конца дороге,
И пыль веков летит из-под копыт.

Юрий ТХАГАЗИТОВ

Юрий Мухамедович Тхагазитов – доктор филологических наук, профессор, председатель отделения Союза писателей КБР РФ. Статья напечатана в газете «Литературная Россия» к 105-летию Алима Пшемаховича Кешокова. В этом году отмечается его 110-летие.

И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ПРОВЕЛ БЫ НА ЗЕМЛЕ...

Именно в этот день, который, как известно, длится много дольше века, я и попытаюсь обозначить контуры нерукотворного памятника классику кабардинской литературы Алиму Пшемаховичу Кешокову.

Итак, отличительной чертой солнечной поэтики творчества нашего всадника чести является органичный синтез народно-эпической традиции с неповторимой её индивидуализацией. Эта, казалось бы, общая характеристика для любого представителя новописьменной литературы, по-особому проявляется в самых различных по художественному строю произведениях Кешокова:

О если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нём сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный путь провёл бы на земле.

А вот несуетно-авторская интерпретация эпической истории нашего народа, в которой без сослагательных степеней слышатся трагические мотивы русско-кавказской войны:

Скала единой глыбою была,
Была она величьем знаменита,
А ныне даль осколками покрыта.
Судьба народа – как судьба гранита.

В этих стихах, написанных и опубликованных в советское время, я вижу концептуально-философскую основу последнего романа «Корни», которым Кешоков снова опередил и определил направление национального литературного процесса.

Если в двух словах попытаться сформулировать присутствие (порой, незримое) Алима Кешокова в нашей духовной жизни, то это, прежде всего, конечно же, этноментальная вера нашего народа в своё будущее, корригирующее задачи традиционных культур в условиях объективной для нас культурной универсализации.

Именно художественное постижение полноты народного бытия и его транслирование в будущее делает творчество Кешокова национально-непреодолимым.

Сегодня, перечитывая и переосмысливая творчество Кулиева и Кешокова мы обязаны по-новому осмыслить их роль и место в современном национальном, общероссийском (а теперь, часто слышим) и в мировом духовном пространстве. И здесь, во-первых, очень важно сочетать изучение линейно-эволюционной интерпретации национально-художественного сознания с его бифуркационной (противоречиво-коммунистической) составляющей.

Во-вторых, творчество наших классиков – самый органичный пример для типологического изучения национальных литератур, развивающихся в различных языковых стихиях.

В-третьих, конечно же, нужно учитывать и мировой контекст, но не обязательно при этом заглушать по определённым датам творчество наших классиков юбилейной риторикой. Здесь необходимо структурирование соответствующей нашему типу художественного сознания методологии. Для меня убедительным, в этом смысле, ориентиром остаётся пока ещё высказывание С.Аверинцева: «Были народы, внесшие уникальный вклад в развитие цивилизации, и народы, не давшие почти ничего. Но важно не это. Важно то, что... того немногого, что они внесли, нельзя заменить ничем другим».

Сегодня для нас по особому актуален призыв А.Кешокова:

И если мир нуждается в опоре –
Плечом к плечу товарищи мои.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ ФАРИДЫ КУДАЕВОЙ

16+

*Литературно-художественное издание
на русском, кабардино-черкесском, балкарском,
осетинском, чеченском языках*

Редакционная коллегия:

Литературные редакторы:

**Фарида Кудаева
Марианна Маргушева**

Корректоры

**Мадина Лигидова
Сакинат Абаева**

Компьютерная верстка:

Дарина Дарова

Дизайн журнала:

Ирина Борова (Гидова)

Ирина Борова (Гидова)

ISBN

Подписано к печати 11.10.2024г. Формат 60 на 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.п.л.12,0
Тираж 300.Заказ №

**Отпечатано: Экспресс-типография «Принт Центр»
360015 г. Нальчик, улица Братьев Кушховых, 79 «А»**

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ГОЙ ТЫ, РУСЬ, МОЯ РОДНАЯ...

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.*

*Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

